5 44
252
т 1
Ксерокопия

S 44/252

Опавшіе Листья

В. Розановъ.

С.-Петербургъ
1913

S 44/252

Ф 1-78/15737

Опавшіе Листья

В. Розановъ.

С.-Петербургъ
1913

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В.И. Ленина

2737-75
ксерокопия

Я думалъ, что все безсмертно. И пѣлъ пѣсни.

Теперь я знаю, что все кончится.
И пѣсня умолкла.

(три года уже)

1

Сильная любовь кого-нибудь одного дѣлаетъ ненужнымъ любовь многихъ.

Даже не интересно...

Что̀ значитъ, когда «я умру»?

Освободится квартира на Коломенской и хозяинъ сдастъ ее новому жильцу.

Еще что̀?

Библіографы будутъ разбирать мои книги.

А *я самъ?*

Самъ?—*ничего.*

Бюро получитъ за похороны 60 руб. и въ «мартѣ» эти 60 руб. войдутъ въ «итогъ». Но тамъ уже все сольется тоже съ другими похоронами; ни имени, ни воздыханія.

Какіе ужасы!

Сущность молитвы заключается въ признаніи глубокаго своего *безсилія*, глубокой ограниченности. Молитва — гдѣ «я не могу»; гдѣ «я могу»—нѣтъ молитвы.

Общество, *окружающіе* убавляютъ душу, а не прибавляютъ.

«Прибавляетъ» только тѣснѣйшая и рѣдкая симпатія, «душа въ душу» и «одинъ умъ». Таковыхъ находишь одну-двѣ за всю жизнь. Въ нихъ душа расцвѣтаетъ.

И ищи ея. А толпы бѣгай или осторожно обходи ее.

(*за утрен. чаемъ*)

И бѣгутъ, бѣгутъ всѣ. Куда? зачѣмъ?

— Ты спрашиваешь, зачѣмъ міровое volo?

Да тутъ—не volo, а скорѣе ноги скользятъ, животы трясутся. Это скэтингъ-рингъ, а не жизнь.

(на Волково)

Да. Смерть — это *тожсе религія. Другая религія.*

Никогда не приходило на умъ.

. . . . . .

Вотъ арктическій полюсъ. Пелена снѣга. И ничего нѣтъ. Такова смерть.

. . . . . .

Смерть — конецъ. Параллельныя линіи сошлись. Ну, уткнулись другъ въ друга, и ничего дальше. Ни «самыхъ законовъ геометріи».

Да, «смерть» одолѣваетъ даже математику. «Дважды два—*пол*ъ».

(смотря на небо въ саду)

Мнѣ 56 лѣтъ: и помноженные на ежегодный трудъ—дают *ноль*.

Нѣтъ, больше: помноженные на *любовь*, на *надежду*—дают *ноль*.

Кому этотъ «ноль» нуженъ? Неужели Богу? Но тогда кому-же? Зачѣмъ?

Или неужели сказать, что смерть *сильнее* самого Бога. Но вѣдь тогда не выйдетъ-ли: *она сама*—Богъ? *на Божьемъ мѣстѣ?*

Ужасные вопросы.

Смерти я боюсь, смерти я не хочу, смерти я ужасаюсь.

Смерть «бабушки» (Ал. Адр. Руд.). измѣнила-ли что-нибудь въ моихъ соотношеніяхъ? Нѣтъ. Было жалко. Было больно. Было *грустно за нее.* Но *я* и «со мною» — ничего не перемѣнилось. Тутъ пожалуй еще больше грусти: какъ смѣло «со мною» не перемѣниться, когда умерла она? Значитъ, она мнѣ *не нужна?* Ужасное подозрѣніе. Значитъ вещи, *лица* и имѣютъ соотношеніе, пока живутъ, но нѣтъ соотношенія *въ нихъ, такъ сказать, взятыхъ отъ подошвы до вершины,* метафизической подошвы и метафизической вершины? Это *одиночество вещей* еще ужаснѣе.

Итакъ мы съ мамой умремъ и дѣти, *погоревавъ,* останутся жить. Въ

міръ ничего не перемѣнится: ужасная перемѣна *настанетъ только для насъ*. «Конецъ», «кончено». Это «кончено» не относительно подробностей, но *цѣлаго, всего*—ужасно.

Я *конченъ*. Зачѣмъ-же я *есмь*?!!!

Если бы не любовь «друга» и вся исторія этой любви,—какъ обѣднилась бы моя жизнь и *личность*. Все было бы пустой идеологіей интеллигента. И вѣрно все скоро оборвалось бы.

... о *чемъ* писать?
Все написано *давно* (*Лерм.*)

Судьба съ «другомъ» открыла мнѣ безконечность темъ и все запылало личнымъ интересомъ.

Какъ *самыя счастливыя* минуты въ жизни мнѣ припоминаются тѣ, когда я видѣлъ (слушалъ) людей счастливыми. Стаха и Алек. Пет. П—ва, разсказъ «друга» о первой любви ея и замужествѣ (кульминаціонный пунктъ моей жизни). Изъ этого я заключаю, что я былъ рожденъ *созерцателемъ*, а не *дѣйствователемъ*.

Я пришелъ въ міръ, чтобы *видѣть*, а не *совершить*.

Что́-же я скажу (на т. с.) Богу о томъ, что онъ послалъ меня увидѣть?

Скажу-ли, что міръ имъ сотворенный прекрасенъ?

Нѣтъ.

Что́ же я скажу?

Б. увидитъ, что я плачу и молчу, что лицо мое иногда улыбается. Но онъ ничего не услышитъ отъ меня.

Я пролеталъ около темъ, но не летѣлъ на темы.

Самый полетъ—вотъ моя жизнь. Темы—«какъ во снѣ».

Одна, другая... много... и всѣ забылъ. Забуду къ могилѣ.

На томъ свѣтѣ буду безъ темъ. Богъ меня спроситъ:

— Что́-же ты сдѣлалъ?

— Ничего.

Нужно хорошо «вязать чулокъ своей жизни», и — не помышлять объ остальномъ. Остальное — въ «Судьбѣ»: и все равно *тамъ* мы ничего не сдѣлаемъ, а *свое* («чулокъ») испортимъ (черезъ отвлеченіе вниманія).

Эгоизмъ — не худъ; это — кристаллъ (твердость, неразрушимость) около «я». И, собственно, если-бы всѣ «я» были въ кристаллѣ, то не было-бы хаоса, и слѣд. «государство» (Левіаѳанъ) было-бы почти не нужно. Здѣсь есть $^{1}/_{1000}$ правоты въ «анархизмѣ»: не нужно «общаго», κοινὸν: и тогда индивидуальное (главная красота человѣка и исторіи) выростетъ. Нужно-бы вглядѣться, что́ такое «до-историческое существованіе народовъ»: по Дрэперу и такимъ-же, это — «троглодиты», такъ-какъ не имѣли «всеобщаго обязательнаго обученія» и ихъ не объегоривали янки; но по Библіи — это былъ «рай». Стóитъ-же Библія Дрэпера.

(за корректурой)

Проснулся...

Какіе-то звуки... И заботливо прохожу въ темномъ еще утрѣ по комнатамъ.

Съ востока—свѣтаетъ.

На клеенчатомъ диванчикѣ, поджавъ подъ длинную ночную рубаху голыя ножонки, — сидитъ Вася и, закинувъ голову въ утро (окно на востокъ), съ книгой въ рукахъ твердитъ сквозь сонъ:

И ясны спящія громады
Пустынныхъ улицъ и свѣтла
Адмиралтейская игла.
Ад-ми-рал-тей-ска-я...
Ад-ми-рал-тей-ска-я...
Ад-ми-рал-тей-ска-я...

Не дается слово... такая «Америка»; да и какъ «игла» на улицѣ? И онъ перевираетъ:

...свѣтла
Адмиралтейская игла,
Адмиралтейская звѣзда,
Горитъ восточная звѣзда.

— Ты что́, Вася?

Перевелъ на меня умные, всегда у него серьезные глаза. Плоха память, старается, трудно,—потому и серьезенъ:

— Повторяю урокъ.

— Такъ нужно учить:

Адмиралтейская игла.

Это шпицъ такой. Въ нѣсколько саженей длины, т. е. высоты.

— Шпицъ? Что́ это??

— Э... крыша. Т. е. на крышѣ. Все равно. Только надо: игла. Учи, учи, маленькой.

И повернулся. По дому — благополучно. Въ спину мнѣ слышалось:

Ад-ми-рал-тей-ска-я звѣзда,
Ад-ми-рал-тей-ская игла.
. . . . . .

Не литература, а *литературность* ужасна; литературность души, литературность жизни. Тó, что всякое *переживаніе* переливается въ играющее, живое слово: но этимъ все и кончается,—само *переживаніе* умерло, нѣтъ его. Температура (человѣка, тѣла) остыла отъ слова. Слово не возбуждаетъ, о, нѣтъ! оно—расхолаживаетъ и останавливаетъ. Говорю объ оригинальномъ и прекрасномъ словѣ, а не о словѣ «такъ себѣ». Отъ этого послѣ «золотыхъ эпохъ» въ литературѣ наступаетъ всегда глубокое разложеніе всей жизни, ея апатія, вялость, бездарность. Народъ дѣлается какъ сонный, жизнь дѣлается какъ сонная. Это было и въ Римѣ послѣ

Горація, и въ Испаніи послѣ Сервантеса. Но не примѣры убѣдительны, а существенная связь вещей.

Вотъ почему литературы въ сущности не нужно: тутъ правъ К. Леонтьевъ. «Почему, перечисляя славу вѣка, назовутъ все Гете и Шиллера, а не назовутъ Веллингтона и Шварценберга». Въ самомъ дѣлѣ, «почему»? Почему «вѣкъ Николая» былъ «вѣкомъ Пушкина, Лермонтова и Гоголя», а не вѣкомъ Ермолова, Воронцова, и какъ ихъ еще. Даже не знаемъ. Мы такъ избалованы книгами, нѣтъ—такъ завалены книгами, что даже не помнимъ полководцевъ. Ехидно и дальновидно поэты назвали полководцевъ «Скалозубами» и «Бетрищевыми». Но вѣдь это-же односторонность и вранье. Нужна вовсе не «великая литература», а великая, прекрасная и полезная жизнь. А литература мож. быть и «кой-какая»,—«на задворкахъ».

Поэтому нѣтъ-ли провиденціальности, что здѣсь «все проваливается»? что — не Грибоѣдовъ, а Л. Андреевъ, не Гоголь,—а Бунинъ и Арцыбашевъ. Можетъ быть. М. б. мы живемъ въ великомъ окончаніи литературы.

Листья въ движеніи, но никакого шума. Все обрызгано дождемъ сквозь солнце. И мамочка сказала:

— Посмотри.

Я глядѣлъ и думалъ то же. Она-же думала и сказала:

— Что можетъ быть *чище* природы...

Она не говорила, но это была ея мысль, которую я продолжалъ:

— И люди и жизнь ихъ уже не такъ чисты какъ природа...

Мамочка сказала:

— Какъ природа невинна. И какъ поэтому благородна...

(лѣтъ восемь назадъ въ саду)

Когда я прочелъ это мамочкѣ, она сказала:

— Это было года четыре назадъ.

Это еще было до болѣзни, но она забыла: тому — лѣтъ восемь. Она прибавила:

— Ты теперь несчастенъ, и потому вспоминаешь о томъ, когда мы были счастливы.

Прихрамывая, несетъ полотняныя туфли, потому что сапоги я снялъ и по ошибкѣ поставилъ торжественно передъ собою на перильцахъ балкона («куда нибудь»).

И все хромаетъ.

И все помогаетъ.

— Какъ было нехорошо вчера безъ тебя. Припадокъ. Даже ледъ на голову клала (крайне рѣдкое средство).

Иду. Иду. Иду. Иду...
И гдѣ кончится мой путь — не знаю.

И не интересуюсь. Что-то стихійное и не человѣческое. Скорѣе «несетъ», а не иду. Ноги волочатся. И срываетъ меня съ каждаго мѣста, гдѣ стоялъ.

(окружной судъ, объ «Едипѣ.»)

Послѣ книгопечатанія любовь стала невозможной.

Какая-же любовь «съ книгою»?

(собираясь на именины)

Сказать, что Шперка *теперь совсѣмъ нѣтъ на свѣтѣ*—невозможно. Тамъ м. б. въ Платоновскомъ смыслѣ «безсмертіе души» — и ошибочно: но для моихъ друзей оно ни въ какомъ случаѣ не ошибочно.

И не то, чтобы «душа Шперка—безсмертна»: а его бороденка рыжая не могла умереть, «Бызовъ» его (такой пріятель былъ) дожидается у воротъ, и самъ онъ на конкѣ—направляется ко мнѣ на Павловскую. Все какъ было. А «душа» его «безсмертна»-ли: и—не знаю, и—не интересуюсь.

Все безсмертно. Вѣчно и живо. До дырочки на сапогѣ, которая и не расширяется, и не «заплаты-

вается» съ тѣхъ поръ, какъ была. Это лучше «безсмертія души», которое сухо и отвлеченно.

Я хочу «на тотъ свѣтъ» придти съ носовымъ платкомъ. Ни чуточки меньше.

16 мая 1912 г.

Не понимаю, почему я особенно не люблю Толстого, Соловьева и Рачинскаго. Не люблю ихъ мысли, не люблю ихъ жизни, не люблю *самой души*. Пытая, кажется нахожу главный источникъ по крайней мѣрѣ *холодности* и какого-то безучастія къ нимъ—(странно сказать) въ «сословномъ раздѣленіи».

Соловьевъ если не былъ аристократъ, то все равно былъ «въ славѣ» (въ «излишней славѣ»). Мнѣ твердо извѣстно, что тутъ — не зависть («мнѣ все равно»). Но говоря съ Рачинскимъ объ *однихъ мысляхъ* и будучи *однихъ взглядовъ* (на церковн. школу), — я помню, что все имъ говоримое было мнѣ *чужое*; и тоже—съ Соловьевымъ, тоже—съ

Толстымъ. Я могъ ими всѣми тремя *любоваться* (и любовался), цѣнить ихъ дѣятельность (и цѣнилъ), но никогда ихъ *почему-то* не могъ любить, не только много, но и ни капельки. Послѣдняя собака, раздавленная трамваемъ, вызывала большее движеніе души, чѣмъ ихъ «философія и публицистика» (устно). Эта «раздавленная собака» пожалуй кое-что объясняетъ. Во всѣхъ трехъ не было абсолютно никакой «раздавленности», напротивъ сами они весьма и весьма «давили» (полемика, враги и пр.). Толстой ставитъ то «3», то «1» Гоголю: пріятное самообольщеніе. Всѣ три вотъ и были самообольщены: и отъэтого не хотѣлось ихъ ни любитъ, ни съ ними «водиться» (знаться). «Ну, и успѣвайте, господа,—мое дѣло сторона». Съ дѣтства мнѣ было страшно врождено состраданіе: и на этотъ главный паѳосъ души во всѣхъ трехъ я не находилъ никакого объекта, никакого для себя «предмета». Какъ я любилъ и люблю Страхова, любилъ

и люблю К. Леонтьева; не говоря о «мелочахъ жизни», которыя люблю безмѣрно. Почти нашелъ разгадку: любить можно то́, или—того́, о комъ сердце болитъ. О всѣхъ трехъ не было никакой причины «душѣ болѣть» и отъ этого я ихъ не любилъ.

—

«Сословное раздѣленіе»: я это чувствовалъ съ Рачинскимъ. Всегда было «все равно», что́-бы онъ ни говорилъ; какъ и о себѣ я чувствовалъ, что Рачинскому было «все равно», *что у меня въ душѣ*, и онъ такимъ же отдаленнымъ любленьемъ любилъ мои писанія (онъ ихъ любилъ, — повидимому). Тутъ именно сословная страшная разница; другой міръ, «другая кожа», «другая шкура». Но нельзя ничего понять, если припишешь зависти (было бы слишкомъ просто): тутъ именно *непониманіе* въ смыслѣ невозможности усвоенія. «Весь міръ другой:—*его*, и—*мой*». Съ Рцы (дворянинъ) мы понимали-же другъ друга

съ ½ слова, съ намека; но онъ былъ бѣденъ какъ и я, «ненуженъ въ мірѣ», какъ и я (себя чувствовалъ). Вотъ эта «ненужность», «отшвырнутость» отъ міра ужасно соединяетъ, и «страшно все сразу становится понятно»; и люди не на словахъ становятся братья.

Исторія не есть-ли чудовищное *другое* лицо, которое проглатываетъ людей *себѣ въ пищу*, нисколько не думая о ихъ счастьѣ. Не интересуясь имъ? Не есть-ли мы—«я» въ «*Я*»?

Какъ все страшно и безжалостно устроено.

(*въ лѣсу*)

Есть-ли жалость въ мірѣ? Красота—да, смыслъ—да. Но жалость?

Звѣзды жалѣютъ-ли? Мать—жалѣетъ: и да будетъ она выше звѣздъ.

(*въ .тысу*)

Жалость—въ маленькомъ. Вотъ почему я люблю маленькое.

Писательство есть Рокъ. Писательство есть fatum. Писательство есть несчастіе.

(3 мая 1912 г.)

...и можетъ быть только отъ этого писателей нельзя судить *страшнымъ* судомъ... *Строгимъ*-то ихъ всетаки слѣдуетъ судить.

(4 мая 1912 г.)

1 р. 50 к.

— Я тебѣ, дѣточка, переложу подушку къ ногамъ. А то отъ горячей печи голова разболится.

— Хорошо, папа. Но поставь стулъ (къ изголовью).

Поставилъ.

И улыбаясь поднялась и, вынувъ что-то изъ подъ подушки, бросила на рѣшетку стула серебряный рубль.

— Я буду на него смотрѣть.

Я уже догадался: «рубль» мамочка дала, чтобы было «терпѣливѣе» лежать.

Больна. 11 или 12 лѣтъ.

Варя въ саду такъ и старается. Метлой больше себя сметаетъ по

дорожкамъ и передъ балкономъ листья, бумажки и всякій соръ,— чтобы бросить въ яму.

— Хорошо, Варя.

Подняла голову. Вся красивая. Волосы какъ ленъ. Огромные сѣрые глаза, съ прелестью вѣчнаго недоумѣнія въ нихъ, подпольнаго проказничества, и смѣлости. И чудный (отъ работы) румянецъ на щекахъ.

13 лѣтъ.

Это она зарабатываетъ свой полтинникъ. Больная мама говоритъ мнѣ съ кушетки:

— Ну, всетаки и моціонъ на воздухѣ.

Тремъ удовольствіе, и всего обошлось въ 1 р. 50 к.

Варю Таня (старшая, съ нею въ одной школѣ) зоветъ «бѣлый конячка» или «бѣлый конёкъ». Она въ самомъ дѣлѣ похожа на жеребеночка. Вся большая, веселая, энергичная,—и отъ бѣлыхъ волосъ и бѣлаго цвѣта кожи ее прозвали «бѣлымъ конёмъ».

Это когда-то давно-давно, когда всѣ были крошечныя и въ училища еще ни одна не поступала,—я купилъ, увидя на окнѣ кондитерской на Знаменской (была страстная недѣля) звѣрьковъ изъ папье-машэ. Купилъ слона, жираффу и зебру. И принесъ домой, вынулъ «секретно» изъ-подъ пальто, и сказалъ:

— Выбирайте себѣ по одному, но такого звѣря, чтобы онъ былъ похожъ на взявшаго.

Они, минуту смотря, схватили:

Толстенькая и добренькая Вѣра, съ милой улыбкой

— слона.

Зебру,—шея дугой и бѣлесоватая щетинка на шеѣ торчитъ кверху (какъ у нея стриженые волосы)

— Варя.

А тонкая, съ желтовато-блѣклыми пятнышками, вся сжатая и стройная жираффа, досталась

— Танѣ.

Всѣ дѣти были похожи именно на этихъ животныхъ, — и въ кондитерской я отъ того и купилъ ихъ, что меня поразило сходство по типу, по духу.

Еще было давно: я купилъ мохнатую собачонку, пуделя. И не говоря ничего дома, положилъ подъ подушку Вѣрѣ, во время вечерняго чая. Когда она пошла спать, то я сталъ около лѣстницы, отдѣленной лишь досчатой стѣной отъ ихъ комнаты. Слышу:

— Ай!

— Ай! Ай! Ай!

— Что это такое? Что это такое?

Я прошелъ къ себѣ. Не сказалъ ничего, ни сегодня, ни завтра. И на слова: «не ты-ли положилъ», отвѣчалъ что-то грубо и равнодушно. Такъ она и не узнала, какъ, что и откуда.

Толстой былъ геніаленъ, но не уменъ. А при всякой геніальности умъ всетаки «не мѣшаетъ».

Умъ положимъ — мѣщанинишко, а безъ «третьяго элемента» всетаки не проживешь.

Надо ходить въ чищеныхъ сапогахъ; надо, чтобы кто-то сшилъ платье. «Илья-пророкъ» всетаки имѣлъ мѣлоть и ее сшилъ какой-нибудь портной.

Самое презрѣніе къ уму (мистики), т. е. къ мѣщанину, имѣетъ что-то *на самомъ концѣ своемъ*—мѣщанское. «Я такой баринъ» или «пророкъ», что «не подаю руки этой чуйкѣ».—Сказавшій или подумавшій такъ ео ipso обращается въ псевдо-барина и лже-пророка.

Настоящее *господство надъ умомъ* должно быть совершенно глубо-

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина

нимъ, совершенно въ себѣ запря-
танным; это должно быть субъек-
тивной тайной. Пусть Спенсеръ
чванится передъ Паскалемъ. Па-
скаль долженъ даже время отъ вре-
мени назвать Спенсера «вашимъ
превосходительствомъ»,— и вообще
не подать никакого вида о насто-
ящей *лирѣ* Спенсера.

Мож. быть я расхожусь не съ человѣкомъ, а только съ литературой? Разойтись съ человѣкомъ страшно. Съ литературой — ничего особенно.

Левинъ вѣрно упрекаетъ меня въ «эготизмѣ». Конечно—это *есть*. И даже именно отъ этого я и писалъ (пишу) «Ед.»: писалъ (пишу) въ глубокой тоскѣ какъ-нибудь разорвать кольцо уединенія. ... Это именно кольцо, надѣтое съ рожденія.

Изъ-за него я и кричу: вотъ что *здѣсь*, пусть—*узнаютъ*, если уже невозможно ни увидѣть, ни осязать, ни придти на помощь.

Какъ утонувшій, на днѣ глубокаго колодца, кричалъ-бы людямъ «тамъ», «на землѣ».

. . . . . .

. . . . . .

Вывороченныя шпалы. Шашки. Песокъ. Камень. Рытвины.

— Что̀ это?—ремонтъ мостовой?

— Нѣтъ, это «Сочиненія Розанова». И по желѣзнымъ рельсамъ несется увѣренно трамвай.

(на Невскомъ, ремонтъ)

Много есть прекраснаго въ Россіи, 17-ое октября, конституція, какъ спитъ Иванъ Павлычъ. Но лучше всего въ чистый понедѣльникъ забирать соленья у Зайцева (уголь Садовой и Невск.). Рыжики, грузди, какіе-то въ родѣ яблочковъ, брусника—разложена на тарелкахъ (для пробы). И испанскія громадныя луковицы. И образцы капусты. И нити бѣлыхъ грибовъ на косякѣ двери.

И надъ дверью большой образъ Спаса, съ горящею лампадой. Полное православіе.

И лавка небольшая. Все дерево. По-русски. И покупатель—серьезный и озабоченный,—въ благород-

номъ подъемѣ къ труду и воздержанію.

Вечеромъ пришли секунданты на дуэль. Едва отдѣлался.

Въ чистый понедѣльникъ грибныя и рыбныя лавки первыя въ торговлѣ, первыя въ смыслѣ и даже въ исторіи. Грибная лавка въ чистый понедѣльникъ равняется лучшей страницѣ Ключевскаго.

(первый день Великаго Поста)

25-лѣтній юбилей Корецкаго. Приглашеніе. Не пошелъ. Справился. Отчетъ въ «Нов. Вр.».

Кто знаетъ поэта Корецкаго? Никто. Издателя-редактора? Кто у него сотрудничаетъ?

Очевидно гг. писатели идутъ «поздравлять» всюду, гдѣ поставлена семга на столъ.

Бѣдные писатели. Я боюсь, правительство когда-нибудь догадается вмѣсто «всѣхъ свободъ» поставить густые ряды столовъ съ «бѣломорскою семгою». «Большинство голосовъ» придетъ, придетъ «равное, тайное, всеобщее голосованіе». Откушаютъ. Поблагодарятъ. И я не знаю, удобно ли будетъ послѣ «благодарности» требовать чего-ни-

будь. Такъ Иловайскій не предвидѣлъ, что великая ставка свободы въ Россіи зависитъ отъ многихъ причинъ и еще отъ одной маленькой: улова семги въ Бѣломъ морѣ.

«Дорого да сердито...» Тутъ наоборотъ—«не дорого и не сердито».

(марта, 1912 г.)

Изъ каждой страницы Вейнингера слышится крикъ: — «*Я люблю мужчинъ!*» — «Ну, что-же: *ты*—*содомитъ*». И на этомъ можно закрыть книгу.

Она вся сплетена изъ *volo* и *scio*: его *scio*—геніально, по крайней мѣрѣ гдѣ *касается обзора природы*. Женскимъ глазомъ онъ уловилъ тысячи дотолѣ незамѣтныхъ подробностей; даже замѣтилъ, что «кормленіе ребенка возбуждаетъ женщину». (Отсюда собственно и происходитъ вѣчное «перекармливаніе» младенцевъ кормилицами и матерями и послѣдующее заболѣваніе у младенцевъ желудка, съ которымъ «нѣтъ справы»).

— «Фу, какая баба!»—«Точно ты *самъ кормилъ* ребенка, или хотѣлъ его выкормить!»

«Женщина безконечно благодарна мужчинѣ за совокупленіе, и когда въ нее втекаетъ мужское сѣмя, то это — кульминаціонная точка ея существованія». Это онъ не повторяетъ, а *твердитъ* въ своей книгѣ. Можно погрозить пальчикомъ:—«Не выдавай тайны, баба! Скрой тщательнѣе свои грёзы!» Онъ говоритъ о *всѣхъ женщинахъ*, какъ-бы онѣ были всѣ его соперницами, — съ этимъ-же раздраженіемъ. Но женщины великодушнѣе. Имѣя каждая своего вѣрнаго мужа, онѣ ни мало не претендуютъ на уличныхъ самцовъ, и оставляютъ на долю Вейнингера совершенно достаточно брюкъ.

Ревнованіе (мужчинъ) къ женщинамъ заставило его ненавидѣть «соперницъ». Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ полонъ глубочайшей нравственной тоски: и въ ней раскрылъ глубокую нравственность женщинъ,—ко-

торую въ ревности отрицаетъ. Онъ перешелъ въ христіанство: какъ и вообще женщины (св. Ольга, св. Клотильда, св. Берта) первыя приняли христіанство. Напротивъ, евреевъ онъ ненавидитъ: и опять—потому, что $\frac{\text{они}}{\text{онѣ}}$ суть его «соперницы» (бабья натура евресвъ, — моя idée fixe).

Нашъ Иванъ Павловичъ врожденный священникъ, но не посвящается. Много заботы. И пока остается учителемъ семинаріи.

Онъ всегда немного дремлетъ. И если ему дать выдрематься — онъ становится веселѣе. А если разбудить, становится раздраженъ. Но не очень и не долго.

У него жена — черезъ 8 лѣтъ брака—стала «въ такомъ положеніи». Онъ ужасно сконфузился, и написалъ предупредительно всѣмъ знакомымъ, чтобы не приходили. «Жена нѣсколько нездорова, а когда выздоровитъ—я извѣщу».

Она умерла. Онъ написалъ въ письмѣ: «Царство ей небесное. Тамъ ей лучше».

Такъ кончаются наши «священныя исторіи». Очень коротко.

(за чаемъ вспомнилъ)

Мертвая страна, мертвая страна, мертвая страна. Все недвижимо и никакая мысль не прививается.

(24 марта, 1912 г., купивъ 3 тт.ста на Волковомъ)

У Нины Р—вой (плем.) подруга: вся погружена въ исторію, космографію. Видна. Красива. Хорошій ростъ. Я и спрашиваю:

— Что самое прекрасное въ мужчинѣ?

Она вдохновенно подняла голову:

— *Сила!*

(на побывкѣ въ Москвѣ)

Никогда, никогда не порадуется священникъ «плоду чрева».

Никогда.

Никогда ex cathedra, а развѣ приватно.

А между тѣмъ есть нумизматъ Б. (онъ производитъ себя отъ Александра Бала, царя Сиріи), у котораго я увидѣлъ бронзовую Faustina jun., съ реверсомъ (изображеніе на обратной сторонѣ монеты): женщина держитъ на рукахъ двухъ младенцевъ, а у ногъ ея держатся за подолъ тоже два — побольше — ребенка. Надпись кругомъ.

FECVNDITAS AVGVSTAE

т.-е.

ЧАДОРОДІЕ ЦАРИЦЫ.

Я былъ такъ пораженъ красотой

этого смысла, что тотчасъ купилъ. «Торговая монета», орудіе обмѣна, въ рукахъ у всѣхъ, у торговокъ, проститутокъ, мясниковъ, франтовъ, въ Тибурѣ и на Капитоліѣ: и вдругъ императрица Фаустина (жена Марка Аврелія), такая видная, такая царственная (портретъ на лицевой сторонѣ монеты) точно вываливаетъ беременный животъ на руки «добраго народа Римскаго», говоря:

«— Радуйтесь, я еще родила: теперь у меня—четверо».

Все это я выразилъ вслухъ, и старикъ Б., хитрый и остроумный, тотчасъ крикнулъ жену свою: вышла пышная большая дама, лѣтъ на 20 моложе Б., и я сталъ ей показывать монету, кажется забывъ немножко, что она «дама». Но она (гречанка, какъ и онъ) сейчасъ поняла, и стала съ сочувствіемъ слушать, а когда я ее деликатно упрекнулъ, что «вотъ у нея небойсь—нѣтъ четверыхъ»,—она съ живостью отвѣтила:

— Нѣтъ, ровно четверо: морякъ, студентъ и дочь...

Но она моментально вышла, и ввела дочь, такую-же красавицу, какъ сама. Этой я ничего не сказалъ (барышня) и она скоро вышла.

Вхожу черезъ два года, отдать Б. должишко (рублей 70) за монеты. Постарѣлъ старикъ, и жена чуть-чуть постарѣла. Говорю ей:

— Уговорите мужа, онъ совсѣмъ старъ, упомянуть въ духовномъ завѣщаніи, что онъ даритъ мнѣ тетрадрахму Маронеи съ Діонисомъ, держащимъ два тирса (трости) и кисть винограда (руб. 25) и тетрадрахму Триполиса (въ Финикіи, а Маронея — во Ѳракіи) съ головою Діоскуровъ (около ста рублей). — Б. кричитъ:

— Ахъ, вы... Я—васъ переживу!

— Куда, вы весь сѣдой. Состояніе у васъ большое, и что̀ вамъ двѣ монеты, стоимостью въ 125 р., дѣтямъ-же они очевидно не нужны, потому что это спеціальность. А что дочь?

— Вышла замужъ!!

— Вышла замужъ?!! Это добродѣтельно. И...

— И уже сынъ, сказала счастлитая бабушка.

Она была очень хороша. Пышна. И именно какъ Фаустина. Ни чуточки одряхленія или старости, «склоненія долу»; Б., хоть весь бѣлый, живъ и юрокъ, какъ сороконожка. Увѣренъ, самое проницательное и «нужное» лицо въ своемъ министерствѣ.

Вотъ такого какъ-бы «баюканія куретами младенца Діониса» (миѳъ,— есть на монетахъ), свободнаго, безъ сала, но съ шутками и любящаго,— нѣтъ, не было, не будетъ возлѣ. одеждъ съ позументами, слишкомъ оффиціальныхъ и торжественныхъ, чтобы снизойти до пеленокъ, кровати и спальни.

Отсюда такое недоумѣніе и взрывъ ярости, когда я предложилъ на Религіозно-Философскихъ собраніяхъ,

чтобы новобрачнымъ первое время послѣ вѣнчанія предоставлено было оставаться тамъ, гдѣ они и повѣнчались; потому что я читалъ у Андрея Печерскаго, какъ въ прекрасной церемоніи постригаемая въ монашество дѣвушка проводитъ въ моленной (церковь старообрядческая) трое сутокъ, и ей приносятъ туда и ѣду и питье. «Что монахамъ—то и семейнымъ, равная честь и равный обрядъ»—моя мысль. Это—о провожденіи въ священномъ мѣстѣ нѣсколькихъ сутокъ новобрачія, сутокъ трехъ, сутокъ семи,—я повторилъ потомъ (передавая о предложеніи въ Рел.-Фил. собраніи) и въ «Нов. Вр.». Уединеніе въ мѣсто молитвы, при мерцающихъ образахъ, немногихъ зажженныхъ лампадахъ, безъ людей, безъ постороннихъ, безъ чужихъ глазъ, безъ чужихъ ушей... какія все это можетъ родить думы, впечатлѣнія! И какъ бы эти переживанія протянулись длинной полосой тихаго религіознаго свѣта въ начи-

наюшуюся и уже начавшуюся супружескую жизнь,—начавшуюся именно *здѣсь, въ Домѣ молитвы.* Здѣсь невольно приходили бы первыя «предзнаменованія»,—примѣты, признаки, какъ у vates древности. И кто еще такъ нуждается во всемъ этомъ, какъ не тревожно вступившіе въ самую важную и самую цѣнную,—самую сладкую, но и самую опасную,—связь. Антоній Храповицкій все это представилъ совершенно не такъ, какъ мнѣ представлялось въ тотъ поистинѣ часъ ясновидѣнія, когда я сказалъ предложенное. Мнѣ представлялась ночь, и половина храма съ открытымъ куполомъ, подъ *звѣздами,* среди котораго подымаются небольшія деревца и цвѣты, посаженныя въ почву по дорожкамъ, откуда вынуты половицы пола и насыпана черная земля. Вотъ тутъ-то, среди цвѣтовъ и деревъ и подъ звѣздами, *въ природѣ* и вмѣстѣ съ тѣмъ *во храмѣ,* юные проводятъ недѣлю, двѣ, три, четыре... Это—какъ бы лѣтняя часть храма, въ

отличіе отъ зимней, «теплой» (у насъ на сѣверѣ). Конечно, все это преимущественно осуществимо на югѣ: но вѣдь во владѣніяхъ Россіи есть и югъ. Что́ же еще? Они остаются здѣсь до ясно обозначившейся беременности. Здѣсь—и бассейнъ. Вѣдь въ Ветхозавѣтномъ храмѣ былъ же бассейнъ для погруженія священниковъ и первосвященника. — «каменное море», утвержденное на спинахъ двѣнадцати изваянныхъ быковъ. Почему *эту* подробность ветхозавѣтнаго культа не внести въ наши церкви, гдѣ есть же ветхозавѣтный «занавѣсъ», гдѣ читаются «пареміи», т. е. извлеченія изъ ветхозавѣтныхъ книгъ. И вообще со Священнымъ Писаніемъ Ветхаго Завѣта у насъ не разорвано. Да и въ Новомъ Завѣтѣ... Развѣ мы не читаемъ тамъ, развѣ на богослуженіи нашемъ не возглашается: «Говорю вамъ, что *Царствіе Божіе подобно Чертогу Брачному...*» «Чертогу брачному»!!— конечно это не въ смыслѣ танцую-

щей вечеринки гостей, которая не отличается отъ всякихъ другихъ вечеринокъ и къ браку никакого отношенія не имѣетъ, а въ смыслѣ—комнаты двухъ новобрачныхъ, въ смыслѣ ихъ опочивальни. Ужели-же то, *съ чьмъ сравнена* самая *суть того, о чемъ училъ* Спаситель (Царствіе Божіе),—неужели это низко, грязно и недостойно того, чтобы мы часть церкви своей приспособили,—украсивъ деревьями, цвѣтами и бассейномъ,—къ этому образу въ устахъ Спасителя?! Внести въ нашу церковь *Чертогъ брачный*—и была моя мысль. Нѣтъ, вѣрно указаніе Рцы, много разъ имъ повторенное (а онъ ли не религіозенъ и не преданъ православію, взявъ самый псевдонимъ свой отъ діаконскаго «рцы», «рцемъ»), что «тѣсто *еще не взошло* (евангельская притча) и закваска (дрожжи) *не овладѣла всею мукою, всыпанною въ сосудъ*». Эта «мука, всыпанная въ сосудъ»,—есть вся наша жизнь. *Весь нашъ бытъ*. Вотъ этимъ бытомъ еще не овладѣли *вполнѣ*

«дрожжи», евангельская «закваска», т. е. Слово Божіе, цѣлыя Божіи притчи, образы, сравненія!!! Позвольте: да въ церкви Смоленскаго кладбища я, хороня старшую Налю, видѣлъ комнату съ вывѣскою надъ дверью: «*Контора*»; каковаго имени и какового смысла съ *утвердительнымъ* значеніемъ нигдѣ нѣтъ въ Евангеліи. Позвольте, скажите вы, владыка Антоній,—почему-же «Контора» выше и священнѣе «Чертога брачнаго», о которомъ, *и не разъ*, Спаситель говорилъ любяще и уважительно. И если внесена сейчасъ «Контора» въ храмы, не обезобразивъ и не загрязнивъ ихъ, то почему это храмы наши загрязнились бы черезъ внесеніе въ нихъ нареченныхъ съ любовью Спасителемъ Чертоговъ брачныхъ?! — конечно, не одного, а многихъ, потому что въ теченіе 2—3-хъ мѣсяцевъ до беременности вотъ этой молодой, положимъ Маріи, повѣнчается еще много слѣдующихъ Лизъ и Екатеринъ. Подобное внесеніе просто

лишь «непривычно», мы не привыкли «видѣть». Но «мы не привыкли» и «ересь» — это разница. При этомъ, разумѣется, никакихъ актовъ (какъ предположилъ же еп. Антоній!!!) *на виду* не будетъ, такъ какъ послѣ грѣхопаденія всему этому указано быть *въ тайнѣ и сокровеніи* («кожаныя препоясанія»); и именно для воспоминанія объ этомъ потрясающемъ законѣ, отдѣльные чертоги (въ нишахъ стѣнъ? возлѣ стѣнъ? позади хоровъ?) *должны быть завѣшены шкурами звѣрей*, имѣя открытымъ лишь верхъ для соединенія съ воздухомъ храма. Какъ было не понять моей мысли: разъ все здѣсь—религія, то, конечно, все должно быть деликатно и не оскорбительно для взора и для ума. Все—именно такъ, какъ и привыкли въ супружествѣ: гдѣ чистѣйшія семьи и благороднѣйшіе до́мы, напр., до́мы священниковъ, не оскверняются сами и не оскорбляютъ ни взора, ни ума тѣмъ, что въ нихъ оплодо-

творяются и множатся, а при замужествѣ дочери («взяли зятя въ семью») оплодотворяются и множатся родители и дѣти. Почему же не къ *такой семьѣ*, почему именно къ *одинокой квартирѣ* ректора-архимандрита долженъ быть придвинутъ по образу, по типу и по духу нашъ православный храмъ, въ которомъ молитвенниковъ-семьяниновъ конечно больше, нежели холостыхъ или вдовствующихъ!!!???!

Непонятно—у Храповицкаго.

А моя мысль—совершенно понятна.

Совершенства нѣтъ на землѣ...
Даже и совершенной церкви...

(ужасное по грыху письмо Альбова)

Медь и розы...
И въ розѣ—младенецъ.
«Богъ послалъ», говоритъ міръ.
— «Нѣтъ», говорятъ старцы-законники:—«отъ лукаваго».

Но міръ уже перестаетъ имъ вѣрить.

(въ клиникѣ Е.л. Павл.)

Въ невыразимыхъ слезахъ хочется передать все просто и грубо, унижая милый предметъ: хотя въ смыслѣ *напора* — сравненіе точно:

Ротъ переполненъ слюной, — нельзя выплюнуть. Можно попасть въ старцевъ.

Человѣкъ ѣстъ дни, недѣли, мѣсяцы: нельзя сходить «кой-куда»,— нужно все держать въ себѣ...

Пилъ, пьешь — и опять нельзя никуда «сходить»...

Вотъ—дѣвство.

— Я задыхаюсь! Меня распираетъ!

«— Нельзя».

Вотъ—монашество.

Что́-же такое дѣлаетъ оно? Какъ могло оно получить отъ земли, отъ страны, отъ законовъ санкцію себѣ не какъ личному и исключи-

тельному явленію, а какъ нѣкоторой нормѣ и правилу, какъ «образцу христіанскаго житія», если его *суть* — просто никуда «не ходи», когда желудокъ, кишки, всѣ внутренности расперты и мозгъ отравленъ мочевиною, всасывающейся въ кровь, когда желудокъ отравленъ птомаинами, когда начинается некрозъ тканей всего организма.

— Не могу!!!!

«— Нельзя!»

— Умираю!!!!

«— Умирай!»

Неужели, неужели это истина? Неужели это *религіозная* истина? Неужели это—Божеская правда на землѣ?

Дѣвушки, дѣвушки! — стойте въ вашемъ стояніи! Вы посланы въ міръ животомъ, а не головою: вы—охранительницы Древа Жизни, а не каменныхъ ископаемыхъ деревъ, находимыхъ въ угольныхъ копяхъ.

Охраняйте Древо Жизни—вы его Ангелъ «съ мечемъ обращающимся». И не опускайте этотъ мечъ.

(*въ клиникѣ Е.г. Павл.*)

Семь старцевъ за 60 лѣтъ, у которыхъ не поднимается голова, не поднимаются руки, вообще ничего не «поднимается», и едва шевелятся челюсти, когда они жуютъ,—видите-ли, не «посягаютъ на женщину» уже, и предаются безбрачію.

Такое удовольствіе для отечества и радость Небесамъ.

Всѣ удивляются на старцевъ:

— Они въ самомъ дѣлѣ не посягаютъ, ни явно, ни тайно.

И славословятъ ихъ. И возвеличили ихъ. И украсили ихъ. «Живые боги на землѣ».

Старцы жуютъ кашку и улыбаются:

— Мы дѣйствительно не посягаемъ. Въ вѣчный образецъ дѣвъ 17-ти лѣтъ и юношей 23-хъ лѣтъ,— которые могутъ нашимъ примѣромъ вдохновиться, какъ имъ удерживаться отъ похоти и не впасть въ блудъ.

Такъ весело, что планета затанцуетъ.

(въ клиникѣ Е.л. Павл.)

Какъ-же бы я могъ умереть не *такъ* и не *тамъ*, гдѣ наша мамочка.

И я сталъ опять православнымъ.

(клиника Е.л. Павл.)

Все *очерчено* и *отточено* въ человѣкъ, кромъ половыхъ органовъ, которые кажутся около остальнаго какимъ-то многоточіемъ или неясностью... которую встрѣчаетъ и съ которою связывается неясность или многоточіе другого организма. И тогда — оба *ясны*. Не отъ этой-ли *неоконченности* отвратительный видъ ихъ (на который всѣ жалуются): и—восторгъ въ минуту, когда недоговоренное—кончается (актъ въ ощущеніи)?

Какъ-бы Б. хотѣлъ сотворить *актъ*: но не исполнилъ движеніе свое, а далъ его *начало* въ мужчинѣ и *начало* въ женщинѣ. И уже они оканчиваютъ это первоначальное

движеніе. Отсюда его сладость и неодолимость.

Въ «*s*»-же (utriusque sexus homines) все уже *кончено:* вотъ отчего съ «*s*» связано столько таланта.

Одни молоды и имъ нужно веселье, другіе стары и имъ нуженъ покой, дѣвушкамъ—замужество, замужнимъ—«вторая молодость»... И всѣ толкаются, и вѣчный шумъ.

Жизнь происходитъ отъ «неустойчивыхъ равновѣсій». Если-бы равновѣсія вездѣ были устойчивы, не было-бы и жизни.

Но неустойчивое равновѣсіе—тревога, «неудобно мнѣ», опасность.

Міръ вѣчно тревоженъ, и тѣмъ живетъ.

Какая-же чепуха эти «Солнечный городъ» и «Утопія»: суть коихъ *вѣчное счастье*. Т.-е. окончательное «устойчивое равновѣсіе». Это не «будущее», а смерть.

(провожая Впрочку
въ Лисино, вокзалъ)

Соціализмъ пройдетъ какъ дисгармонія. Всякая дисгармонія пройдетъ. А соціализмъ — буря, дождь, вѣтеръ...

Взойдетъ солнышко и осушитъ все. И будутъ говорить, какъ о высохшей росѣ:—«Неужели онъ (соц.) *былъ?*». «И барабанилъ въ окна градъ: братство, равенство, свобода»?

— О, да! И еще сколькихъ этотъ градъ побилъ!!

— «Удивительно. Странное явленіе. Не вѣрится. Гдѣ-бы объ исторіи его прочитать?»

Что я все *надавилъ* на Добчинскихъ. Развѣ они не рады бы были быть какъ Шекспиръ? Вѣдь я собственно *на это* сержусь, почему «не какъ Шекспиръ».—не на *тему* ихъ, а на способъ, фасонъ, стиль. Но «гдѣ-же набраться Шекспировъ», и неужели *отъ этого* другимъ «не жить»?...

Какъ много во мнѣ умерщвляющаго.

И опять—пустыня.

Всякому нужно жить, и Добчинскому. Не *я*-ли говорилъ, что «есть идея и *волоса*» (по Платону), идея—«ничего», даже—*отрицательнаго* и *порока*. Богъ мѣряетъ не верстами только, но и миллиметрами, и «миллиметръ» рóвно также нуженъ,

какъ и «верста». И всѣ — живутъ. «Трясутъ животишками»... Ну, и пусть. Мое дѣло *любоваться*, а не ненавидѣть.

Любовался-же я въ Нескучномъ (Мос.), глядя на пароходикъ. «Гуляка по садамъ» (кафе-шантанамъ), положивъ обѣ руки на плечи гуляки-же, говорилъ:

— Одинъ—и *никого!*

Потомъ еще бормотанье и опять выкрикъ:

— Вообрази: одинъ—и *никого!*

Это онъ разсказывалъ, очевидно, что «вчера пришелъ туда-то», и — *никого* изъ «своихъ» не встрѣтилъ.

Онъ былъ такъ художественъ, милъ въ своей радости, что «вотъ теперь съ пріятелемъ ѣдетъ», что я на десятки лѣтъ запомнилъ. И что я его тогда *любилъ*, онъ мнѣ *нравился* — это доброе во мнѣ. А «литература»—отъ лукаваго.

(за статьей о пожарахъ)

Разсѣянный человѣкъ и есть *сосредоточенный*. Но не на ожидаемомъ или желаемомъ, а на другомъ и своемъ.

Имѣй всегда сосредоточенное устремленіе, не гляди по сторонамъ. Это не значитъ:—будь слѣпъ. Глазами пожалуй гляди вездѣ: но душой никогда не смотри на многое, а на *одно*.

...а всетаки тоскуешь по извѣстности, по признанности, твердости. Есть этотъ червякъ, какъ потъ въ ногахъ, сѣра въ ушахъ. Все зудитъ. И все вонь. А ухо хорошо. И нога хороша. Нужно эту гадость твердо очертить, и сказать: плюйте на нее.

Поразительно, что у Над. Ром., Ольги Ив. (жена Рцы) и «друга» никогда не было влеченія къ извѣстности хотя-бы въ околоткѣ. «Все равно». И по этимъ качествамъ, т.-е. что онѣ не имѣли самыхъ неизбывныхъ качествъ человѣка, я смотрѣлъ на нихъ съ какимъ-то страхомъ восторга.

Счастливую и великую родину любить не велика вещь. Мы ее должны любить именно когда она слаба, мала, унижена, наконецъ глупа, наконецъ даже порочна. Именно, именно когда наша «мать» пьяна, лжетъ и вся запуталась въ грѣхѣ,—мы и не должны отходить отъ нея... Но и это еще не послѣднее: когда она наконецъ умретъ, и обглоданная евреями будетъ являть однѣ кости — тотъ будетъ «русскій», кто будетъ плакать около этого остова, никому не нужнаго, и всѣми плюнутаго. Такъ да будетъ...

(за уборкой библіотеки)

Какъ зачавкали губами и «идеалистъ» Борухъ, и «такая милая» Ревекка Ю—на, «другъ нашего дома», когда прочли «Теми. Ликъ». Тутъ я сказалъ въ себѣ: «назадъ! страшись!» (мое отношеніе къ евреямъ).

Они думали, что я не вижу: но я хоть и «сплю вѣчно», а подглядѣлъ. Ст—ъ (Борухъ), соскакивая съ санокъ, такъ оживленно, весело, *счастливо* воскликнулъ, какъ-бы передавая мнѣ тайную мысль и заражая собою:

— Ну, а всетаки—*онъ лжецъ.*

Я даже испугался. А Ревекка проговорила у Ш..ы въ комнатѣ: «— Н-н-н... да... Я прочла *Т. Л.*». И такое счастье опять въ губахъ. Точно она скушала что-то сладкое.

Такихъ *физіологическихъ* (зрительно-осязательныхъ) вещицъ надо увидѣть, чтобы понять то́, чему мы не хотимъ вѣрить въ книгахъ, въ исторіи, въ сказаніяхъ. Дѣйстви-

тельно, есть какая-то *ненависть* между *Нимъ* и еврействомъ. И когда думаешь объ этомъ — становится страшно. И понимаешь ноуменальное, а не феноменальное: «распни *Его*».

Думаютъ-ли объ этомъ евреи? толпа? По крайней мѣрѣ никогда не высказываются.

(за уборкой библіотеки)

Да... вся наша исторія немножечко трущоба, и вся наша жизнь немножечко трущоба. Тутъ и администрація и citoyens.

(въ вагонѣ).

Сколько изнурительнаго труда за подборомъ матерьяла (и «примѣчаній» къ нему) въ «Семейномъ вопросѣ». Это мои литературные «рудники», которые я прошелъ, чтобы помочь семьѣ. Какъ и «Сумерки просвѣщенія» — дѣтямъ. И сколько въ *каждой страницѣ* любви. Самая причина сказать: «онъ ничего не чувствуетъ», «ничего ему не нужно».

(вагонъ: думая о критикахъ своихъ)

Какой это ужасъ, что человѣкъ (вѣчный филологъ) нашелъ слово для этого — «смерть». Развѣ *это* возможно какъ-нибудь назвать? Развѣ *оно* имѣетъ имя? Имя — уже опредѣленіе, уже «что-то знаемъ». Но вѣдь мы-же объ этомъ *ничего не знаемъ*. И, произнося въ разговорахъ «смерть», мы какъ-бы танцуемъ въ бламанжэ для ужина или спрашиваемъ: «сколько часовъ въ мискѣ супа». Цинизмъ. Безсмыслица.

Какъ я отношусь къ молодому поколѣнію?

Никакъ. Не думаю.

Думаю только изрѣдка. Но всегда мнѣ его жаль. Сироты.

Любовь есть *боль*. Кто не болитъ (о другомъ), тотъ и не любитъ (другого).

Литература (печать) прищемила у человѣка *самолюбіе*. Всѣ стали *бояться* ея; всѣ стали *ждать* отъ нея... «Эти мошенники однако раздаютъ монтіоновскія преміи». И вотъ откуда выросла ея *сила*.

Сила ея оканчивается тамъ, гдѣ человѣкъ *смежаетъ на нее глаза*. «Шестая держава» (Наполеонъ о печати) обращается вдругъ въ посѣрѣвшую хилую деревушку, какъ только, повернувшись къ ней спиной, вы *смотрите на дѣло*, а не на ландкарту съ надписью: «шестая держава».

Революція имѣетъ два измѣренія—длину и ширину; но не имѣетъ третьяго—глубины. И вотъ по этому качеству она никогда не будетъ имѣть *спѣлаго, вкуснаго плода;* никогда не «завершится»...

Она будетъ все расти *въ раздраженіе*: но никогда не настанетъ въ ней того окончательнаго, когда человѣкъ говоритъ: «довольно! я—счастливъ! *Сегодня* такъ хорошо, что не надо *завтра*»... Революція всегда будетъ съ мукою и будетъ надѣяться только на «завтра»... И всякое «завтра» ее обманетъ и перейдетъ въ «послѣ-завтра». Perpetuum mobile, circulus vitiosus, и не отъ безконечности,—нуда!—а

именно отъ короткости. «Собака на цѣпи», сплетенной изъ своихъ же гнилыхъ чувствъ. «Конура», «длина цѣпи», «возвратъ въ конуру», тревожный коротенькій сонъ.

Въ революціи нѣтъ радости. *И не будетъ.*

Радость—слишкомъ царственное чувство, и никогда не попадетъ въ объятія этого лакея.

Два измѣренія: и она не выше человѣческаго, а ниже человѣческаго. Она механична, она матерьялистична. Но это—не случай, не простая связь съ «теоріями нашего времени»; это—судьба и вѣчность. И, въ сущности, подспудная революція въ душахъ обывателей, уже ранѣе возникшая, и толкнула всѣхъ ихъ понести на своихъ плечахъ Конта-Спенсера и подобныхъ.

Революція сложена изъ двухъ пластинокъ: нижняя и настоящая, arbeus agens ея—горечь, злоба, нужда, зависть, отчаяніе. Это — чернота, демократія. Верхняя пластинка — золотая: это—сибариты, обезпеченные и *не дѣлающіе*; гуляющіе; *не служащіе*. Но они чѣмъ-нибудь «на прогулкахъ» были уязвлены, или—просто слишкомъ добры, мягки, уступчивы, конфетны. Притомъ, въ своемъ кругу они—только «равные», и кой-кого даже непремѣнно пониже. Переходя же въ демократію, они тотчасъ становятся primi inter pares. Демократія очень и очень умѣетъ «цѣловать въ плечико», ухаживать, льстить: хотя для «искренности и правдоподобія» обходится

грубовато, споритъ, нападаетъ, *подшучиваетъ* надъ аристократомъ и его (теперь вчерашнимъ) аристократизмомъ. Вообще демократія тоже знаетъ, «гдѣ раки зимуютъ». Что «Короленко первый въ литераторахъ своего времени» (послѣ Толстого), что Герценъ — аристократъ и милліонеръ, что графъ Толстой есть именно «графъ», а князь Кропоткинъ былъ «князь», и, наконецъ, что Сибиряковъ имѣетъ золотые пріиски—это она при всемъ «соціализмѣ» отлично помнитъ, учтиво въ присутствіи всего этого держитъ себя, и отлично учитываетъ. Учитываетъ не только какъ выгоду, но и какъ *честь*. Вообще въ соціализмѣ лакей не устраненъ, но только очень старательно прикрытъ. Къ Герцену всѣ лѣзли и къ Сибирякову лѣзли; къ Шаляпину лѣзутъ даже за небольшіе рубли, которые онъ выдаетъ кружкамъ въ видѣ «сбора съ перваго спектакля» (въ своихъ турнэ: я слышалъ это отъ соціалъ-демократа, *все* въ этой партіи знающаго.

и очень удивился). Кропоткинъ не подписывается просто «Кропоткинъ», «соціалистъ Кр.», «гражданинъ Кр.», а «*князь* Кропоткинъ». Не забываютъ даже, что Лавровъ былъ *профессоромъ*. Ничего, однимъ словомъ, не упускаютъ изъ *чести*, изъ тщеславія: любятъ сладенькое, какъ и всѣ «смертные». Въ то́ же время такъ презирая «эполеты» и «чины» стараго строя...

Итакъ, двѣ пластинки: движущая—это черная рать внизу, «намъ *хочется*», и—«мы не сопротивляемся», пассивная, сверху. Верхняя пластинка—благочестивые Катилины; «мы великодушно сжемъ домъ, въ которомъ сами живемъ и жили наши предки». Черная рать, конечно, вселится въ дома́ этихъ предковъ: но какъ именно это—*черная рать*, не только по бѣдности, но и по существу бунта и злобы (два измѣренія, *безъ третьяго*), то въ «новыхъ домахъ» она не почувствуетъ никакой радости: а какъ Никита и Аку-

лина «въ обновкахъ» (изъ «Власти тьмы»):

«— Охъ, гасите свѣтъ! Не хочу чаю, убирайте водку!»

Вѣнцомъ революціи, *если она удастся*, будетъ великое volo:

— Уснуть.

Самоубійства, эра самоубійствъ...

И тутъ Кропоткины съ астрономіей и физикой и съ «дружбой Реклю» (тоже тщеславіе) очень мало помогутъ.

Есть даръ слушанія голосовъ и даръ видѣнія лицъ. Ими проникаемъ въ душу человѣка.

Не всякій умѣетъ слушать человѣка. Иной слушаетъ слова, понимаетъ ихъ связь и связно на нихъ отвѣчаетъ. Но онъ не уловилъ «подголосковъ», *тѣней звука «подъ* голосомъ»,—а въ нихъ-то, и притомъ въ нихъ однихъ, говорила душа.

Голосъ нужно слушать и въ чтеніи. Поэтому не всякій «читающій Пушкина» имѣетъ что-нибудь общее съ Пушкинымъ, а лишь кто вслушивается въ голосъ *говорящаго* Пушкина, угадывая интонацію, какая была у живого. Кто «живого Пушкина не слушаетъ» въ перелистываемыхъ страницахъ, тотъ какъ-

бы все равно и не читать его, а читает кого-то взамѣнъ его, уравнительнаго съ нимъ, «такого же образованія и таланта какъ онъ, и писавшаго на тѣ же темы»,—но не *самого его.*

Отсюда такъ чужды и глухи «академическія» изданія Пушкина, заваленныя горою «примѣчаній», а у Венгерова — еще аляповатыхъ картинъ и всякаго ученаго базара. На Пушкина точно высыпали соръ изъ ящика: и онъ весь пыльный, сорный, загроможденный. Исчезла—въ самомъ *видѣ* и *внѣшней формѣ* изданія — главная черта его образа и души: изумительная *краткость во всемъ* и *простота.* И, конечно, *лучшія* изданія и даже единственныя, которыя можно держать въ рукѣ безъ отвращенія,—старыя изданія его, на толстоватой бумагѣ, каждое стихотвореніе съ новой страницы (изд. Жуковскаго). Или—отдѣльныя при жизни напечатанныя стихотворенія. Или—его стихи и драматическіе отрывки въ

«Сѣверн. Цвѣтахъ». У меня есть «Борисъ Годуновъ» 1831 года, и 2 книжки «Сѣверн. Цвѣт.» съ Пушкинымъ; и—изданіе Жуковскаго. Лѣтъ черезъ 30 эти изданія будутъ цѣниться какъ золотыя, а мастера будутъ абсолютно повторять (конечно безъ цензурныхъ современныхъ урѣзокъ) бумагу, шрифты, расположеніе произведеній, орѳографію, форматъ и переплеты.

Въ такомъ изданіи мы можемъ достигнуть какъ бы слушанія Пушкина. Недосяганіе черезъ печать *до голоса* сдѣлало безразличіе того, кто берется «издавать» и «изучать» Пушкина и составлять къ нему «комментаріи». Нельзя не быть удивленнымъ, до какой степени теперь «издатели классиковъ» не имѣютъ ничего связывающаго съ издаваемыми поэтами или прозаиками. «Имъ-бы издавать Бончъ-Бруэвича, а они издаютъ Пушкина». Универсально начитанный «товарищъ», въ демократической блузѣ, охватилъ Пушкина «какъ онъ есть», въ ши-

нели съ бобровымъ воротникомъ и французской шляпѣ, и понесъ, высоко поднявъ надъ головой (уваженіе) — какъ медвѣдь Татьяну въ извѣстномъ снѣ.

И сколько общаго у медвѣдя съ Татьяной, столько-же у теперешнихъ комментаторовъ съ Пушкинымъ.

Къ таинственному и трудному дѣлу «издательства» примѣнимо архимедовское

Noli tangere meos circulos.

Душа озябла...
Страшно, когда наступаетъ ознобъ души.

Возможно-ли, чтобы позитивистъ заплакалъ?

Также странно представить себѣ, какъ что «корова поѣхала верхомъ на кирасирѣ».

И это кончаетъ разговоры съ нимъ. Разстаюсь съ нимъ **вѣчнымъ разставаніемъ.**

Позитивизмъ въ тайнѣ души своей или точнѣе въ сердцевинѣ своего бездушія:

> И пусть *безчувственному тлѣю*
> Равно повсюду *истлѣвать.*

Позитивизмъ—философскій мавзолей надъ умирающимъ человѣчествомъ.

Не хочу! Не хочу! Презираю. ненавижу, боюсь!!!

Какъ увядающіе цвѣты люди.

Осень—и ничего нѣтъ. Какъ страшно это «нѣтъ». Какъ страшна осень.

(на извощикѣ)

Тяжелымъ утюгомъ гладитъ человѣка Б.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

И расправляетъ душевныя морщины.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Вотъ откуда говорятъ: *бойся Бога и не грѣши.*

(на извощикѣ ночью)

Великъ горбъ человѣчества, великъ горбъ человѣчества, великъ горбъ человѣчества...

Идетъ, кряхтитъ, съ голымъ черепомъ, съ этимъ огромнымъ горбомъ за спиною (страданія, терпѣніе) великій древній старикъ; и кожа на немъ почернѣла, и ноги изранены...

Что-же тутъ молодежь танцуетъ на горбѣ? «*Мы*— послѣдніе», все—«*мы*», все—«*мы*».

Ну, танцуйте, господа.

(за нумизматикой)

На «томъ свѣтѣ» мы будемъ нѣмыми.

И восторгъ переполнитъ наши души.

Восторгъ всегда нѣмъ.

(за набивкой табаку)

Все жду, когда Григорій Спиридоновичъ П-въ напишетъ свою автобіографію. Вѣдь онъ замѣчательный человѣкъ.

Конечно Короленко — болѣе его замѣчательный человѣкъ: и напечаталъ чуть не томъ своего жизнеописанія,—подъ граціозной вуалью: «Исторія моего современника». Но отчего же не написать и Гр. Сп. П-ву? Не одинъ Кутузовъ имѣлъ себѣ Михайловскаго-Данилевскаго: могъ-бы имѣть и Барклай-де-Толли. Отчего «нашимъ современникамъ» не соединить въ себѣ полководца и жизнеописателя, — такъ сказать помѣстить себѣ за пазуху «Михай-

ловскаго-Данилевскаго» и продиктовать ему всѣ слова.

— «Мнѣ Тита Ливія не надо»,— говорятъ «современные» Александры Македонскіе. «Я довольно хорошо пишу, и опишу самъ свой походъ въ Индію».

Рядъ попиковъ, кушающихъ севрюжину. Входитъ философъ:

— Ну, что-же, господа... т.-е. отцы духовные... холодно вездѣ въ мірѣ... Озябъ... Я пришелъ погрѣться къ вамъ... Богъ съ вами: прощаю вашу каменность, извиняю все глупое у васъ, закрываю глаза на севрюжину... Все по слабости человѣческой, можетъ быть временной. Фарисеи вы... но сидите-то *вместо «на съдалищѣ Моисеовомъ»*: и нѣтъ еще такого сѣдалища въ мірѣ какъ у васъ. Былъ нѣкто, кто, обративъ вниманіе на ваше фарисейство, столкнулъ васъ и съ вами вмѣстѣ и самое «сѣдалище»... Я наоборотъ: ради значенія «сѣдалища», которое нечѣмъ замѣнить, закрываю глаза на васъ и кладу голову къ подножію «сѣдалища»...

Если Философову случится пройти по мокрому тротуару безъ калошъ, то онъ будетъ недѣлю кашлять: я не понимаю, какой же онъ другъ рабочихъ?

Этакъ Антихристъ назоветъ себя «другомъ Христа», іудей—христіанина, папа—Антихриста, а Прудонъ—Ротшильда. Что же это выйдетъ? Міръ разрушится, потеряетъ грани, связи: ибо потеряетъ *отталкиванія*. Необходимыя: ибо самыя *связи*-то держатся черезъ отталкиванія. Но міръ ничего, впрочемъ, не потеряетъ, ибо всѣ они, отъ Философова до папы, именно только «назовутъ» себя, а дѣло останется, какъ есть: папа—врагъ Антихриста, а Антихристъ — *его*

врагъ, и Философовъ—врагъ плебса, а плебсъ—врагъ Философова. А «говоры»—какъ хотите.

Вотъ ужъ, по-истинѣ—рѣчи, въ которыхъ «скука и томленіе духа» (Эклез.).

Не языкъ нашъ—убѣжденія наши, а сапоги наши—убѣжденія наши.

Опорки, лапти, смазные, «отъ Вѣса». Такъ и классифицируйте себя.

Русскій «мечтатель» и существуетъ для разговоровъ. Для чего же онъ существуетъ. Не для дѣла же?

(идетъ за лавку)

Почти не встрѣчается еврея, который не обладалъ-бы какимъ-нибудь талантомъ; но не ищите среди нихъ генія. Вѣдь Спиноза, которымъ они всѣ хвалятся, былъ подражателемъ Декарта. А геній не подражаетъ, не подражаемъ и не подражаетъ.

Одно и другое — талантъ и не болѣе, чѣмъ талантъ, — вытекаетъ изъ ихъ связи съ Божествомъ. «По связи этой» никто не лишенъ нѣкоторой талантливости, какъ отдаленнаго или какъ тѣснѣйшаго отсвѣта Божества. Но, съ другой стороны, все и принадлежитъ Богу. Евреи и сильны своимъ Богомъ и обезсилены имъ. Всѣ они точно шатаются: великъ—Богъ, *но* еврей, даже пророкъ, даже Моисей, не

являютъ той громады личнаго и свободнаго «я», какая присуща иногда бываетъ не еврею. Около Канта, Декарта и Лейбница всѣ евреи-мыслители — какіе-то «часовщики-починщики». Около сверканія Шекспира что̀ такое евреи-писатели, отъ Гейне до Айзмана? Въ самой свободѣ ихъ никогда не появится великолѣпія Бакунина. «Ширь» и «удаль», и—еврей: несовмѣстимы. Они всѣ «ходятъ на цѣпочкѣ» передъ Богомъ. И эта цѣпочка охраняетъ ихъ, но и ограничиваетъ.

О Рылѣевѣ, который, — «какая бы ни была погода,—каждый день шелъ пѣшкомъ утромъ, и молился у гробницы императора Александра II»,— при коемъ былъ адъютантомъ. Онъ былъ обыкновенный человѣкъ, — даже имѣлъ француженку изъ балета, съ которой прожилъ всю жизнь. Что же его заставляло ходить? кто заставлялъ? А мы даже о родителяхъ своихъ, о дѣтяхъ (у насъ—Надя на Смоленскомъ) не ходимъ *всю жизнь* каждый день, и даже—каждую недѣлю, и—увы, увы—каждый мѣсяцъ! Когда я услышалъ этотъ разсказъ (Маслова?) въ нашей редакціи, — я былъ пораженъ и много лѣтъ вотъ не могу забыть его, все припоминаю. «Умершій па-

дишахъ стоитъ меньше живой собаки», прочелъ я гдѣ-то въ арабскихъ сказкахъ, и въ смыслѣ благополучія, выгоды умершій «освободитель» уже ничѣмъ ему (Рылѣеву) не могъ быть полезенъ. Что́ же это за чувство и почему оно? Явно — это *привязанность*, *память*, благодарность. Отнесемъ $^1/_3$ къ благородству ходившаго († около 1903 г., и по поводу смерти его и говорили въ редакціи): но $^1/_3$ относится явно *къ Государю*. Изъ этого выводъ: явно, что Государи представляютъ собою не только «форму величія», существо «въ мундирѣ и тогѣ», но и что-то *глубоко-человѣческое* и *высоко-человѣческое*, но чего *мы не знаемъ по страшной удаленности отъ нихъ*,—потому, что намъ кромѣ «мундира» ничего и не показано. Всѣ разсказы напр. о Наполеонѣ III—антипатичны (т. е. онъ въ нихъ — антипатиченъ). Но онъ не былъ «урожденный»,—и инстинктъ выскочки уцѣпиться за полученную власть сорвалъ съ него все

величіе, обаяніе и правду. «Желалъ устроиться»,—съ императрицею и дѣточками. «Урожденный» не имѣетъ этой нужды: вѣчно «признаваемый», совершенно не оспариваемый, онъ имѣетъ то́ довольство и счастье, которое присуще было «тому первому счастливому», который звался Адамомъ. «Отъ роду» около него растутъ райскія яблоки, которыхъ ему не надо даже доставать рукой. Это — психика совершенно внѣ нашей. Всѣ въ него влюблены; все онъ имѣетъ; что́ пожелаетъ — есть. Чего же ему пожелать? По естественной психологіи — счастья людямъ, счастья всѣмъ. Когда мы «въ праздникѣ», когда намъ удалась «любовь»—какъ мы раздаемъ счастье вокругъ, не считая—кому, не считая—сколько. Поэтому психологія «урожденнаго» есть естественно доброта: которая вдругъ пропадаетъ, когда онъ *оспаривается*. Поэтому не оспаривать Царя есть сущность царства, regni et regis. Поразительно, что всѣ жестокіе наши

государи были именно «въ спорѣ»: Иванъ Грозный—съ боярами и претендентами, Анна Іоанновна — съ Верховнымъ Совѣтомъ, и тоже—по неясности своихъ правъ; Екатерина II (при случаѣ,—съ Новиковымъ и прочее) тоже по смутности «восшествія на престолъ». Все это сейчасъ же замутняетъ существо и портитъ лицо. Поэтому «любить Царя» (просто и ясно) есть дѣйствительно существо дѣла въ монархіи и «первый долгъ гражданина»: не по лести и колѣнопреклоненію, а потому, что иначе портится все дѣло, «кушанье не сварено», «вишню побилъ морозъ», «ниву выколотилъ градъ». Что это всемірно и общечеловѣчно, — показываетъ то, до чего люди «въ оппозиціи» и «ниспровергающіе», т.-е. въ претензіи «на власть», рвущіеся къ власти, — мирятся со всѣмъ, но уже очень подозрительно относятся къ спокойнымъ *возраженіямъ себѣ*, спору съ собой: а *насмѣшекъ* совершенно не переносятъ. Они отмели Стра-

хова (критика), а Незлобина-Дьякова проклямп такимъ негодованіемъ, которое въ «литературной судьбѣ» равно «ссылкѣ въ каторгу». «Нельзя оскорблять *величіе* оппозиціи, ни — *правды* ея», на этомъ построена (у насъ) вся литературная судьба ½ вѣка, и около этого развился литературный карьеризмъ и азартъ его. «Всѣ хватаютъ чины и ордена просто за *вѣрноподданническія чувства*» оппозиціи и даже за грубую ей *лесть*. Такими «вѣрноподданными», страстными и съ пыломъ, были Писаревъ, Зайцевъ, Благосвѣтловъ: послѣдній *въ жизни* былъ невыразимый халуй, имѣлъ негра возлѣ дверей кабинета, утопалъ въ роскоши, и его близкіе (разсказываютъ) утопали въ «амурахъ» и деньгахъ, когда въ его журналѣ писались «залихватскія» семинарскія статьи въ духѣ: «все расшибемъ», «Пушкинъ—г...о». Но халуй-ли, не халуй-ли, а разъ «сдѣлалъ подъ козырекъ» и стоитъ «во фронтѣ» передъ оппозиціей, — то

ему все «прощено», забыто, получаетъ «награды» рентами и чинами. Но что́ же это? Да это «придворный штатъ», уже готовый и сформированный, для будущей и ожидаемой власти, для les rois въ лохмотьяхъ. Обертываясь, мы усматриваемъ *существо* дѣла: «не будите насъ отъ *сновидѣній*», «дайте намъ *сознать себя правыми*, и *вѣчно* правыми, *во всѣхъ случаяхъ правыми*—и мы зальемъ васъ счастьемъ»... «Скажите, признайте, полюбите въ насъ полу-бога: и мы будемъ даже лучше самого Бога!!» Хлыстовскій элементъ, элементъ «живыхъ христовъ» и «живыхъ богородицъ»... Вѣра Фигнеръ была явно революціонной «богородицей», какъ и Екатерина Брешковская или Софья Перовская... «Іоанниты», все «іоаннниты» около «батюшки Іоанна Кронштадтскаго», которымъ на этотъ разъ былъ Желябовъ. Когда разъ въ печати я сказалъ, что Желябовъ былъ дуракъ: то даже подобострастный Струве накинулся на меня съ невѣроятной злобой,

хотя у Вергежской онъ про революціонеровъ говорилъ такія вещи, какихъ я себѣ никогда не позволялъ. «Но про себя думай, что́ знаешь—а на площади окажи усердіе» («ура»): и Струве закричалъ на меня, потребовалъ устраненія меня отъ прессы, просто за эти слова, что Желябовъ—дуракъ. «Его величество всегда умѣнъ»—въ отношеніи Людовика XIV, или—мечтаемаго, призываемаго, заранѣе славословимаго Кромвеля. Обертывая все это и видишь: да это — *всемірная* психологія, *всемірная* потребность, *всемірный* фокусъ: что человѣкъ *только въ счастьи и въ самозабвеніи* — подлинно *благъ*, доброжелателенъ. «творитъ милость и правду». Ну, хорошо: то́ чѣмъ этого ожидать *завтра*, не лучше ли поклониться *вчера?* Чѣмъ рубить топоромъ и строгать рубанкомъ куклу,—для внѣшняго глаза «куклу», а для сердца вѣрующаго икону,—отчего не поставить «въ передній уголъ» ту, которую мы нашли у себя въ домѣ, родившись?

И особенно намъ, людямъ нижняго яруса, которые во власти не участвуемъ и *не хотимъ участвовать*, которые любимъ стихи и звѣзды, микроскопъ и нумизматику,—совершенно явно мы должны «оставить все какъ есть» и не становиться «въ оппозицію» къ le roi à présent, въ интересахъ le roi future, «Желябова № I».

«Намъ все равно»... Т.-е. успокоимся и будемъ дѣлать свои дѣла. Вотъ почему отъ «14-го декабря 1825 г. до сейчасъ» вся наша исторія есть отклоненіе въ сторону, и просто совершилась ни для чего. «Зашли не въ тотъ переулокъ» и никакого «дома не нашли». «Вертайся назадъ», «въ гости не попали».

Да не воображайте, что вы «нравственнѣе» меня. Вы и не нравственны и не безнравственны. Вы просто сдѣланныя вещи. Магазинъ сдѣланныхъ вещей. Вотъ я возьму палку и разобью эти вещи.

Нравственна или безнравственна фарфоровая чашка? Можно сказать, что она чиста, что хорошо расписана, «цвѣточки» и все. Но мнѣ больше нравится «Шарикъ» въ конурѣ. И какъ онъ ни грязенъ, въ сору, — я однако пойду играть съ нимъ. А съ вами—ничего.

(получивъ письмо отъ Г-на, что Сто-ръ пересталъ у меня бывать за мою «имморальность», — въ идеяхъ? въ писаніяхъ?)

... Показывалъ дачу. Проходя спальней—вижу двуспальную кровать. И говорю:

— Развѣ *живете?*

— До конца жизни! крѣпко сказалъ попъ.

У него дочь четвертый годъ замужемъ,—и выпла, уже окончивъ Курсы.

Онъ охочъ былъ рыбу ловить (на взморьѣ). Разъ случилась буря, а онъ за 10 верстъ уѣхалъ. Матушка бѣгаетъ по берегу и кричитъ:

— Поѣзжайте батьку спасать! Спасите отца!

Чухны не трогаются. Боятся (рыбаки).

— Десять рублей дамъ!!!

Тѣ сѣли въ огромную лодку и пустились въ море. Къ вечеру привезли батьку. Она дала рубль и разговаривать не стала. Ругались.

Сама она была охоча до грибовъ. И для грибовъ повязывала голову платочкомъ по-крестьянски. Въ 10 часовъ утра уже возвращается съ полной корзиной бѣлыхъ.

Спросишь:

— *Гдѣ* ищете грибовъ?

— «Тамъ», махнетъ она неопредѣленно.

Никогда не скажетъ «мѣста».

Разъ на взморьѣ шелъ дождь. Я торопился домой. Вечерѣло. И вижу, подъ зонтомъ стоитъ фигура. Стоитъ и смотритъ въ море. Пелена дождя. «Чего онъ тутъ смотритъ? Ждетъ кого?»

Разсказываю батѣ за чаемъ. Онъ засмѣялся:

— Это мой отецъ. Пріѣхалъ погостить изъ Вятки. Никогда моря

не видалъ. Ужасно *любитъ воду.* И какъ увидитъ море, не можетъ оторваться. Тоже священникъ. 74 года.

Онъ и «пузыри пускалъ». Т. е. этотъ. Должно быть, помня изъ Иловайскаго, и говоритъ:

— Я имъ говорю: — «Выпишите *Виклефа.* Я буду продолжать диссертацію, начатую въ Духовной Академіи, да тогда не кончилъ. А теперь свободнѣе и допишу». Выписали. Девять томовъ. Зимой начну читать.

Онъ былъ «профессоромъ богословія» въ высшемъ (техническомъ) заведеніи Петербурга. На лекціи къ нему ни одинъ человѣкъ не приходилъ, и онъ былъ милостивъ къ студентамъ и тоже самъ не ходилъ. Одно жалованье, честь и квартира. Это такъ понравилось, что его пригласили и на курсы (женскіе). Онъ и на курсахъ читалъ, т. е. получалъ жалованье.

Дача у него была тысячъ на десять,—т. е. съ «мѣстомъ». Велико-

лѣпый садъ. Ягоды. Два дома, въ одномъ «самъ», другой сдавалъ. У него я въ баню ходилъ. Баня не очень удобна. Коротокъ полокъ (лежать, ложиться). Такое не приспособленіе.

И на что ему «Виклефъ»,—смѣялся я въ душѣ. Да вспомнилъ Юлія Кесаря: «чѣмъ въ Римѣ быть *вторымъ*—предпочитаю быть въ деревнѣ *первымъ*». Такъ и «батя» среди ученаго персонала профессоровъ (высшее заведеніе) не хотѣлъ быть иначе, какъ тоже ученымъ богословомъ, особенно заинтересованнымъ реформаціею въ Англіи.

Никакого желанія спорить со Спенсеромъ: а желаніе вцѣпиться въ его аккуратные бакенбарды и выдрать изъ нихъ ½.

Поразительно, что, видѣвъ столько на сценѣ «старыхъ чиновниковъ Николаевскаго времени» (у Островскаго и друг.), русскіе пропустили, что Спенсеръ похожъ на всѣхъ ихъ. А его «Синтетическая философія» повторяетъ разграфленный аккуратно на «отдѣленія» и «столоначальничества» департаментъ. И весь онъ былъ только директоръ департамента, съ претензіями на революцію.

Въ VII-мъ классѣ гимназіи, читая его «О воспитаніи умственномъ, нравственномъ» и еще какомъ-то, я былъ

(гимназистомъ!!) пораженъ глупостью автора,—и не глупостью *отдѣльныхъ мыслей* его, а—тона, такъ сказать — самой *души* авторской. Онъ съ первой же страницы какъ бы читаетъ лекцію какой-то глупой, воображаемой имъ мамашѣ, хотя я убѣжденъ, что всѣ англійскія лэди гораздо умнѣе его. Эту мамашу онъ надѣляетъ всѣми глупыми качествами, какія вообразилъ себѣ, т. е. какія есть у него и какихъ вовсе нѣтъ у англичанокъ. Ей онъ читаетъ наставленія, поднявъ кверху указательный перстъ. Меня все время (гимназистомъ!) душилъ вопросъ: — «Какъ онъ *смѣетъ!* Какъ онъ *смѣетъ!*» Еще ничего въ то время не зная, я уголкомъ глаза и наконецъ здравымъ смысломъ (гимназиста!) видѣлъ, чувствовалъ, зналъ, что измученныя и потрепанныя матери всетаки страдаютъ о своихъ дѣтяхъ, тогда какъ этотъ болванъ ни о чемъ не страдалъ,—что онѣ всетаки знаютъ и видятъ самый *образъ* ребенка, *фигуру* его, тогда какъ Спен-

серъ (конечно не женатый) видалъ дѣтей только въ «British illustration», и что вообще онъ все «Умственное воспитаніе» сочиняетъ изъ головы, притомъ нисколько не остроумной. Напр.: «не надо останавливать дѣтей,—ибо они, не остановленные, пусть дойдутъ до *послѣдствій* невѣрныхъ своихъ мыслей и своихъ вредныхъ желаній: и тогда, ощутя *ошибку* этихъ мыслей и *боль* отъ вреда — вернутся назадъ, и тогда это будетъ *прочное воспитаніе*». И иллюстрируетъ, иллюстрируетъ съ воображаемой глупой мамашей. «Напр., если ребенокъ тянется къ огню, — то пусть и обожгетъ палецъ»... *Сложнѣе* этого ничего не лѣзло въ его лошадиную голову. Но вотъ 8-лѣтній мальчикъ начинаетъ заниматься онанизмомъ, случайно испытавъ, пожавъ рукой или какъ, его пріятность: что́ же, «мамаша» должна ждать, когда онъ къ 20-ти годамъ «разочаруется»? Спенсеръ ничего не слыхалъ о пагубныхъ привычкахъ дѣтей!! Ко-

нечно, дѣти въ «Британской иллюстраціи» онанизмомъ не занимаются: но матери это знаютъ и мучаются съ этимъ и не знаютъ, какъ найти средствъ. Да мое любимое занятіе отъ 6-ти до 8-ми лѣтъ было слѣдующее: подойдя къ догорающей лежанкѣ, т. е. когда ½ дровъ—уже уголь, и она вся пылаетъ, раскалена и красна,—я, вытащивъ изъ-за пояса рубашонку (розовая съ крапинками, ситцевая) устраивалъ парусъ. Именно—поддерживая зубами верхній край, я пальцами рукъ крѣпко держалъ нижніе углы паруса и закрывалъ, почти вплотную, отверстіе печки. Немедленно красивой дугой она втягивалась туда. Какъ сейчасъ вижу ее: раскалена, и когда я отодвигался, и парусъ падая касался груди и живота,—онъ жегъ кожу. Степень раскаленности и красота дуги меня и привлекали. Мнѣ въ голову не приходило, что она можетъ *сразу вся вспыхнуть*, что я стоялъ на краю смерти. Я былъ увѣренъ, что зажигается «*все* отъ

огня», а не отъ жару, и что нельзя зажечь рубашку иначе, какъ «поднеся къ ней зажженую спичку»: «такой есть одинъ способъ горѣнія». И любилъ я всегда это дѣлать, когда въ комнатѣ одинъ бывалъ, въ какой-то созерцательности. Однако отъ нетерпѣнія уже и при мамашѣ начиналъ дѣлать «первые шаги» паруса. Всегда усталая и не замѣчая насъ,—она мнѣ не объяснила опасности, *если это увеличитъ*. А по Спенсеру «и не надо было объяснять», пока я сгорю. Но мамаша была безъ «ѣ», а онъ написалъ іотомовъ. Ну, что съ такимъ дуракомъ дѣлать, какъ не выдрать его за бакенбарды?!!

(послѣ чтенія утромъ газетъ)

«— Это просто *пошлость!*»

Такъ сказалъ Толстой, въ переданномъ кѣмъ-то «разговорѣ», о *Женитьбѣ* Гоголя.

Вотъ годъ ношу это въ душѣ и думаю: какъ геніально! Не только *вѣрно*, но и *полно*, такъ что остается только поставить «точку» и не продолжать.

И *весь* Гоголь, *весь*—кромѣ «Тараса» и вообще малороссійскихъ вещицъ,—есть *пошлость* въ смыслѣ постиженія, въ смыслѣ содержанія. И—*геній* по формѣ, по тому «*какъ*» сказано и разсказано.

Онъ хотѣлъ выставить «пошлость пошлаго человѣка». Положимъ. Хотя очень странна тема. Какъ не заняться чѣмъ-нибудь

интереснымъ. Неужели интереснаго ничего нѣтъ въ мірѣ? Но его заняла, и на долго лѣтъ заняла, на всю зрѣлую жизнь, одна пошлость.

Удивительное призваніе.

Меня потрясъ одинъ разсказъ Рѣпина (на ходу), который онъ мнѣ передалъ если не изъ вторыхъ рукъ, то изъ третьихъ рукъ. Положимъ, изъ *вторыхъ* (т. е. онъ услышалъ его отъ человѣка, знавшаго Гоголя и даже подвергшагося «быть гостемъ» у него) и тогда онъ, буквально почти, передалъ слѣдующее:

«— Изъ насъ, молодежи, ничего еще не сдѣлавшей и ничѣмъ себя не заявившей,—Гоголь былъ въ Римѣ не только всѣхъ старше по годамъ, но и всѣхъ такъ сказать почтеннѣе по великой славѣ, окружавшей его имя. Поэтому мы, маленькой колонійкой и маленькимъ товариществомъ, собирались у него однажды въ недѣлю (положимъ—въ праздникъ). Но собранія эти, даръ почтительности съ нашей стороны, были чрезвычайно тяжелы. Гоголь при-

нималъ насъ чрезвычайно величественно и снисходительно, разливалъ чай и приказывалъ подать какую-нибудь закуску. Но ничего въ горло не шло, вслѣдствіе ледянаго, чопорнаго, подавляющаго его отношенія ко всѣмъ. Происходила какая-то надутая, непріятная церемонія чаепитія точно мелкихъ людей у высокопоставленнаго начальника, причемъ однако отношеніе его, чванливое и молчаливое, было таково, что всѣ мы въ слѣдующую (положимъ «среду») чувствовали себя обязанными опять придти, опять выпить этотъ жидкій и холодный чай и, опять поклонившись этому свѣтилу ума и слова,—удалиться».

Буквальныхъ словъ Рѣпина не помню,—смыслъ этотъ. Когда Рѣпинъ говорилъ (на ходу, на дачѣ,—было вѣтренно) и все тѣснѣе прижималъ къ тѣлу свой легкій бурнусъ, то я точно застылъ въ страхѣ, потому что почувствовалъ, точно передо мной вырастаетъ изъ

земли главная тайна Гоголя. Онъ былъ весь именно формальный, чопорный, торжественный, какъ «архіерей» мертвечины, служившій точно «службу» съ дикиріями и трикиріями: и такъ и этакъ кланявшійся и произносившій такія и этакія «словечки» своего великаго, но *по содержанію пустого и безсмысленнаго*, мастерства. Я не рѣшусь удержаться выговорить послѣднее слово: *идіотъ*. Онъ былъ также неколебимъ и устойчивъ, также не «сворачиваемъ въ сторону», какъ лишенный внутри себя всякаго разума и всякаго смысла человѣкъ. «*Пишу*» и «*sic*». Великолѣпно. Но какая же мысль? Идіотъ таращитъ глаза. Не понимаетъ. «Словечки» великолѣпны. «Словечки» какъ ни у кого. И онъ хорошо видитъ, что «какъ ни у кого», и восхищенъ безсмысленнымъ восхищеніемъ и гордъ тоже безсмысленной гордостью.

— Фу, дьяволъ!—сгинь!..

Но манекенъ моргаетъ глазами.

Холодными, стеклянными глазами. Онъ не понимаетъ, что за словомъ должно быть *что-нибудь*,—между прочимъ что за словомъ должно быть *дѣло; пожаръ* или *наводненіе*, *ужасъ* или *радость*. Ему это непонятно,—и онъ даетъ «послѣдній чеканъ» слову и разноситъ послѣдній стаканъ противнаго холоднаго чая своимъ «почитателямъ», которые въ его глупой, пошлой головѣ представляются какими-то столоначальниками, обязанными чуть не воспѣть «канту» директору департамента... то бишь творцу «Мертвыхъ душъ».

— Фу, дьяволъ! Фу, какой ты дьяволъ!! Проклятая колдунья съ чернымъ пятномъ въ душѣ, вся мертвая и вся ледяная, вся стеклянная и вся прозрачная... въ которой вообще нѣтъ *ничего!*

Ничего!!!

Нигилизмъ!

— Сгинь, нечистый!

Старческимъ лицомъ онъ смѣется изъ гроба:

— Да меня и нѣтъ, не было! Я только *показался*...

— Оборотень проклятый! Сгинь же ты, сгинь! сгинь! Съ нами крестная сила, чѣмъ оборониться отъ тебя?

«Вѣрою», подсказываетъ сердце. Въ комъ затеплилось зернышко «вѣры»,—вѣры въ душу человѣческую, вѣры въ землю свою, вѣры въ будущее ея,—для того Гоголя *во-истину не было.*

Никогда болѣе страшнаго человѣка... *подобія* человѣческаго... не приходило въ нашу землю.

Язычество—утро, христіанство — вечеръ.

Каждой единичной вещи и цѣлаго міра.

Неужели не настанетъ утра, неужели это послѣдній вечеръ?..

Заступъ — желѣзный. И только имъ можно соскребсти сорную траву.

Вотъ основаніе наказаній и темницы.

Только не любя человѣка, не жалѣя его, не защищая его—можно отвергать этотъ желѣзный заступъ.

Во всѣхъ религіяхъ есть представленіе и ожиданіе ада и рая, т. е. это внутренній голосъ всего человѣчества, религіозный голосъ. «Хулиганства», «зарѣзать» и «обокрасть»—и Небо не защищаетъ.

Защищаютъ одни «новые христіане» и соціалъ-демократы, пока ихъ наказываютъ и пока имъ нѣчего ѣсть. Но подождите: сядутъ они за столъ:—и тогда потребуютъ отвести въ темницу всякаго, кто имъ помѣшаетъ положить и ноги на столъ.

(за занятіями)

Съ 4-мя милліонами состоянія, онъ сидѣлъ съ прорѣзаннымъ горломъ въ глубокомъ креслѣ.

Это было такъ: я вошелъ, опросилъ Василья, «можно-ли?»,—и, получивъ кивокъ, прошелъ въ кабинетъ. Нѣтъ. Подошелъ къ столу письменному. Нѣтъ. Пересмотрѣлъ 2—3 книги, мелькнулъ по бумагамъ глазомъ, и, повернувшись назадъ, медленно сталъ выходить...

На меня поднялись глаза: въ боку отъ пылающаго камина терялось среди ширмъ кресло, и на немъ сидѣлъ онъ, такъ незамѣтный...

Еслибы онъ сказалъ слово, мысль, желаніе,—завтра это было-бы услышано всею Россіею. И на слово всѣ оглянулись-бы, приняли во вниманіе.

Но онъ три года не произноситъ уже никакихъ словъ. 78 лѣтъ.

Я поцѣловалъ въ голову, эту сѣдую, милую (мнѣ милую) голову... Въ глазѣ, въ движеніи головы—то̀ доброе и ласковое, то̀ *талантливое* (странно!), что̀ я видѣлъ въ немъ 12 лѣтъ. Въ немъ были (вѣроятно) недостатки: но въ немъ не было *неталантливости* ни въ чемъ, даже въ поворотѣ шеи. Весь онъ былъ молодъ и всегда молодъ; и теперь, умирая, онъ былъ также молодъ и естественъ, какъ всегда.

Пододвинувъ бланкъ-нотъ, онъ написалъ каракулями:

— *Я вѣдь только балуюсь, лечась. А я знаю, что скоро умру.*

И мы всѣ умремъ. А пока «не перерѣжутъ горла»—произносимъ слова; пишемъ, «стараемся».

Онъ былъ совершенно спокоенъ. Болей нѣтъ. Еслибы были боли—кричалъ-бы. О, тогда былъ-бы другой видъ. Но онъ умираетъ безъ боли и видъ его совершенно спокойный.

Взявъ опять блокъ-нотъ, онъ написалъ:

— *Толстой на моемъ мѣстѣ все бы писалъ, а я не могу.*

Спросилъ о послѣднихъ его произведеніяхъ. Я сказалъ, что плохи. Онъ написалъ:

— *Даже Хаджи-Муратъ. Противъ «Капитанской дочки» чего же это стоитъ. Г...*

Это любимое его слово. Онъ любилъ крѣпкую русскую брань: но — въ ласковыя минуты, и произносилъ ее съ обворожительной, дѣтской улыбкой. «Національное сокровище».

Онъ былъ весь націоналистъ: о, не въ теперешнемъ партійномъ смыслѣ. Но онъ не забывалъ своего Воронежа, откуда учителемъ уѣзднаго училища вышелъ полный талантовъ, веселости и надеждъ: въ Россію, въ славу, любя эту славу Россіи, чтобы ей споспѣшествовать. Пора его «Незнакомства» неинтересна: мало-ли либеральныхъ пересмѣшниковъ. Трогательное и прекрасное въ немъ явилось тогда, когда, какъ средневѣковый рыцарь,

онъ завязалъ въ узелокъ свою «извѣстность» и «любимость», отнесъ ее въ часовеньку на дорогѣ, и, помолясь передъ образами,—вышелъ вонъ съ новымъ чувствомъ. «Я долженъ жить не для своего имени, а для имени Россіи». И онъ жилъ такъ. Я опредѣленно помню отрывочныя слова, сказанныя какъ бы вслухъ про себя, но при мнѣ, изъ которыхъ совершенно явно сложился *именно этотъ образъ*.

(объ А. С. Суворинѣ,—въ маѣ 1912 г.; на обложкѣ стреляго конверта. Слова о Хаджи-Муратѣ,—по справкѣ съ подлинной записочкой С-на,—не содержали «крѣпкаго русскаго слова», но оставляю ихъ въ томъ впечатлѣніи, какъ было у меня въ душѣ, и какъ записалось минуты черезъ три послѣ разговора. Но «крѣпкое слово», однако, было вообще любимо А. С. С-нымъ.—Разъ онъ о газетѣ сказалъ мнѣ, вскипѣвъ и стукнувъ углами пальцевъ о столъ: «Я люблю свою газету больше семьи своей, (еще вскипѣвъ:) больше своей жены...». Такъ какъ ни денегъ, ни общественнаго положенія нельзя любить крѣпче и ближе жены и дѣтей,—то слова эти могли значить только: «совмѣстная съ Россіею работа газеты мнѣ дороже и семьи и жены». Это, т. е. подспудное въ душѣ около этого восклицанія, я и назвалъ «рыцарской часовенкой» журналистики)

Русскіе, какъ извѣстно, во все умѣютъ воплощаться. Однажды они воплотились въ Дюма-fils. И поѣхалъ съ чувствомъ настоящаго француза изучать Россію и странные русскіе нравы. Когда на границѣ спросили его фамилію, онъ отвѣтилъ скромно:

— Боборыкинъ.

Самое важное въ Боборыкинѣ, что онъ ни въ чемъ не встрѣчаетъ препятствія...

Боборыкина «въ затрудненіи» я не могу себѣ представить.

Всѣмъ людямъ трудно, одному Боборыкину постоянно легко, удачно; и, я думаю, самыя трудно-переваримыя вещества у него легко перевариваются.

Несу литературу какъ гробъ мой,
несу литературу какъ печаль мою,
несу литературу какъ отвращеніе
мое. .

Никакой трагедіи въ душѣ... Утонули мать и сынъ. Можно бы съ ума сойти и забыть, гдѣ чернилица. Онъ только написалъ «трагическое письмо» къ Прудону.

(*Герценъ*)

Прудонъ былъ все-таки для него «знатный иностранецъ». Какъ для всей несчастной Россіи, которая безъ «иностранца» задыхается.

— «Слишкомъ заволокло все Русью. Дайте прорѣзь въ небѣ».— Въ самомъ дѣлѣ, «тоска по иностранному» неесть ли продуктъ чрезмѣрнаго давленія огромности земли своей, и даже цивилизаціи, «всего»— на маленькую душу каждаго.

— Тону, дай нѣмца.

Очень естественно. «Иностранецъ» есть протестъ нашъ, есть вздохъ нашъ, есть «свое лицо» въ каждомъ, которое хочется сохранить въ неизмѣримой Руси.

— Ради Бога—Бокля!! Поскорѣе!!!

Это какъ «дайте нашатырю понюхать» въ обморокѣ.

Вся натура его—ползучая. Онъ ползетъ, какъ корни дерева въ землѣ.

(*объ Фл—мъ*)

Воздухъ—наиболѣе отдаленная отъ него стихія. Я думаю, онъ вовсе не могъ-бы побѣжать. Онъ запнется и упадетъ. Все—къ землѣ и въ землю.

(*на полученномъ письмѣ Уст—го*)

Не даромъ еще въ гимназіи какъ задача «съ купцами» или «съ кранами» (на тройное правило)—не могу рѣшить.

Какія-то «условія» и ихъ какъ-то надо «поставить»... «Ну ихъ къ ч-чёрту!!»—и съ негодованіемъ закрывалъ книгу.

«Завтра спишу у товарища» или «товарищъ подскажетъ». Всегда подсказывали.

Добрые гимназисты. Никогда ихъ не забуду. Если что́ изъ «Россійской Державы» я оставилъ бы, то́—гимназистовъ. На нихъ даже и «страшный судъ» зубы обломаетъ. Курятъ — и только; да на счетъ «горничныхъ». Самыя праведныя дѣла на свѣтѣ.

(съ «горничными»—разное о нихъ вранье, и самыя маленькія шалости; «обидъ»-же имъ не было)

Я только смѣюсь или плачу. Размышляю ли я *въ собственномъ смыслѣ?*

— Никогда!

Вообще драть за волосы писателей очень подходящая вещь.

Они тѣ же дѣти: только чванливые, и уже за 40 лѣтъ.

Попы въ средніе вѣка имъ много вихровъ надрали. И по дѣломъ.

Центръ—жизнь, материкъ ея... А писатели — золотыя рыбки; или — плотва, играющіе около берега его. Не «передвигать» же материкъ въ зависимости отъ движенія хвостовъ золотыхъ рыбокъ.

(*утромъ послѣ чтенія газетъ*)

Чего хотѣлъ, тѣмъ и захлебнулся. Когда наша простая Русь полюбила его простою и свѣтлою любовью за «Войну и Миръ»,—онъ сказалъ: «Мало. Хочу быть Буддой и Шопенгауэромъ». Но вмѣсто «Буддыи Шопенгауэра» получилось только 42 карточки, гдѣ онъ снятъ въ $^{3}/_{4}$, $^{1}/_{2}$, en face, въ-профиль и кажется «съ ногъ», — сидя, стоя, лежа, въ рубахѣ, кафтанѣ и еще въ чемъ-то, за плугомъ и верхомъ, въ шапочкѣ, шляпѣ и «просто такъ»... Нѣтъ, дьяволъ умѣетъ смѣяться надъ тѣмъ, кто ему (славѣ) продаетъ свою душу.

— «Которую же карточку выбрать», говорятъ двѣ курсистки и студентъ. Но покупаютъ цѣлыхъ 3, заплативъ за всѣ 15 коп.

Sic transit gloria mundi.

Слава—не только не величіе: слава—именно начало *паденія* величія...
Смотрите на церкви, на царства и царей.

(*на поданной визитной карточкѣ*)

Между эсъ-эрами есть недурненькіе jeunes premiers; и тогда они очень хорошо устраиваются.

(2 случая на глазахъ)

Если мужъ плачетъ объ умершей женѣ, то наклонясь къ уху лакея вы спросите: — «А не былъ-ли онъ знакомъ съ Замысловскимъ?» И если лакей скажетъ: — «Да, среди другихъ у насъ *бывалъ* и *Замысловскій*», — вы пойдете въ участокъ и сообщите приставу, что этотъ господинъ, сдѣлавшій у себя имитацію похоронъ, на самомъ дѣлѣ собираетъ по ночамъ оголтѣлыхъ людей, съ которыми составилъ планъ ограбить квартиру градоначальника. Покойница-же «живетъ» со всею шайкою.

Не къ этому-ли *тону* и *духу* сводится все «честное направленіе» въ печати. Или—все «честное, возвышенное и идеальное» у насъ.

Да.... noli tangere nostros circulos.

(*по прочтеніи Гаррисa объ «Уединен.»*)

Онъ довольно литературенъ: оказывается, онъ произноситъ съ надлежащей буквой «ѣ» такое трудное выраженіе, какъ «персоцѣнкацѣнностей». И сотрудничества его ищутъ редакторы журналовъ и газетъ.

Смѣхъ не можетъ ничего убить.
Смѣхъ можетъ только придавить.

И терпѣніе одолѣетъ всякій смѣхъ.

(60-ые годы и потомъ)

Это какой-то *впечатлительный* Боборыкинъ стихотворчества.

Да, — знаетъ всѣ языки, владѣетъ всѣми ритмами, и, такъ сказать, не имѣетъ въ матерьялѣ сопротивленій для пера, мысли и воображенія: по симъ качествамъ онъ кажется *безконечнымъ*.

Но *душа?* Ея нѣтъ у него: это — вѣшалка, на которую повѣшены платья индійскія, мексиканскія, египетскія, русскія, испанскія. Лучше-бы всего — цыганскія: но ихъ нѣтъ. Весь этотъ торжественный парадъ мундировъ проходитъ передъ читателемъ, и онъ думаетъ: «какое богатство». А на самомъ дѣлѣ подъ

всѣмъ этимъ—просто гвоздь желѣзный, выдѣлки кузнеца Иванова, простой, грубый и элементарный.

Его совѣсть? Объ этомъ не поднимай вопроса.

(въ окружномъ судѣ, дожидаясь секретаря,—о поэтѣ Б-тѣ)

Техника, присоединившись къ душѣ, — дала ей всемогущество. Но она же ее и раздавила. Получилась «техническая душа», лишь съ механизмомъ творчества, а безъ вдохновенія творчества.

(печать и Гутенберъ, ея судьи)

Грусть — моя вѣчная гостья. И какъ я люблю эту гостью.

Она въ платьѣ не богатомъ и не бѣдномъ. Худенькая. Я думаю, она похожа на мою мамашу. У нея нѣтъ рѣчей, или мало. Только видъ. Онъ не огорченный и не раздраженный. Но что́ я описываю; развѣ есть слова? Она безконечна.

Грусть—это безконечность!

Она приходитъ вечеромъ, въ сумерки, неслышно, незамѣтно. Она уже «тутъ», когда думаешь, что нѣтъ ея. Теперь она, не возражая, не оспаривая, примѣшиваетъ ко всему, что́ вы думаете, свой налетъ: и этотъ «налетъ»—безконеченъ.

Грусть — это упрекъ, жалоба и недостаточность. Я думаю, она къ человѣку подошла въ тотъ вечерній часъ, когда Адамъ «вкусилъ» и былъ изгнанъ изъ рая. Съ этого времени она всегда недалеко отъ него. Всегда «гдѣ-то тутъ»: но показывается въ вечерніе часы.

(окружный судъ; дожидаясь секретаря)

Вопросъ «объ евреѣ» безконеченъ: о немъ можно говорить и написать больше, чѣмъ объ Удѣльно-вѣчевомъ періодѣ русской исторіи.

Какія «да!» и «нѣтъ!»

(окружн. судъ; на поданной визит. карт.)

Суть «нашего времени»—что оно все обращаетъ въ шаблонъ, схему и фразу. Проговорили великіе мужи. Былъ Шопенгауэръ: и «пессимизмъ» сталъ фразою. Былъ Ницше: и «Антихристъ» его заговорилъ тысячею лошадиныхъ челюстей. Слава Богу, что на это время Евангеліе совсѣмъ перестало быть читаемо: случилось бы тоже.

Изъ этихъ оглоблей никакъ не выскочишь.

— Вы хотите успѣха?

— Да.

— Сейчасъ. Мы вамъ изготовимъ шаблонъ.

— Да я хотѣлъ сердца. Я о душѣ думалъ.

— Извините. Ничего кромѣ шаблона.

— Тогда не надо... Нѣтъ, я лучше уйду. И заберу свою бѣдность съ собою.

(на той же визитной карточкѣ Макаревскаго)

Отчего такъ много чугуна въ людяхъ? Преобладающій металлъ.

— Отчего онъ не сотворенъ изъ золота?

«Золото для ангеловъ».

Но золотыя нити прорѣзываютъ чугунъ. И какое имъ страданіе. Но и какой «еслѣдъ имъ» восторгъ.

(поговорить съ попомъ)

Истинное отношеніе каждаго только къ *самому себѣ*. Даже разсоціалистъ немного фальшивитъ въ отношеніи къ соціализму, и просто потому, что соціализмъ для него —*объектъ*. Лишь тамъ, гдѣ субъектъ и объектъ — *одно*, исчезаетъ неправда.

Въ этомъ отношеніи какой-то далекой, хотя и тусклой, звѣздочкой является эгоизмъ,—«я» для «я»... *мое* «я» для «*меня*». Это грустно, это сухо, это страшно. Но это — истина.

Сила еврейства въ чрезвычайно старой крови...

Не дряхлой: но она хорошо выстоялась и постоянно полировалась (борьба, усилія, изворотливость). Вотъ чего никогда нельзя услышать отъ еврея: «какъ *я устал*ъ», и—«*отдохнут*ъ бы».

Отстаивай любовь свою ногтями, отстаивай любовь свою зубами. Отстаивай ее противъ ума, отстаивай ее противъ власти.

Будь крѣпокъ любви — и Богъ тебя благословитъ.

Ибо любовь — корень жизни. А Богъ есть жизнь.

(на Волкова)

Русская жизнь и грязна. и слаба, но какъ-то *мила*.

Вотъ послѣднее и боишься потерять, а то бы «на смарку все». Боишься потерять нѣчто *единственное* и чего *не повторится*.

Повторится и лучшее, а не *такое*. А хочется «такого»...

(на Волково)

«Современность» рѣжетъ только пустого человѣка. Поэтому и жалобы на современность — пусты.

Нѣтъ, не противъ церкви и не противъ Бога мой грѣхъ, — не радуйтесь, попики.

Грѣхъ мой противъ человѣка.

И не о «морали» я тоскую. Все это пустяки. Мнѣ *не* 12 лѣтъ. А не было ли отъ меня *боли*.

« — Я сейчасъ! я сейчасъ!..» — и съ счастливымъ дѣтскимъ лицомъ она стала надѣвать пальто, опуская больную руку какъ въ мѣшокъ въ рукавъ...

Когда вошла Евг. Ив., она была уже въ своемъ сѣромъ англійскомъ костюмѣ.

Поѣхали къ Лид. Эр. — Я смотрѣлъ по лѣстницѣ: первый выѣздъ далеко (на Удѣльную). И, прихрамывая, она торопилась какъ на лучшій балъ. «Такъ далеко!» — обѣщаніе выздоровленія...

... Увы...

Пріѣхала назадъ вся померкшая... (изнемогла).

21 апрѣля 1912 г.

Все-же именно *любовь* меня не обманывала. Обманулся въ вѣрѣ, въ цивилизаціи, въ литературѣ. Въ людяхъ вообще. Но тѣ два человѣка, которые меня любили,—я въ нихъ не обманулся никогда. И не то, чтобы *мнѣ было хорошо* отъ любви ихъ, вовсе нѣтъ: но жажда видѣть *идеальное, правдивое*—вѣчна въ человѣкѣ. Въ двухъ этихъ привязанныхъ къ себѣ людяхъ («другѣ» и Юліи) я и увидѣлъ правду, на которой не было «ущерба луны»,—и на свѣтозарномъ лицѣ ихъ я вообще не подмѣтилъ ни одной моральной «морщины».

Если бы я самъ былъ таковъ—моя жизнь была бы полна и я былъ бы *совершенно счастливъ*, безъ конституціи

тупін, безъ литературы и безъ краснаго лица.

Видѣть лучшее, самое прекрасное, и знать, что оно къ тебѣ привязано—это участь боговъ. И дважды въ жизни,—послѣдній разъ цѣлыхъ 20 лѣтъ,—я имѣлъ это «подобіе божественной жизни».

Думая иногда о Фл., крещу его въ спину съ А.,—и съ болью о себѣ думаю: «вотъ *этого* стыдѣть сохранить».

Всѣ женскія учебныя заведенія готовятъ въ удачномъ случаѣ монахинь, въ неудачномъ проститутокъ.

«Жена» и «мать» въ голову не приходятъ.

Можетъ быть народъ нашъ и плохъ: но онъ—*нашъ* нашъ народъ. и это рѣшаетъ все.

Отъ «своего» куда уйти? Внѣ «своего»—*чужое*. Самымъ этимъ словомъ *рѣшается все*. Попробуйте пожить «на чужой сторонѣ», попробуйте жить «съ чужими людьми». «Лучше ѣсть краюшку хлѣба у себя дома, чѣмъ пироги—изъ чужихъ рукъ».

Больше любви; больше любви, дайте любви. Я задыхаюсь въ холодѣ.

У, какъ вездѣ холодно.

Моя кухонная (прих.-расх.) книжка стоитъ «Писемъ Тургенева къ Віардо». Это--*фрегосъ*, но эта такая же ось міра и въ сущности такая же поэзія.

Сколько усилій! бережливости! страха не переступить «черты»! и—удовлетворенія, когда «къ 1-му числу» сошлись концы съ концами.

Всякій разъ, когда къ «канонамъ» присоединяется въ священникѣ *личная горячность*,—получается нѣчто ужасное (ханжа, Торквемада); только когда «спустя рукава»—хорошо. Отчего это? Отчего *здѣсь*?

Смерти я совершенно не могу перенести.

Не странно-ли прожить жизнь такъ, какъ бы ея и не существовало. Самое обыкновенное и самое постоянное. Между тѣмъ я такъ относился къ ней, какъ бы никто и ничто не долженъ былъ умереть. Какъ бы смерти не было.

Самое обыкновенное, самое «всегда»: и этого я не видалъ.

Конечно, я ее *видалъ*: но значитъ, я *не смотрѣлъ* на умирающихъ. И не значитъ ли это, что я ихъ и *не любилъ*.

Вотъ «дурной человѣкъ во мнѣ», дурной и страшный. Въ этотъ моментъ какъ я ненавижу себя, какъ враждебенъ себѣ.

Собственно, *непосредственно слить съ церковью* я никогда не былъ (въ дѣтствѣ, юношей, зрѣлымъ)... Я всегда былъ *зрителемъ* въ ней, *стоятелемъ*—**хотящимъ** помолиться, но не и **уже** молящимся; оцѣнщикомъ; во мнѣ было много *любованія* (въ зрѣлые годы) на церковь... Но это совсѣмъ не то, что напр. въ «другѣ», въ ея матери: «пришелъ» и «молюсь», «это—*мое*», «тутъ—*всѣ* мы», «это—*наше*». Такимъ образомъ и тутъ я былъ «иностранецъ»,—«восхищеннымъ Анахарсисомъ», какъ въ политикѣ, увы, какъ—*во всемъ*.

Эта-то страшная *пустыня* и томитъ меня: что я нигдѣ не «свой»; что на землѣ нѣтъ мѣста, гдѣ я

бы почувствовать: «мое», «мнѣ *дан-ное*», «врожденное».

И вся жизнь моя есть поиски: «гдѣ же *мое*». Только въ «другѣ» мнѣ мелькнуло «мое». Это что-то «въ судьбѣ», «въ звѣздахъ», т. е. встрѣча и связанность. Тутъ—живое: и—идеальное, которое живо, а не то чтобы «вслѣдствіе живого (которое понравилось)—идеализировалось». Связь эта—провиденціальна. Что-то Богъ мнѣ тутъ «указалъ», къ чему-то «привелъ».

(за статьей по поводу пожарнаго съѣзда)

Напрасно я обижалъ Кускову...
Какъ все прекрасно...

Она старается о томъ, о чемъ ей вложено. Развѣ я не стараюсь о вложенномъ мнѣ?

(за истребленіемъ комаровъ)

Сочетаніе хитрости съ дикостью (наивностью) -- мое удивительное свойство. И съ неумѣлостью въ подробностяхъ, въ ближайшемъ— сочетаніе дальновидности, разсчета и опытности въ отдаленномъ, въ «концѣ».

«Трепетное дерево» я написалъ именно какъ I-ую главу «Тем. Лика». А за сколько лѣтъ до «Т. Л.» оно было напечатано, и *тогда* о смыслѣ и тенденціи этой статьи никто не догадывался.

А въ предисловіи къ «Люд. лун. свѣта»—уже все «Уедин.».

(и дат...)

Я не враждебенъ нравственности, а просто «не приходитъ на умъ». Или отлипается, когда (подъ чьимъ-нибудь требованіемъ) ставлю темою. «Правила поведенія» не имѣютъ химическаго сродства съ моею душою; и тутъ ничего нельзя сдѣлать. Далѣе, люди «съ правилами поведенія» всегда были мнѣ противны: какъ дѣланные, какъ неумные, и въ которыхъ вообще нѣчего разсматривать. «Онъ подалъ тебѣ шпаргалку: прочтя которую все о *немъ* знаешь». Но вотъ: развѣ не въ этомъ заключается и мой восторгъ къ «другу», что когда увидишь великолѣпнаго «нравственнаго» человѣка, которому тоже его «нравственность» не приходитъ на умъ, а онъ таковъ «отъ Бога», «отъ родителей» и вѣчности, который не имѣетъ двоящейся мысли, который

не имѣетъ задней мысли, который никогда ни къ кому не имѣлъ злой мысли,—то оставляешь художества, «изящное», изъ рукъ выпадаетъ «критика чистаго разума», и, потихоньку отойдя въ сторону, чтобы онъ не видѣлъ тебя—слѣдишь и слѣдишь за нимъ, какъ самымъ высшимъ, что вообще можно видѣть на землѣ.

Прекрасный человѣкъ,—и именно въ смыслѣ вотъ этомъ: «добрый», «благодатный»,—есть лучшее на землѣ. И, поистинѣ, міръ созданъ, чтобы увидѣть его.

Да къ чему разсужденія. Вотъ примѣръ. Смеркалось. Всѣ по дому измучены какъ собаки. У дверей я перетиралъ книги, а Надя (худенькая, блѣдная горничная. объ мужѣ и одномъ ребенкѣ) домывала окна. «Костыляетъ» моя В.,—мимо, къ окну,—и, захвативъ правой рукой (здоровая) шею Нади, притянула голову и поцѣловала какъ своего ребенка. Та, испугавшись:—«Что вы, барыня?». Заплакавъ, отвѣтила:—

«Это намъ Богъ васъ послалъ. И здоровье у васъ слабое, и дома несчастье (мужъ боленъ, лежитъ въ деревнѣ, безъ дѣла, а у ребенка—грыжа), а вы все работаете и не оставляете насъ». И отошла. Не дождавшись ни отвѣта, ни впечатлѣнія.

Есть видъ работы и службы, гдѣ нѣтъ барина и господина, владыки и раба: а всѣ дѣлаютъ дѣло, *дѣлаютъ гармонію*, потому что она *нужна*. Ящикъ, гвозди и вещи: вещи пропали бы безъ ящика, ящикъ нельзя бы сколотить безъ гвоздей; но «гвоздь» не самое главное, потому что все—«для вещей», а съ другой стороны, «ящикъ обнимаетъ все» и «больше всего». Это понималъ Пушкинъ, когда не ставилъ себя ни на капельку выше «капитана Миронова» (Бѣлогорская крѣпость); и капитану было хорошо около Пушкина, а Пушкину было хорошо съ капитаномъ.

Но какъ это непонятно *теперь*, когда все раздираетъ злоба.

Въ *полѣ - сила*, *полъ* есть *сила*. И евреи—*сосдинены* съ этою силою, а христіане съ нею *раздѣлены*. Вотъ отчего евреи одолѣваютъ христіанъ.

Тутъ борьба *съ зерпь*, а не на поверхности,—и въ такой глубинѣ, что голова кружится.

Дальнѣйшій отказъ христіанства отъ пола будетъ имѣть послѣдствіемъ увеличеніе тріумфовъ еврейства. Вотъ отчего такъ «во́время» я началъ проповѣдовать полъ. Христіанство должно хотябы отчасти стать фаллическимъ (дѣти, разводъ т.-е. упорядоченіе семьи и утолщеніе ея пласта, увеличеніе множества семей).

Увы: образованные евреи этого не понимаютъ, а образованнымъ христіанамъ «до всего этого дѣла нѣтъ».

— Зачѣмъ я пойду къ «хорошему воздуху», когда «хорошій воздухъ» самъ ко мнѣ идетъ. На то и вѣтерокъ, чтобы человѣку не безпокоиться.

(на: «поди гулять, хорошій воздухъ»)

Когда жизнь перестаетъ быть милою, для чего-же жить?

— Ты впадешь въ большой грѣхъ, если умрешь *самъ*.

— Дьяволы: да заглянули-ли вы въ *тоску мою*, чтобы учить теперь, когда все поздно. Какое дѣло мнѣ до васъ? Какое дѣло вамъ до меня? И *умру* и *не* умру—*мое дѣло*. И никакого *вамъ* дѣла до меня.

Говорили-бы *живому*. Но тогда вы молчали. А надъ мертвымъ вашихъ рѣчей не нужно.

(*за набивкой папиросъ*)

Смерть есть то, послѣ чего ничто неинтересно.

Но она настанетъ для всего.

Неужели же сказать, что—ничто не интересно?

Можетъ быть библіографія Тургенева теперь для него интересна? Брррр...

«Религія Толстого» не есть-ли «туда и сюда» тульскаго барина, которому хорошо жилось, котораго много славили,—и *который ни о чемъ истинно не болѣлъ*.

Истинно и страстно и лично. Въ холодности Толстого—его смертная часть.

(*читая Герцова о «Сборникѣ въ его память»*)

Какъ я смотрю на свое «почти революціонное» увлеченіе 190..., нѣтъ 1897—1906 г.г.?

— Оно было пра̀во.

Отвратительное человѣка начинается съ самодовольства.

И тогда самодовольны были чиновники.

Потомъ стали революціонеры. И я возненавидѣлъ ихъ.

Перечиталъ свою статью о Леонтьевѣ (сборникъ въ память его). Не нравится. Въ ней есть *тайная* пошлость, заключающаяся въ томъ, что, говоря о *другомъ* и притомъ *любимомъ* человѣкѣ, я долженъ былъ говорить о немъ, не прибавляя «и себя». А я прибавлялъ. Это такъ молодо, мелочно,—и говорить о нелюбви моей къ покойному, тогда какъ я его любилъ и люблю. Но—какъ вдова, которая «всетаки посмотрѣлась въ зеркало».

Боже, сохрани во мнѣ это писательское цѣломудріе: не смотрѣться въ зеркало.

Писатели значительные отъ ничтожныхъ почти только этимъ от-

личаются:—смотрятся въ зеркало,—*не* смотрятся въ зеркало.

Соловьевъ не имѣлъ силы отстранить это зеркало, Леонтьевъ не видѣлъ его.

Я невѣстюсь передъ всѣмъ міромъ: вотъ откуда постоянное волненіе.

Авр. невѣстился передъ Іег., а я передъ природой. Это и вся разница.

Я знаю все, что было открыто ему.

Писателю необходимо подавить въ себѣ писателя («писательство», литературщину). Только достигнувъ этого, онъ становится писатель; не «дѣлалъ», а «сдѣлалъ»

Чѣмъ я болѣе всего пораженъ въ жизни? и за всю жизнь?

Неблагородствомъ.

И — благородствомъ.

И тѣмъ, что благородное всегда въ униженіи.

Свинство почти всегда торжествуетъ. Оскорбляющее свинство.

...вообще, когда меня порицаютъ (Левинъ, другіе)—то это справедливо (порицательная вещь, дурная вещь). Только не въ цинизмѣ: мнѣ не было-бы трудно въ этомъ признаться, но этого зги нѣтъ во мнѣ. Какой-же цинизмъ въ существенно кроткомъ? Въ постоянно почти грустномъ? Нѣтъ, другое.

Во мнѣ нѣтъ ясности, настоящей *дѣятельной* доброты и открытости. Душа моя какая-то *путаница*, изъ которой я не умѣю *выпутать ногу*...

И отсюда такое глубокое безсиліе. (Немножко все это, т.-е. путаница,—выражается въ моемъ стилѣ).

Французы неспособны къ республикѣ, какъ неспособны и къ монархіи. У нихъ нѣтъ ни нормальныхъ монархическихъ чувствъ, ни нормальныхъ республиканскихъ. Они неспособны къ любви, привязанности, довѣрію, обожанію. Какая-же можетъ быть тогда монархія? А республика... какіе же республиканцы—эти карманщики, эти портмонэ, около которыхъ, — каждаго,—поставленъ счетчикъ и сторожъ, именующій себя citoyen? Это и есть сторожа своихъ кармановъ.

Чѣмъ же она (Франція) держится? Всего меньше «республиканскимъ строемъ». Кварталъ къ кварталу, городъ къ городу, департаментъ къ департаменту. По-

чему же всему этому не «держаться», если ничто ихъ не разрушаетъ, не раскалачиваетъ, не бьетъ, не валитъ? Сухой лѣсъ еще долго стоитъ.

Что́ за мерзость... нѣтъ, что́ за *ужасъ* ихъ маленькія повѣстушки... Прошлымъ лѣтомъ прочелъ одну—фельетонъ въ «Утрѣ Россіи». Она стояла у меня какъ кошмаръ въ воображеніи. Вотъ сюжетъ: три сестры — проститутки. Отецъ и мать—швейцаръ дома. Третья, младшая сестра, влюбилась въ студента, перешла на чердакъ къ нему и (тутъ вся иронія автора) нанесла безчестье отцу, матери, сестрамъ. Она—«погибшая».

Только дочитавъ разсказъ и еще вторично пробѣжавъ — догадываешься, въ чемъ дѣло, т. е. что проститутки. Въ сумерки онѣ появлялись въ шикарномъ café и садились такъ, чтобы быть видными въ соотвѣтствующемъ освѣщеніи. Одѣты великолѣпно и вообще считаешь ихъ «барышнями», пока не дочтешь. Потомъ только о всемъ

догадываешься: больше изъ судьбы третьей сестры, и общаго ироническаго тона автора. Отецъ и мать, вечеромъ и утромъ, въ уютной своей швейцарской, потягиваютъ душистый кофе, который заканчиваютъ рюмкою дорогого вина. Дочери къ нимъ почтительны, любящи,—и «зарабатываютъ» на кофе и вино.

Дѣти почитаютъ родителей и родители любятъ своихъ дѣтей. Старикъ и старушка. И три красавицы. Нужно сказать, что я знаю (пришлось *слышать*, но слышать о тѣхъ дѣвушкахъ, которыхъ я *видалъ*) два подобныхъ случая въ Петербургѣ. Именно, — матери, указавъ на лежащую въ колескѣ кокотку, сказали дочерямъ лѣтъ 16-ти: «вотъ бы тебѣ подцѣпить дружка, *какъ эта*» (кокотка), «вотъ бы тебѣ устроиться къ кому-нибудь».

Ну, и—фактъ. Грубость семьи, пошлость тона. Полъ дочери зачеркнутъ мегерой, которая сама не имѣетъ пола, и «что́-то въ родѣ пола» разсматривается, какъ «не-

размѣнный рубль». Впрочемъ, я раціонализирую и придумываю. То, что *видѣлось*—было просто грязная мочалка, грязная неметеная комната. Наконецъ, въ дѣтствѣ (ничего не понимая,—еще до поступленія въ гимназію) мнѣ пришлось видѣть глазами исторію хуже. Офицеръ отъ себя отпускалъ молодую женщину, когда извозчикъ постучитъ въ окно: «Здѣсь Анна Ивановна? Зовутъ въ гостиницу».

Итакъ, видалъ, слыхалъ. Но этого подленькаго *уже авторскаго*, уже citoyen—«пили кофе и любили винцо, потому что дочери хорошо получали», этого *лакея-литератора*, сводящаго все событіе въ сущности огромнаго быта и можетъ быть скрытой огромной психологіи къ вкусовому ощущенію хорошаго винца на языкѣ—я не встрѣчалъ... Даже «хуже» здѣсь—въ сущности лучше. Вовсе не въ получаемой «монетѣ» здѣсь дѣло, не въ «кофе» по-утру, а въ другомъ: въ преувеличенной развращенности уже

стариковъ родителей, или альфонса-любовника. Вообще тутъ квадратъ угара, а «монета»—только прикладное. И этотъ квадратъ угара есть всетаки феноменъ природы, въ который мы можемъ вдумываться, который мы можемъ изучать, тогда какъ совершенно нѣчего ни думать, ни изучать у этого француза, который разсмотрѣлъ здѣсь одну бухгалтерскую книгу и щекотаніе нѣбныхъ нервовъ. Падшій здѣсь—литераторъ. О, онъ гораздо ниже стоитъ и швейцара со швейцарихой, и сестеръ-кокотокъ. У кокотокъ—и развитіе кокотокъ, и начитанность кокотокъ, и религія кокотокъ, и все. Маленькое животное, имѣющее маленькій кормъ. Но литераторъ, но литература, унижающіеся до этого торжественно-язвительнаго:

Се—*левъ*, а се—*человѣкъ*

—послѣ Вольтера, Руссо, послѣ Паскаля, Монтаня, послѣ Гизо, Тьери, Араго...

Въ «соціальномъ строѣ» одинъ везетъ, а девятеро лодарничаютъ...

И думается: «соціальный вопросъ» не есть-ли вопросъ о девяти дармоѣдахъ изъ десяти, а вовсе не въ томъ, чтобы у *немногихъ* отнять и подѣлить между всѣми. Ибо послѣ дѣлежа будетъ 14 на шеѣ одного трудолюбца; и окончательно задавятъ его. «Упразднить» же себя и даже принудительно поставить на работу они никакъ не дадутъ, потому что у нихъ «большинство голосовъ», да и просто кулакъ огромнѣе.

Любовь подобна жаждѣ. Она есть жажданіе души тѣла (т. е. души, коей проявленіемъ служитъ тѣло). Любовь всегда—къ тому, чего «особенно недостаетъ мнѣ», жаждующему.

Любовь есть томленіе; она *томитъ;* и убиваетъ, когда не удовлетворена.

Поэтому-то любовь, насыщаясь, всегда *возрождаетъ*. Любовь есть *возрожденіе.*

Любовь есть взаимное пожираніе, поглощеніе. Любовь—это всегда обмѣнъ,—души-тѣла. Поэтому, когда *нѣчему* обмѣниваться, любовь

погасаетъ. И она *всегда* погасаетъ по одной причинѣ: исчерпанности матерьяла для обмѣна, остановкѣ обмѣна, сытости взаимной, сходства-тожества когда-то *любившихъ* и *разныхъ*.

Зубцы (разница) перетираются, сглаживаются, не зацѣпляютъ другъ друга. И «валъ» останавливается, «работа» остановилась: потому что исчезла *машина*, какъ *стройность* и *гармонія* «противоположностей».

Эта любовь, естественно умершая, *никогда не возродится*...

Отсюда, раньше ея (полнаго) окончанія, вспыхиваютъ *измѣны*, какъ послѣдняя надежда любви: ничто такъ не *отдаляетъ* (творитъ *разницу*) любящихъ, какъ измѣна котораго-нибудь. Послѣдній еще *не стёршійся зубецъ*—наростаетъ, и съ нимъ зацѣпливается противолежащій зубчикъ. Движеніе опять возможно, ѐсть,—сколько-нибудь. Измѣна есть такимъ образомъ самоисцѣленіе любви, «починка» любви, «заплата» на

изношенное и ветхое. Очень не рѣдко «надреснутая» любовь разгорается отъ измѣны еще возможнымъ для нея пламенемъ, и образуетъ сносное счастье до конца жизни. Тогда какъ безъ «измѣны» любовники или семья равнодушно бы отпали, отвалились, развалились; *умерли окончательно.*

...право, русскіе напоминаютъ собою какихъ-то арабовъ, странствующихъ по своей землѣ...

И «при свѣтѣ звѣздъ поющихъ пѣсни» (литература). *Дѣло* все не въ русскихъ рукахъ.

Почтмейстеръ, заглядывавшій въ частныя письма («Ревизоръ»), былъ хорошаго литературнаго вкуса человѣкъ.

Разъ, лѣтъ 25 назадъ, я пошелъ случайно на чердакъ. Старый чеданъ. Поднялъ крышку,—и увидѣлъ, что онъ до краевъ набитъ (въ конвертахъ) старыми письмами. Сойдя внизъ, я спросилъ:

— Что это?

— Это мои (ко мнѣ) старыя письма, сказала женщина-врачъ, знаменитая дѣятельница 60-хъ годовъ.

Цѣлый чемоданъ!

Читая иногда письма прислугѣ, я бывалъ пораженъ красками народнаго говора, народной души,

народнаго міровоззрѣнія и быта И думалъ: — «Да это — литература, прекраснѣйшая литература».

Письма писателей вообще скучны, безцвѣтны. Они, какъ скупые, «цвѣточки» приберегаютъ для печати, и всѣ письма ихъ—полинявшія, тусклыя, безъ «говора». Ихъ бы напечатать не стоило. Но корреспонденція частныхъ людей истинно замѣчательна.

Каждый вѣкъ (въ частныхъ письмахъ) говоритъ своимъ языкомъ. Каждое сословіе. Каждый человѣкъ. Вмѣсто «ерунды въ повѣстяхъ» выбросить-бы изъ журналовъ эту новѣйшую беллетристику и вмѣсто ея...

Ну,—печатать *дѣло*: науку, разсужденія, философію.

Но иногда, а впрочемъ лучше въ отдѣльныхъ книгахъ, вотъ воспроизвести чемоданъ старыхъ писемъ. Цвѣтковъ и Гершензонъ многобы оттуда выудили. Да и «зачитался-бы *съ задумчивостью*» иной читатель, немногіе серьезные люди...

Пріятно стоять «выше морали» и на просьбы кредиторовъ—по-Наполеоновски размахнуться и гордо отвѣтить:—«Не плачу». Но окаянно, когда мнѣ не платятъ; а за «ближними» есть должишки. Перебиваюсь, жду. Не знаю, какъ выдти изъ положенія: въ мелочной задолжалъ. Не обращаться же къ приставу, хоть и подумываю.

(*философія Ницше*)

Да, я коваренъ, какъ Цезарь Борджіа: и про друзей своихъ чортъ знаетъ что́ говорю. Люблю эту черную измѣну, въ которой блестятъ глаза демоновъ. Но ужасно непріятно, что моя квартирная хозяйка распространяетъ по лѣстни-

цѣ сплетню, будто я живу съ горничной,—и дворники «такъ за панибрата» смотрятъ на меня, какъ будто я уже и не баринъ.

Я баринъ. И хочу, чтобы меня уважали какъ барина.

До «Ницшеанской свободы» можно дойти только «пройдя черезъ барина». А какъ же я «пройду черезъ барина», когда мнѣ долговъ не платятъ, по лѣстницѣ говорятъ гадости, и даже на улицѣ кто-то заѣхалъ въ рыло, т. е. попалъ мнѣ въ лицо, и, когда я хотѣлъ позвать городового, съ-пьяна закричалъ:

— Презрѣнный, ты не знаешь новой морали, по которой давать ближнему въ ухо не только не порочно, но даже добродѣтельно.

Я понимаю, что это *такъ*, если я даю. Но когда мнѣ даютъ?...

(*тоже философія*)

Рцы точно безъ рукъ и безъ ногъ. Только голова и животъ.

Смотритъ, думаетъ и кушаетъ.

Ему приходится «служить». Бѣдный. На службѣ въ контролѣ онъ мнѣ показалъ изъ-подъ полы великолѣпныя «пахитоски»:

— Изъ Испаніи. Отъ друга. Контрабанда.

Потомъ я такихъ нигдѣ не встрѣчалъ.

На обѣдѣ съ Шараповымъ и еще какимъ-то пароходчикомъ я услышалъ отъ него замѣчательное выраженіе: «вкусовая гамма» (что́ послѣ чего ѣсть).

Но сидя и не двигаясь, онъ все отлично обдумываетъ, и не ошибается въ разсчетѣ и планѣ. Онъ есть естественный и превосходный *директоръ-воспитатель*, съ 3-4 подручными «субъками», Лицея, Правовѣдѣнія, чего угодно. А онъ вынужденъ былъ «провѣрять отчетность» въ желѣзнодорожномъ департаментѣ. Поневолѣ онъ занимался пахитосками.

Отъ него я слышалъ замѣчательные выраженія. Весь настороженный и какъ-то ударя пальцемъ по воздуху, онъ проникновенно сказалъ разъ:

«*Тактъ* есть *умъ сердца*». Какъ это деликатно и тонко.

Еще:

«Да, онъ не можетъ читать лекцій. И вообще—ничего не можетъ. У насъ его и вообще такихъ гонятъ въ шею. Въ Оксфордѣ его оставляютъ. Онъ копается въ книгахъ. Онъ ищетъ, находитъ, ню-

хаетъ. *Онъ — призванный ученый*; ученый по вдохновенію, а не по диплому. И молодымъ людямъ изъ элементарной школы и почти-что съ улицы полезно видѣть около себя эту постоянную фигуру сгорбленнаго надъ книгами человѣка, которая ихъ учитъ больше, чѣмъ лекціи молодого, блестящаго говоруна».

Вѣдь это—канонъ для университетовъ, о которомъ не догадался ни одинъ изъ русскихъ министровъ просвѣщенія.

Есть *не современныя* слова. Къ нимъ относятся Новиковъ и Радищевъ. Они говорили правду и высокую человѣческую правду. Однако, еслибы эта «правда» расползлась въ десяткахъ и сотняхъ тысячъ листковъ, брошюръ, книжекъ, журналовъ по лицу русской земли,—доползла бы до Пензы, до Тамбова, Тулы, обняла бы Москву и Петербургъ, то̀ пензенцы и туляки, смоляне и псковичи не имѣли бы духа отразить Наполеона.

Вѣроятнѣе, они призвали-бы «способныхъ иностранцевъ» завоевать Россію, какъ собирался позвать ихъ Смердяковъ и какъ призывалъ ихъ къ этому идейно «Современникъ»; также и Карамзинъ не написалъ

бы своей «Исторіи». Вотъ почему Радищевъ и Новиковъ хотя говорили «правду», но—не нужную, *въ то время—не нужную*. И ихъ, собственно, устранили, а словамъ ихъ не дали удовлетворенія. Это—не противъ мысли ихъ, а противъ *распространенія* этой мысли. Вольно же было Гутенбергу изобрѣтать свою машинку. Съ тѣхъ поръ и началось «стѣсненіе свободы мысли», которая на самомъ дѣлѣ состоитъ въ «не хотимъ слушать».

Національность для каждой націи есть *рокъ* ея, *судьба* ея: можетъ быть даже и черная. Судьба въ ея *силѣ*.

«Отъ *Судьбы* не уйдешь»: и изъ «оковъ народа» тоже не уйдешь.

— Посидите, Ѳедоръ Эдуардовичъ.

— Нельзя. Меня Бызовъ ждетъ.

— Что́ такое «Бызовъ».

— Товарищъ. Изъ университета. Тоже вышелъ.

— Ну?

— Я пошелъ къ вамъ. Да зашелъ къ нему: «Пойдемте вмѣстѣ, а то мнѣ скучно». Онъ теперь ждетъ меня у воротъ.

И до сихъ поръ «Шперка» я не могу представить «*и*» безъ «Бызова». Шперкъ всегда «съ Бызовымъ». Что́ такое «Бызовъ» и какой онъ съ виду, я никогда не видалъ. Но знаю навѣрное, что не могъ-бы такъ привязаться къ Шперку, если

бы онъ не былъ «съ Бызовымъ» и вѣчно бы не таскалъ его съ собой.

Еще Шперкъ пріучился таскаться къ философу... забылъ фамилію. Онъ (подъ псевдонимомъ) издалъ умопомрачительную по величинѣ и должно быть по глубинѣ книгу —«Кристаллы человѣческаго духа». Радловъ и Введенскій конечно не читали ее. Забылъ фамилію. Ледневъ (псевдонимъ)... Онъ жилъ за Охтой, тамъ у него былъ свой домикъ, съ палисадникомъ, а самъ онъ былъ маклеромъ на биржѣ; маклеромъ-философомъ. У него была уже дочь замужняя, и вообще онъ былъ въ лѣтахъ.

Моя жена («другъ») и этотъ маклеръ были причиною перехода Шперка въ православіе. Шперкъ удивительно къ нему привязался; по-просту и по-благородному—«по собачьи». Маклеръ былъ для него самый мудрый человѣкъ въ Россіи,—«куда Введенскій и Радловъ». Онъ былъ дѣйствительно прекрасный русскій человѣкъ, во всѣхъ

книгахъ начитанный и постоянно размышляющій. Онъ упрекалъ Шперка, что тотъ выпускаетъ все брошюры, т. е. «расходуется на мелочи».

Наблюдать любовь къ нему Шперка было удивительно и трогательно.

Вспомнилъ фамилію философа — *Свѣчинъ*.

— Баринъ, какой вы жестокій.

— А что́, няня?..

— Да вы заснули.

«Боже! Боже! Заснулъ!!!»

А Шперкъ все тѣмъ же музыкальнымъ, вникающимъ въ душу голосомъ читалъ «Душа моя» (поэма его въ бѣлыхъ стихахъ).

— «Вы читайте, Ѳедоръ Эдуардовичъ, а я полежу», сказалъ я. И въ *чтеніи* его—все было понятно, какъ въ *разговорахъ* его — все понятно. Но когда *самъ его читаешь по печатному* — ничего не понимаешь.

Я всталъ. Онъ улыбнулся. Онъ никогда на меня не сердился, зная, что я никогда не захочу его обидѣть. И мы пошли пить чай.

(въ С.-Петербургѣ, на Павловской улицѣ)

Взгляните на растеніе. Ну тамъ «клѣточка къ клѣточкѣ», «протоплазма» и все такое. Понятно, раціонально и физіологично.

«Вполнѣ научно».

Но въ растеніи «какъ растетъ оно» есть еще художество. Въ грибѣ одно, въ березѣ другое: но и въ грибѣ художество, и въ березѣ художество.

Развѣ «ель на косогорѣ» не художественное произведеніе? Развѣ она не картина ранѣе, чѣмъ ее можно было взять на картину? Откуда вотъ это-то?!

Боже, откуда?

Боже,—отъ Тебя.

Язычество, спрессованное «до невозможности», до потери всѣхъ формъ, скульптуръ—это юдаизмъ. Потомъ спрессовываніе еще продолжилось: теперь только запахъ несется, матеріи нѣтъ, обращена въ «О»: это—христіанство. Такимъ образомъ можно разсматривать всѣ религіи, какъ «одно развитіе», безъ противорѣчій, противо - движеній, какъ постепенное сжиманіе матеріи до плотности «металла» и до «одинъ паръ несется».

Можно-ли?

Послѣ хиротоніи, облекшись въ «ризы нетлѣнія»,—онъ оглядится по сторонамъ и начинаетъ соображать доходы.

(*судьба русскаго архіерея*) (*не есть*)

Онъ былъ самоотверженный человѣкъ и не жилъ съ своей женой. Съ ней жили другіе. Сперва секретарь, потомъ сынъ друга (С), потомъ кто попало. Онъ плакалъ.

Разъ ѣдемъ на извощикѣ куда-то или откуда-то. Онъ и говоритъ:

— Чтобы жить хорошо, не надо имѣть денегъ.

— Какъ?

— Вы нуждаетесь?

— Да.

— Отлично. Мы беремъ векселъ, я и Рцы ставимъ свои бланки, вы идете въ банкъ и учитываете...

— Какъ «учитываете»?

— Такъ учитываете. Вамъ выда-

ютъ неполную сумму, а немного вычитая. Вексель остается въ банкѣ. Разумѣется, вы его выкупаете *сами*, когда деньги будутъ. Такъ что *сейчасъ* вовсе не надо имѣть деньги, а только быть увѣреннымъ, что *потомъ получите*, и на это «потомъ получите»—жить.

Отличное «*сейчасъ*»!

— Это какая-то сказка.

— Да! И потомъ—тоже «переписать» вексель, еще дальше на «будущее». Такъ я живу, и вотъ сколько лѣтъ, и не нуждаюсь.

(*море житейское*)

О мое «не хочется» разбивался всякій наскокъ.

Я почти лишенъ страстей. «Хочется» мнѣ очень рѣдко. Но мое «не хочется» есть истинная страсть.

Отъ этого я такъ мало замѣшанъ, «соучаствую» міру.

Точно откатился куда-то въ сторону и закатился въ канавку. И изъ нея смотрю—только съ любопытствомъ, но не съ «хочу».

(ночью въ постели)

То, чему я никогда-бы не повѣрилъ, и чему повѣрить невозможно,—*есть въ дѣйствительности:* что всѣ наши ошибки, грѣхи, злыя мысли, злыя отношенія, съ самаго притомъ дѣтства, въ юности и проч., имѣютъ себѣ *соотвѣтствіе* въ пожиломъ возрастѣ и особенно въ старости. Что жизнь, такимъ образомъ, (наша біографія) есть *организмъ*, а вовсе не «отдѣльные поступки».

Жизнь (біографія) *органична:* кто́бы могъ этому повѣрить?! Мы всегда считаемъ, что она «цѣпь отдѣльныхъ поступковъ», которую я «поверну куда́ хочу» (т. е. что такова жизнь).

Какъ я чувствовалъ родныхъ?

Никакъ. Отца не видалъ и поэтому совершенно и никакъ его не чувствую и никогда о немъ не думаю («вспоминать» естественно не могу о томъ, чего нѣтъ «въ памяти»). Но и маму я только «когда уже все кончилось» († †) почувствовалъ какимъ-то больнымъ чувствомъ, при жизни же ея не почувствовалъ и не любилъ; и мы дѣти до того были нелѣпы и ничего не понимали, что разъ хотѣли (обсуждали это, сидя «на бревнахъ», — былъ «срубъ» по сосѣдству) жаловаться на нее въ полицію. Только когда все кончилось и я сталъ приходить въ возрастъ, а главное—когда самъ почувствовалъ первыя боли (біографія), я «вызвалъ тѣнь ея изъ гроба» и страшно съ ней связался. Темненькая, маленькая, «изъ дворянскаго рода Шишкиныхъ» (очень гордилась) — всегда раздраженная, всегда печальная, какая-то измученная, ужасно измученная (я потомъ только догадался), въ сущности ужасно много рабо-

Нашъ домикъ въ Костромѣ, противъ Боровкова пруда, въ углу;
рядомъ съ воротами — домикъ портного, дѣвѣ дома Ясновскихъ и [illegible]

тавшая, и послѣдніе года два больная. Правда, она съ нами ни о чемъ не бесѣдовала и не играла: но *до этого-ли* ей было, во-первыхъ; а, во-вторыхъ, она физически видѣла нашу отъ нея отчужденность и почти вражду; и естественно «бросила разговаривать» съ «такими дураками». Только потомъ (изъ писемъ къ Колѣ) я увидѣлъ или лучше сказать узналъ, что она постоянно о насъ думала и заботилась, а только «не разговаривала съ дураками», потому что они «ничего не понимали». И мы конечно «ничего не понимали» со своей «полиціей». И потомъ эта память ея молитвы ночью (безъ огня), и толстый «акаѳистникъ» съ буро-желтыми пятнами (деревянное пролившееся масло), и какъ я ей читалъ (лѣтъ 7-ми 8-ми, даже 5-ти?) «Училище благочестія» и тамъ помню исторію «О Гуріѣ, Самонѣ (?) и Авивѣ». Мнѣ эти исторіи очень нравились, коротенькія и понятныя. И мамаша ихъ любила.

Но на нашъ «не мирный домъ» какъ-бы хорошо повѣяла зажженная лампадка. Но ее не было (денегъ не было ни на масло, ни на самую лампадку).

И весь домъ былъ какой-то—у!-у!-у!—темный и злой. И мы всѣ были несчастны. Но что «были несчастны»—я понялъ потомъ. Тогда-же хотѣлось только «на всѣхъ сердиться».

(за нумизматикой)

До встрѣчи съ домомъ «бабушки» (откуда взялъ вторую жену) я вообще не видѣлъ въ жизни гармонiи, благообразiя, доброты. Міръ для меня былъ не Космосъ (κοσμεω — *украшаю*), а Безобразiе, и, въ отчаянныя минуты, просто Дыра. Мнѣ совершенно было непонятно, зачѣмъ всѣ живутъ и зачѣмъ я живу, что̀ такое и зачѣмъ вообще жизнь?—такая проклятая, тупая и совершенно никому не нужная. Думать, думать и думать (философствовать, «О пониманiи»)—этого всегда хотѣлось, это «летѣло»: но что̀ творится, въ области дѣйствiя или вообще «жизни»,—хаосъ, мученiе и проклятiе.

И вдругъ я встрѣтилъ этотъ домикъ въ 4 окошечка, подлѣ Вве-

ленія (церковь, Елець), гдѣ было все *благородно*.

Въ первый разъ въ жизни я увидалъ *благородныхъ людей* и *благородную жизнь*.

И жизнь очень бѣдна, и люди очень бѣдны. Но никакой тоски, черни, даже жалобъ не было. Было что-то «благословенное» въ самомъ домѣ, въ деревянныхъ его стѣнахъ, въ окошечкѣ въ сѣняхъ на «За-Сосну» (часть города). Въ глупой толстой Марьѣ (прислугѣ), которую терпѣли, хотя она глупа,— и никто не обижалъ.

И никто вообще никого не обижалъ въ этомъ благословенномъ домѣ. Тутъ не было совсѣмъ «сердитости», безъ которой я не помню ни одного русскаго дома. Тутъ тоже не было никакого завидованія, «почему другой живетъ лучше», «почему онъ счастливѣе насъ»,— какъ это опять таки рѣшительно во всякомъ русскомъ домѣ.

Я былъ удивленъ. Моя «новая философія», уже не «пониманія», а

«жизни»—началась съ великаго удивленія...

«Какъ могутъ быть синтетическія сужденія a-priori»: съ вопроса этого началась философія Канта. Моя же новая «философія» жизни началась не съ вопроса, а скорѣе съ зрѣнія и удивленія: какъ можетъ быть жизнь благородна и въ зависимости *отъ одного этого*—счастлива; какъ люди могутъ во всемъ нуждаться, «въ судакѣ къ обѣду», «въ дровахъ къ 1-му числу»: и жить благородно и счастливо, жить съ тяжелыми, грустными, безъ конца грустными воспоминаніями: и быть счастливыми потому одному, что они ни противъ кого не грѣшатъ (не завидуютъ) и ни противъ кого не виновны.

Ни внучка 7-ми лѣтъ, «Санюша», ни молодая женщина 27 лѣтъ, ея мать, ни матъ ея—бабушка, лѣтъ 55.

И я все полюбилъ. Усталъ писать. Но съ этого и началась моя новая жизнь.

(*за нумизматикой*)

Можетъ быть, даже и нѣтъ *идеи* безсмертія души, но есть *чувство безсмертія* души, и проистекаетъ оно *изъ любви*. Я отъ того отвергалъ или «не интересовался» безсмертіемъ души, что мало любилъ свою мамочку; жалѣлъ ее—но это другое, чѣмъ любовь, или не совсѣмъ то... Если бы я ее *сильнее*, горячѣе любилъ, если бы мнѣ больнѣе и страшнѣе было, что «ея нѣтъ»: то вотъ и «безсмертіе души», «вѣчная жизнь», «загробное существованіе». Но можетъ быть это «гипотеза любви»? Какая-же «гипотеза», когда я «ѣмъ хлѣбъ» и умру безъ «ѣмъ». Это — просто «ѣда», какъ «обращеніе земли около солнца» и проч. космическое. Такъ изъ ве-

ликой *космологической* тоски (ибо тоска-то эта *космологическая*) при разлукѣ въ смерти — получается, что «за гробомъ встрѣтимся». Это какъ «вода течетъ», «огонь жжетъ» и «хлѣбъ сититъ»:—такъ «душа *не умираетъ*» въ смерти тѣла, а лишь раздирается съ тѣломъ и отдѣляется отъ тѣла. Почему это *должно быть* такъ—нельзя доказать, а видимъ просто всѣ, и знаемъ всѣ, что — *есть*. Къ числу этихъ вѣчныхъ «есть», на которыхъ міръ держится, принадлежитъ и вѣчность «я», моего «горя», моей «радости». Идея эта,— или вѣрнѣе связывающее насъ всѣхъ живущихъ чувство, до того благородна, возвышенна, нѣжна, что что́-же такое передъ нею «Госуд. Дума» или «Ленская забастовка» или лошадиное «предлагаю всѣмъ встать» (при извѣстіи о смерти) ...А между тѣмъ эту идею и это чувство отвергаетъ нашъ міръ. Не хочетъ и не знаетъ ея, смѣется надъ нею. Не значитъ-ли это, что «нашъ міръ» (и его понятія) есть что-то

до такой степени преходящее и зыбкое, до такой степени никому не нужное, — не нужное *слѣдующему-все за нами поколѣнію*, — что даже страшно подумать. Турнюры.

— Носили женщины турнюры.

— А? Что?

— Турнюры, говорю.

— Ну, такъ что-же? Больше не видимъ.

— Въ томъ и дѣло, что «не видимъ». Такъ вотъ «не увидимъ» завтра всего «нашего времени», съ парламентами, Дарвиномъ и забастовками. И можетъ по такой малости, что вотъ ему (наш. времени) не нужно было «безсмертія души».

Нѣжная-то идея и переживетъ желѣзныя идеи. Порвутся рельсы. Поломаются машины. А что человѣку «плачется» при одной угрозѣ «вѣчною разлукою» — это никогда не порвется, не истощится.

Вѣрьте, люди, въ нѣжныя идеи. Бросьте желѣзо: оно — паутина.

Истинное желѣзо—слезы, вздохи и тоска. Истинное, что́ никогда не разрушится—одно *благородное.*

Имъ и живите.

(21 апрѣля)

Что́-то такое *противное* есть въ моемъ слогѣ. Съ *противнымъ* — все не вѣчно. Значитъ, я времененъ?

Противное это въ какомъ-то самодовольствѣ. Даже иногда въ самоупоеніи. Точно у меня масляное брюхо, и я самъ его намаслилъ. Правда, отъ этого я точно *лечу*,— и это, конечно, качество. Но въ полетѣ нѣтъ праведнаго тихаго шествованія. Которое лучше.

Мой идеалъ—тихое, благородное, чистое. Какъ я далекъ отъ него.

Когда такъ сознаешь себя, думаешь: какъ-же *трудна литература!* По-истинѣ, тотъ только «писатель», кто чистъ душою и прожилъ чистую жизнь. Сдѣлаться писателемъ — совершенно невозможно.

Нужно родиться и «удалась бы біографія».

Чистый — вотъ Пушкинъ. Какъ устарѣла (черезъ 17 лѣтъ) моя статья изъ «Русск. Вѣстн.» (вырѣзанная,— цензура), которою всѣ восхищались. Она смѣшна, уродлива, напыжена. Я бы не издавалъ ее, еслибы предварительно перечиталъ; а «уже сдалъ въ наборъ»,—то̀ пошла. Въ «Капитанской дочкѣ» ни одна строка не устарѣла: а ей 80 лѣтъ!!

Въ чемъ-же тутъ тайна? Въ необыкновенной полнотѣ Пушкинскаго духа. У меня духъ вовсе не полный.

Какой я весь судорожный и—жалкій. Какой-то весь растрепанный:

Послѣдняя туча разорванной бури...

И *самъ* себя растрепалъ, и «укатали *горки*».

Когда это сознаешь (т. е. ничтожество), какъ чувствуешь себя несчастнымъ.

Вообще полезно заглядывать въ прежнія сочиненія (я—никогда).

Вдругъ узнаешь мѣру себѣ. «Сейчасъ—все упоительно», и можетъ быть это уже fatum. Но прошли годы, обернулся, и скажешь: «ложь! ложь!»

Грустно и страшно.

(за корректурою книги «Омонархіи»,—вирьзанной въ 1896 г. изъ «Русск. Вѣстн.»)

Вотъ когда почувствуешь свое безсиліе въ литературѣ, вдругъ начинаешь уважать литературу: «какъ это *трудно! я не могу!*» Гдѣ «*я не могу*»—удивленіе и затѣмъ восхищеніе (что другой могъ).

У меня это рѣдкій гость, рѣдчайшій.

Есть вѣдь и маленькіе писатели, но совершенно *чистые*.

Какъ они счастливы!

Настоящей серьезности человѣкъ достигаетъ только когда умираетъ.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Неужели-же вся жизнь легкомысліе?

Вся.

Памятники не удаются у русскихъ (Гоголю, и т. д.), потому-что единственный нормальный памятникъ—*часовня*, и въ ней неугасимая лампада «по рабѣ Божіемъ Николаѣ» (Гог.).

Милая Надежда Роман. (Щерб.) незадолго до кончины говорила мужу: «поставь мнѣ только деревянный крестъ». Т. е. даже не каменный. Между тѣмъ она своей мамѣ сшила зимнее пальто на бѣлой шелковой подкладкѣ. Та была больная, — душевно (нѣсколько), отъ семейнаго несчастія,—и у нея была такая придурь: театръ, красивая одежда; жила-же въ бѣдности. Деньги на пальто дочь собрала изъ уроковъ рисованія.

Вотъ ей нѣсколько словъ, оброненныхъ на ходу, стоятъ всѣхъ нашихъ «сочиненій» по религіи.

Какая она вся была милая. Она знала мое «направленіе» (отрицательное) и никогда меня не осудила.

(Между прочимъ она любила очень и античное искусство. Мужа возила «по заграницамъ»).

А знаете-ли вы, что урожденная она—Миллеръ (отецъ ея—въ Учетномъ банкѣ завѣдовалъ какимъ-то отдѣломъ). Сестра ея совсѣмъ пошла въ монахини.

А мы, русскіе, бросаемъ вѣру и монастыри.

Да, этотъ странный *занавѣсъ*, замыкавшій одно отдѣленіе отъ сосѣдняго,—не стѣна, не рѣшетка,—занавѣсъ *цвѣтной* и *парядный*, наконецъ — *со складками*, какъ-бы *со сборками*,—и куда такъ страшно запрещено было входить, куда единожды въ годъ входившій не вносилъ свѣта, не могъ имѣть при себѣ свѣчи или факела, что̀ было-бы такъ естественно, чтобы не наткнуться и чтобы сдѣлать тамъ что̀ нужно,—онъ въ высшей степени напоминаетъ просто сборчатую цвѣтную юбку, подолъ, «кра̀я котораго» конечно «никто не поднимаетъ»?

Отвѣчаетъ-ли этому остальное расположеніе всего и предметы, тамъ поставленные?

(*скинія Моисея*)

Нужно, чтобы о комъ-нибудь болѣло сердце. Какъ это ни странно, а безъ этого пуста жизнь.

(въ ват...)

Отъ-роду я никогда не любилъ читать Евангелія. Не влекло. Читалъ—учась и потомъ — но ничего особеннаго не находилъ. Чудеса (все «побѣды» надъ природой) меня не поражали и даже не занимали. Слова, рѣчи — я ихъ не находилъ необыкновенными, кромѣ какой-то загадки лица, будущихъ знаній (разрушеніе храма и Іерусалима) и чего-то вѣщаго. Напротивъ, Ветхимъ Завѣтомъ я не могъ насытиться: все тамъ мнѣ казалось *правдой* и какимъ-то необыкновенно *тёплымъ*, точно внутри словъ и строкъ *струится кровь*, при томъ родная! Разсказъ о вдовѣ изъ Сарепты Сидонской мнѣ казался «болѣе христіанскимъ, чѣмъ все христіанство».

Тутъ была какая-то врожденная непредрасположенность: и не невозможно, что она образовалась отъ ранней моей расположенности къ рожденію. Есть какая-то несовмѣщаемость между христіанствомъ и «разверзтыми ложеснами» (Достоев.).

(однако пѣвчихъ за обѣдней съ «Благословенъ, Грядый во-имя Господне» — я никогда не могъ слушать безъ слезъ. Но это мнѣ казалось зовомъ, къ чему-то другому относящимся. Къ **Будущему** *и вмѣстѣ къ* **Прежде Покинутому)**

Что́ это было у меня въ юности (послѣ 26 лѣтъ), предчувствіе или желаніе: что я хожу за больной. Полумракъ, и я хожу между ея кроватью и письменнымъ столомъ. И непремѣнно—вечеръ.

Такъ и вышло.

Сравнивалъ портретъ Д. С. Милля съ Погодинымъ. Какое богатство лица у второго, и бѣдность лица у перваго.

Всетаки русская литература какъ-то несравненно колоритна. Какіе характеры, какое чудачество. Какая милая чепуха. Не вернусь-ли я когда-нибудь къ любви литературы? Пока ненавижу.

(за уборкой фотогр. карточекъ, студентомъ накупленныхъ)

«Чистосердечный кабакъ» остается все-таки кабакомъ. Не спорю—онъ не язвителенъ; не спорю, въ немъ есть что-то привлекательное, «прощаемое». Однако вѣдь дѣло-то въ томъ, что онъ все-таки кабакъ. Поэтому русская ссылка, что у насъ «все такъ откровенно», нисколько не свидѣтельствуетъ о золотыхъ розсыпяхъ нашего духа и жизни. Ну-ка сложимъ: praesens кабакъ, perfectum кабакъ, futurum кабакъ: получимъ все-таки одинъ кабакъ, въ которомъ задохнешься.

(при размышленіи о Ц—вѣ, сказавшемъ, что наше духовенство каково есть, таковымъ и показываетъ себя,—что̀ меня поразило и привлекло)

17*

Чему и собственно враждебенъ въ литературѣ?

Тому-же, чему враждебенъ въ человѣкѣ: самодовольству.

Самодовольный Герценъ мнѣ въ той-же мѣрѣ противенъ, какъ полковникъ Скалозубъ. Счастливый успѣхами—въ литературѣ, въ женитьбѣ, въ службѣ—Грибоѣдовъ, въ моемъ вкусѣ, опять тотъ же полковникъ Скалозубъ. Скалозубъ намъ непріятенъ не тѣмъ, что онъ былъ военный (имъ былъ Рылѣевъ), а тѣмъ, что «счастливъ въ себѣ». Но этимъ главнымъ въ себѣ онъ сливается съ Грибоѣдовымъ и Герценомъ.

(*идя къ доктору*)

Кажется, что *существо* литературы есть ложное; не то чтобы «теперь» и «эти литераторы» дурны: но *вся эта область* дурна, и притомъ по существу своему, отъ «зерна, изъ котораго выросла».

— Дай-ка *я напишу*, а *всѣ прочтутъ*?...

Почему «я» и почему «имъ читать»? Въ составъ входитъ — «*я умнѣе* другихъ», «*другіе меньше* меня»,—и уже это есть грѣхъ.

Совершенно не замѣтили, что есть новаго въ «У.». Сравнивали съ «Испов.» Р., тогда какъ я прежде всего не исповѣдуюсь.

Новое—*тотъ*, опять—манускриптовъ, «до Гутенберга», для себя. Вѣдь въ среднихъ вѣкахъ не писали для публики, потому что прежде всего не издавали. И средневѣковая литература, во многихъ отношеніяхъ, была прекрасна, сильна, трогательна и глубоко плодоносна въ своей невидности. Новая литература до извѣстной степени погибла въ своей излишней видности; и послѣ изобрѣтенія книгопечатанія вообще никто не умѣлъ и не былъ въ силахъ преодолѣть Гутенберга.

Моя почти таинственная дѣйствительная уединенность смогла это. Страховъ мнѣ говорилъ: «представляйте всегда *читателя*, и пишите, чтобы ему было совершенно *ясно*». Но сколько я ни усиливался представлять читателя, никогда не могъ его вообразить. Ни одно читательское лицо мнѣ не воображалось, ни одинъ оцѣнивающій умъ не вырисовывался. И я всегда писалъ *одинъ*, въ сущности—для себя. Даже когда плутовски писалъ, то точно кидалъ въ пропасть «и тамъ поднимется хохотъ», гдѣ-то далеко подъ землей, а вокругъ все-таки никого нѣтъ. «Передовыя» я любилъ писать въ пріемной нашей газеты: посѣтители, переговоры съ ними членовъ редакціи, ходня, шумъ — и я «По поводу послѣдней рѣчи въ Г. Думѣ». Иногда—въ общей залѣ. И разъ сказалъ сотрудникамъ: «Господа, тише, я пишу черносотенную статью» (шашки, говоръ, смѣхъ). Смѣхъ еще усилился. И было также глухо, какъ *до*.

Поразительно впечатлѣніе *уже напечатаннаго*:—«Не мое». Поэтому никогда меня не могла унизить брань напечатаннаго, и я иногда смѣясь говорилъ: «Этотъ дур. Р—въ всегда вретъ». Но разъ Афонька и Шперкъ, придя ко мнѣ, попросили прочесть уже изготовленное. Я заволновался, испугался, что станутъ настаивать. И радъ былъ, что подали самоваръ и позвали чай пить (все добрая В.). Разъ въ редакціи «Міръ Искусства» — Мережковскій, Философовъ, Дягилевъ, Протек., Нувель... Мережковскій сказалъ: «Вотъ, прочтемъ *Замѣтку о Пушкинѣ* В. В—ча» (въ корректурѣ верстаемаго номера). Я опять испугался, точно въ смятеніи, и упросилъ не читать этого. Когда въ Рел.-ф. обществѣ читали мои доклады (по рукописи и *при слушателяхъ передъ глазами*),—я бывалъ до того подавленъ, раздавленъ, что ничего не слышалъ (отъ стыда).

Въ противность этому смятенію передъ рукописью (*чтеніемъ* ея),

къ печатному я былъ совершенно равнодушенъ, что-бы тамъ ни было сказано, хорошо, дурно, позорно, смѣшно; сколько бы ни ругали, впечатлѣніе—«точно это *не меня вовсе, а другого ругаютъ*».

Такимъ образомъ, «рукописность» души, врожденная и неодолимая, отнюдь не своевольная и не пріобрѣтенная, и дала мнѣ *тотъ* «У.», я думаю, совершенно новый за всѣ вѣка книгопечатанія. Можно разсказать о себѣ очень позорныя вещи—и все-таки разсказанное будетъ «печатнымъ»; можно о себѣ выдумать «ужасы»—а будетъ все-таки «литература». Предстояло устранить это опубликованіе. И я, который наименѣе опубликовывался уже въ печати, сдѣлалъ еще шагъ внутрь, спустился еще на ступень внизъ противъ своей обычной «печати» (халатъ, штаны)—и очутился «какъ въ банѣ нагишомъ», что̀ мнѣ не было вовсе трудно. Только мнѣ и одному мнѣ. Больше этого вообще не сможетъ никто, если не появится

такой-нсе. Но я думаю, не появится, потому что люди вообще индивидуальны (единичные въ лицѣ и «почеркахъ»).

Тутъ не качество, не сила и не талантъ, a sui generis generatio.

Тутъ, въ концѣ-концовъ, та тайна (граничащая съ безумiемъ), что я самъ съ собой говорю: настолько постоянно и внимательно и *страстно*, что вообще кромѣ этого ничего не слышу. «Вихрь вокругъ», *дышитъ* изъ меня и около меня,—и ничего не видно, никто не видитъ меня, «мы съ мiромъ не знакомы». Въ самомъ дѣлѣ, дымящаяся головешка (часто въ дѣтствѣ вытаскивалъ изъ печи)—похожа на меня: ея совсѣмъ не видно, не видно щипцовъ, которыми ее держишь.

И Господь держитъ меня щипцами. «Господь надымилъ мною въ мірѣ».

Можетъ быть.

(ночь)

Не выходите, дѣвушки, замужъ ни за писателей, ни за ученыхъ.

И писательство, и ученость—эгоизмъ.

И вы не получите «друга», хотя-бы онъ и звалъ себя другомъ.

Выходите за обыкновеннаго человѣка, чиновника, конторщика, купца, лучше-бы всего за ремесленника. Нѣтъ ничего святѣе ремесла.

И такой будетъ вамъ другомъ.

Каждый въ жизни переживаетъ свою «Страстную Недѣлю». Это—вѣрно.

(изъ письма Волжскаго)

Рождаемость не есть-ли тóже *выговариваемость* себя міру...

Молчаливые люди и не литературные народы и не имѣютъ другихъ словъ къ міру, какъ черезъ дѣтей.

Поднявъ новорожденнаго на руки, молодая мать можетъ сказать: «вотъ мой пророческій глаголъ».

На мнѣ и грязь хороша, п. ч. это—*я*.

(пукъ злобныхъ рецензій на «Уед.»)

Мамаша всегда брала меня «за пенсіей»... Это было 2 раза въ годъ и было единственными разами, когда она садилась на извозчика. Нельзя передать моего восторга. Сѣвъ раньше ея на пролетку, едва она усядется, я, подскакивая на сидѣньи, говорилъ:

— Ѣдь, ѣдь, извозчикъ!

«— Поѣзжай», скажетъ мамаша.

И только тогда извозчикъ тронется.

Это были счастливые дни, когда все выкупалось отъ закладчиковъ, и мы покупали («въ будущее») голову сахару. Пенсія было 150 р. (въ годъ 300 р.). Но какая неосторожность или точнѣе небрежность:

получай-бы мы ежемѣсячно 25 р., то, при своемъ домикѣ и коровѣ, могли-бы существовать. Между тѣмъ доходило иногда до того, что мы питались однимъ печенымъ лукомъ (своей огородъ) съ хлѣбомъ. Обычно 150 р. «куда-то проплывутъ», и мѣсяца черезъ 3—4 сидимъ безъ ничего.

Какъ сейчасъ помню случай: въ домѣ была копѣйка, и вотъ «всѣ наши» говорятъ: «поди, Вася, купи хлѣба 1/2 фунта». Мнѣ ужасно было стыдно ходить съ копѣйкой, — и я молчалъ и не шелъ—и наконецъ пошелъ. Вошелъ и сказалъ равнодушно мальчишкѣ (лѣтъ 17) лавочнику:— «Хлѣба на копѣйку». Онъ кажется ничего не сказалъ (могъ-бы посмѣяться) и я былъ такъ радъ.

Другая мамаша (Ал. Адр. Руднева) по пенсіи дьяконицы получала кажется 60 руб. въ годъ, по четвертямъ года, но я помню, — хотя это было незамѣтно отъ меня,—съ какимъ облегченіемъ она всегда

шла за него. Бюджетъ ихъ держался недѣльно въ предѣлахъ 3—5—8 рублей: и это была такая помощь!

Мнѣ кажется въ старыхъ пенсіяхъ, этихъ крошечныхъ, было больше смысла, чѣмъ въ теперешнихъ обычно «усиленныхъ», которыя больше нормальныхъ въ 5 приблизительно разъ. Человѣкъ въ сущности долженъ вѣчно *работать*, вѣчно быть «полезнымъ другимъ» до гроба: и пенсія нисколко не должна давать имъ полнаго обезпеченія, не быть на «недѣланіе». Пенсія—не «рента», на которую-бы «безпечально жить», а—*помощь*.

Но за то эти маленькія пенсіи, вотъ по 120 р. въ годъ, должны быть обильно разсыпаны. 120 р. въ годъ, или еще 300 въ годъ—это 3.000 — на 10, 30.000 — на 100, 300.000 — на 1.000, 3.000.000 — на 10.000, 30.000.000 — на 100.000. «По займамъ» Россія платитъ что-то около 300 милліоновъ; и если-бы $^1/_{10}$ этихъ уплатъ выдавалась въ пенсію, то въ Россіи поддержива-

лось-бы около ½ милліона можетъ быть *прекраснѣйшихъ существованій!*

Я-бы, въ память чуднаго разсказа Библіи, основалъ изъ нихъ «Фондъ вдовы Сарепты Сидонской». И поручилъ-бы указывать лица для нихъ, т. е. пенсіонеровъ, ½ — священникамъ, ½ — врачамъ.

Перипетіи отношеній моихъ къ М.—цѣлая «исторія», притомъ совершенно мнѣ непонятная. Почему-то (совершенно непонятно, *почему*) онъ меня постоянно любилъ, и когда я дѣлалъ «невозможнѣйшія» свинства противъ него въ печати, до послѣдней степени *оскорбляющія* (были причины),—которыя всякаго-бы измучили, озлобили, возстановили, которыхъ *я никому-бы не простилъ отъ себя*, онъ продолжалъ удивительнымъ образомъ любить меня. Разъ пришелъ въ Р. Ф. собр. и сѣлъ (спиной къ публикѣ) за столъ (по должности члена). Всѣ уже собрались. «Вчера» была статья противъ него и конечно ее всѣ прочли. Вдругъ входитъ М.

съ своей «Зиной». Я низко наклонился надъ бумагой: крайне неловко. Думалъ: «сдѣлаемъ видъ, что не замѣчаемъ другъ друга». Вдругъ онъ садится по лѣвую отъ меня руку, и спокойно, скромно, но и громко, здоровается со мной, протягивая руку. И тутъ-же, въ какихъ-то перипетіяхъ словопреній, говоритъ не афишированныя, а простыя,—и въ высшей степени *положительныя*,—*слова обо мнѣ*. Я ушамъ не вѣрилъ. Тоже было съ Блокомъ: послѣ оскорбительной статьи о немъ,—онъ издали поклонился, потомъ подошелъ и протянулъ руку. Что это такое—совершенно для меня непостижимо. М. всегда Варю любилъ,—уважалъ, и былъ *внутренно*, *духовно* къ ней внимателенъ (я чувствовалъ это). Я же всѣмъ имъ ужасныя «свинства» устраивалъ (минутныя раздраженія, которымъ я всегда подчиняюсь). Потому хотя потомъ М. и Ф. пошли въ «Рус. Сл.» и потребовали: «мы *или* онъ (Варваринъ) участвуемъ

въ газетѣ», т. е. потребовали моего исключенія—къ счастью, это мнѣ не повредило, потому что финансово я уже укрѣпился (35.000) — нужно понять это какъ «выдержанность стиля» (с. д. и «общественность»), къ которой не было присоединено души. Рѣдко въ жизни встрѣтишь любовь и *дѣйствительную связанность:* и имя его, и духъ, и судьба—да будутъ благословенны; и дай Б. здоровья (всего больше этого ему нужно) его «З».

11 іюля 1912.

(*Мер. и Фил.*).

Что это, неужели я буду «читаемъ» (успѣхъ «Уед.»)?

То только, что «*со мной*» будутъ читаемы, останутся въ памяти и получатъ какой-то тамъ «успѣхъ» (можетъ быть ненужный) Страховъ, Леонтьевъ, Говоруха-бы Отрокъ (не изданъ); можетъ быть Фл. и Рцы.

Для «самого»—не надо, и м. быть не слѣдуетъ.

11 іюня 1912 г.

Что̀ однако для *себя* я хотѣлъ бы во вліяніи?

Психологичности. Вотъ этой ввинченности мысли въ душу человѣческую,—и разсыпчатости, разрыхленности ихъ собственной души (т. е. у читателя). На «образъ мыслей» я ни-сколько не хотѣлъ бы вліять; «на убѣжденія»—даже «и не подумаю». Тутъ мое глубокое «все равно». Я самъ «убѣжденія» мѣнялъ, какъ перчатки, и гораздо больше интересовался калошами (крѣпки-ли), чѣмъ убѣжденіями (своими и чужими).

11 іюня 1912 г.

Будетъ-ли хорошо, если я получу вліяніе. Думаю—*да*. Неужели это иллюзія, что «понимавшіе меня люди» казались мнѣ наилучшими и наиболѣе интересными. Я отчетливо знаю, что это не отъ самолюбія. Я клалъ свое «да» на этихъ людей. любовь свою, видя, что они проникновеннѣе чувствуютъ душу человѣческую, міръ, коровъ, звѣзды, *все* (разсказы Цв—а о мучащихся птицахъ и больныхъ собакахъ, о священникѣ въ Сибири и о проказѣ. — умеръ, и съ попадьей, ухаживая). Вотъ такой человѣкъ «братъ мнѣ», «лучшій, чѣмъ я». Между тѣмь какъ Струве сколько ни долдонилъ мнѣ о «партіяхъ» и что «безъ партійности нѣтъ по-

литики», я былъ какъ кирпичъ и онъ былъ для меня кирпичъ. Так. обр. «мое вліяніе» было бы въ расширеніи души человѣческой, въ томъ, что «дышетъ *всѣмъ*» душа, что она «вбираетъ *въ себя все*». Что душа была бы нѣжнѣе, чтобы у нея было больше ухо, больше ноздри. Я хочу, чтобы люди «всѣ цвѣты нюхали»...

И—больше въ сущности ничего не хочу:

И царства ею сокрушатся,
И всѣмъ мірамъ она грозитъ

(о смерти). Если — *такъ*, то что́ остается человѣку, что́ остается бѣдному человѣку, какъ не нюхать цвѣты въ полѣ.

Понюхалъ. Умеръ. И—могила.

11 іюля 1912

Конечно, я цѣнилъ умъ (безъ него скучно): но ни на какую степень его не *любовался.*

Съ умомъ—интересно; это—само собою. Но почему-то не привлекаетъ и не восхищаетъ (совсѣмъ другая категорія).

Чѣмъ-же насъ тянетъ Б . . .? Явно—неумомъ, не «премудростью». Чѣмъ-же?

Любованье мое всегда было на *душу.* Вотъ тутъ я смотрѣлъ и «забывался» (какъ при музыкѣ)... Душа — обворожительна (совсѣмъ другая категорія). Тогда не тянетъ ли Б. міра «обворожительностью»? Во всякомъ случаѣ онъ тянетъ душою, а не мудростью. Б.—*душа міра*, а—не *міровой разумъ* (совсѣмъ разница).

11 іюля 1912

Сколько праздношатающихся интеллигентовъ «болты болтаютъ»: а въ аптекарскихъ магазинахъ (по 2 на каждой улицѣ) засѣли прозорливые евреи, и ни одинъ русскій не пущенъ даже въ приказчики. Сегодня я раскричался въ одномъ такомъ: «все взяли вы, евреи, въ свои руки». Молоденькая еврейка у кассы мнѣ отвѣтила: «пусть-же русскіе входятъ съ нами въ компанію».

— Вѣдь 100% даетъ эта торговля!—сказалъ я, со словъ одного русскаго «съ садоводствомъ» (видѣлъ въ банѣ).

— Нѣтъ, только 50 процентовъ.

Пятьдесятъ процентовъ барыша!!

Русскій лѣнивецъ нюхаетъ воздухъ, не пахнетъ ли гдѣ «оппозиціей». И, найдя таковую, немедленно пристаетъ къ ней и тогда уже окончательно успокаивается, найдя оправданіе себѣ въ мірѣ, найдя смыслъ свой, найдя въ сущности себѣ «Царство Небесное». Какъ-же въ Россіи не быть оппозиціи, если она такимъ образомъ всѣхъ успокаиваетъ и разрѣшаетъ тысячи и милліоны личныхъ проблемъ.

«Такъ» было бы неловко существовать; но «такъ» *съ оппозиціей*— есть житейское comme il faut.

Пришелъ вонючій «разночинецъ». Пришелъ со своею ненавистью, пришелъ со своею завистью, пришелъ со своею грязью. И грязь, и зависть, и ненависть имѣли однако свою силу, и это окружило его ореоломъ «мрачнаго демона отрицанія»; но подъ демономъ скрывался просто лакей. Онъ былъ не черенъ, а грязенъ. И разрушилъ дворянскую культуру отъ Державина до Пушкина. Культуру и литературу...

(*«разночинцы» въ литературѣ и упоеніе ими разночинца—Михайловскаго*).

Какъ могъ я говорить («Уед.») о своемъ величіи, о своей значительности около больного?

Какъ хватило духу, какъ смѣлъ. Какое легкомысліе.

Нравились ли мнѣ женщины какъ *тьла*, тѣломъ?

Ну, кромѣ мистики... *in concreto*? Вотъ «та» и «эта» около плеча?

Да, именно—«около плеча», но и только. Всегда хотѣлось пощипать (никогда не щипалъ). Съ дѣтства. Всегда любовался, щеки, шея. Болѣе всего грудь.

Но отвернувшись, даже минуты не помнилъ.

Помнилъ всегда духъ и въ немъ страданіе (это *годы* помнилъ о *минутно* видѣнномъ).

Хищное («хищная женщина») меня даже не занимало. Въ самомъ тѣлѣ

я любилъ доброту его. Пожалуй—добротность его.

Волновали и притягивали, скорѣе-же очаровывали—груди и беременный животъ. Я постоянно хотѣлъ видѣть весь міръ беременнымъ.

Мнѣ кажется, женщины «около плеча» это чувствовали. Былъ Сологубовскій вечеръ, съ плясавицами («12 привидѣній»?). Народу тьма. Я сидѣлъ ряду въ 16-мъ и, воспользовавшись, что кто-то не сидѣлъ ряду въ 3-мъ, къ послѣднему дѣйствію перешелъ туда. Рядомъ дама лѣтъ 45. Такъ-какъ все состояло вовсе не изъ «привидѣній», а изъ открытыхъ «до-сюда» актрисъ, то я въ антрактѣ сказалъ полу-сосѣдкѣ, а отчасти «въ воздухъ»:

— Да, надъ всѣмъ этимъ смѣются и около всего этого играютъ. А между тѣмъ *какъ все это важно для здоровья!* То есть чтобы все это

жило,—отнюдь не запиралось, не отрицалось, — и чтобы все около этого совершилось во́-время, естественно и хорошо.

Сосѣдка подняла замѣчаніе и сказала серьезно:

— О, да!

— Какъ расцвѣтаютъ молодыя матери! Какъ вырабатывается ихъ характеръ, душа! Замужество—какъ второе *рожденіе*, какъ *поправка къ* первому *рожденію! Гдѣ* недодѣлали родители, додѣлываетъ мужъ. Онъ *довершаетъ* дѣвушку, и просто — тѣмъ, что онъ—мужъ.

— О, да! да! да! — вдохновенно сказала она, и я услышалъ въ голосѣ что-то личное.

Помолчавъ, она:

— У меня дочь замужемъ...

— И есть ребенокъ?..

— Да. Нѣсколько мѣсяцевъ. Но уже до ро́довъ, только ставъ женою, она вся расцвѣла. Была худенькая и блѣдная, все на что-нибудь жаловалась. Постоянно недомогала. За-

мужество какъ рукой сняло все это. Она посвѣжѣла, расцвѣла.

— Вы говорите, ребенокъ? И сама кормитъ?

— О, да! да! да! Сама кормитъ.

Что-же я ей былъ? «Сосѣдъ справа» въ 3-мъ ряду креселъ, тѣ вообще чопорные. Но интересъ къ «животу» моментально снимаетъ между людей перегородки, разстоянія, дѣлаетъ «знакомыми», дѣлаетъ друзьями. Эта громадная связывающая, соціализирующая роль живота поразительна, трогательна, благородна, возвышенна. Отъ «живота» не меньше идетъ идей, чѣмъ отъ головы (довольно пустой), и идей самыхъ возвышенныхъ и горячихъ. Идей самыхъ важныхъ, *жизнетворческихъ*. Тоже было у Толстыхъ. Софія Андреевна не очень была довольна, что мы пріѣхали (безъ спроса *у нея*; она очень властолюбива). Но заговорили (по поводу ея «Открытаго письма къ Л. Андрееву») и уже черезъ ½ часа знакомства она разсказывала о своихъ

родахъ, числѣ беременностей, о кормленіи грудью. Она вся была великолѣпна и я любовался ею. И она разсказывала открыто, прямо и смѣло.

Она вся благородная и «выступающая» (героическая).

Отношеніе къ женщинамъ (и дѣвушкамъ) у меня и есть вотъ *это:* всегда—къ Судьбѣ ихъ, всегда горячее, всегда точно невидимо за руку я веду ихъ (нить разговора) къ забеременѣнію и кормленію дѣтей, въ чемъ нахожу высшій *идеализмъ ихъ существованія.*

Встрѣтясь (тоже въ театрѣ) съ поэтомъ С—ъ и женой его, которые оба неузнаваемо раздобрѣли и покрасивѣли, говорю:

— Вы прежде ходили вверхъ ногами (декаденты обои), а теперь пошли «по пути Розанова»...

— По какому «пути»?

— По самому обыкновенному. И скоро обои обратитесь въ Петра Петровича Пѣтуха. Какой онъ прежде былъ весь темный въ

лицѣ, да и вы—худенькая и изломанная. Теперь же у него лицо ясное, свѣтлое, а у васъ бюстъ вотъ какъ выросъ.

Они оба сидѣли, немножко грузные. «Совсѣмъ обыкновенные».

Оба смѣялись, и имъ обоимъ было весело.

— Вы знаете, когда прошла (въ литературѣ) молва о вашемъ бракѣ—многіе высказывали тревогу. Онъ вѣдь такой жестокій и сладострастный въ стихахъ и у него вездѣ чортъ трясется въ ступѣ.

Не забуду ея теплаго, теплаго отвѣта. Вдохновенно:

— *Добрье* моего (имя и отчество)—нѣтъ на свѣтѣ человѣка, нѣтъ на свѣтѣ человѣка!! Добрѣе, ласковѣе, внимательнѣе!—Она вся сіяла. Сзади былъ опытъ и *знаніе*.

Это было по-истинѣ чудесно и чудо сдѣлалъ «обыкновенный путь». Женщина, сколько-нибудь съ умомъ, выравниваетъ кривизны мужа, незамѣтно ведетъ его въ супружествѣ къ идеалу, къ лучшему. Ведетъ его

въ могущественныхъ го́ворахъ и ласкахъ ночью. «Ну! ну!» — и все «по-маленьку!» къ лучшему, къ нормѣ.

Полъ есть гора свѣтовъ: гора высокая-высокая, откуда исходятъ свѣты, лучи его, и распространяются на всю землю, всю ее обливая новымъ благороднѣйшимъ смысломъ.

Вѣрьте этой горѣ. Она просто стоитъ на четырехъ деревянныхъ ножкахъ (желѣзо и вообще жёсткій металлъ недопустимы здѣсь, какъ и «язвящія» гвозди недопустимы).

Видѣлъ. Свидѣтельствую. И за это буду стоять.

Пушкинъ и Лермонтовъ *почили* собою всю великолѣпную Россію отъ Петра и до себя.

По великому мастерству слова Толстой только немного уступаетъ Пушкину, Лермонтову и Гоголю; у него нѣтъ созданій такой чеканки какъ «Пѣснь о купцѣ Калашниковѣ»,—такого *разнообразія* «эха», какъ *весь* Пушкинъ, такого дьявольскаго могущества какъ «Мертвыя души»... У Пушкина даже въ отрывкахъ, мелочахъ и наконецъ въ зачеркнутыхъ строкахъ — ничего плоскаго или глупаго... У Толстого *плоскихъ* мѣстъ—множество...

Но вотъ въ чемъ онъ ихъ всѣхъ превосходитъ: въ благородствѣ и серьезности *цѣльнаго движенія* жиз-

ни; не въ «что́ онъ сдѣлалъ», но въ «что́ онъ хотѣлъ».

Пушкинъ и Лермонтовъ «ничего особеннаго не хотѣли». Какъ ни странно при такомъ геніѣ, но—«не хотѣли». Именно — все кончали. Именно—закатъ и вечеръ цѣлой цивилизаціи. Вечеромъ вообще «не хочется», хочется «по утру».

Море русское—гладко какъ стекло. Все — «отраженія» и «эха». Эхо «воспоминанія»... На всемъ великолѣпный «стиль Растрелли»: въ дворцахъ, событіяхъ, праздникахъ, горестяхъ... Эрмитажъ, Державинъ и Жуковскій, Публичная Библіотека и Карамзинъ... Въ «стилѣ Растрелли» даже оппозиція: это — декабристы.

Тихая, покойная, глубокая ночь.

Празраченъ воздухъ, небо блещетъ...

Дьяволъ вдругъ помѣшалъ палочкой дно: и со дна пошли то́ки мути, болотныхъ пузырьковъ... Это пришелъ Гоголь. За Гоголемъ все. Тоска. Недоумѣніе. Злоба, много

злобы. «Лишніе люди». Тоскующіе люди. Дурные люди.

Всѣ врозь. «Тащи нашу монархію въ разныя стороны».—«Эй, Ванька: ты чего застоялся, тащи! другой минуты не будетъ».

Горилка. Трепакъ. Присядка. Да, это ужъ не «придворный минуэтъ», а «нравы Растеряевой улицы»...

Толстой изъ этой мглы поднялъ голову: «Къ идеалу!»

Какъ писатель, онъ ниже Пушкина, Лермонтова, Гоголя. Но какъ человѣкъ и благородный человѣкъ, онъ выше ихъ всѣхъ... Онъ даже не очень пожалуй умный человѣкъ: но никто не напряженъ у насъ былъ такъ въ сторону благородныхъ, великихъ идеаловъ.

Въ этомъ его первенство надъ всей литературой.

При этомъ какъ *натура* онъ не былъ такъ благороденъ какъ Пушкинъ. Натура—одно, а намѣренія, «о чемъ грезится ночью»—другое. О «чемъ грезилось ночью»—у Толстого выше, чѣмъ у кого-нибудь.

И вся радость ея—была въ радости другихъ.

(на слова: «Шурочка, кажется, очень довольна»—на сонъ грядущій мнѣ. Наша общая Мамочка).

Уваженіе къ старому должно быть благочестиво, а не безумно.

(старообрядцамъ и канонистамъ)

— Что же именно «канонічно»?

— Для уважающаго Церковь и любящаго ее канонично то, что сейчасъ клонится къ благочестію Церкви, къ правдѣ ея, къ красотѣ ея, благоустройству ея, къ истинѣ ея. Къ миру, здоровью и праведной жизни вѣрующихъ. Но для злыхъ, безчестныхъ и безсовѣстныхъ, не любящихъ Церкви и не блюдущихъ ее, «канонично» то, что̀ «сказали такіе, какъ *мы*, въ равномъ съ нами рангѣ и чинѣ состоявшіе». Для нихъ:

— Не церковь, но—*мы*.

И на нечестивыхъ безбожниковъ должна быть положена *узда*.

(Гермогенамъ и Храповицкимъ,— 26 іюня 1912 г.)

Будетъ больше научности, больше филологіи, даже добропорядочности больше будетъ, но *позолоты времени* не будетъ.

И не будетъ вдохновенія.

Ибо могучія дерева вырастаютъ изъ старыхъ почвъ.

(въ мысляхъ о русской реформаціи)

Голосокъ у нея былъ тоненькій-тоненькій, слабый-слабый: какъ у прищемленной птички. И выпустивъ нѣсколько звуковъ, 1—2 строки пѣсни, всегда разсмѣется, какъ чему-то невозможному у себя.

(когда мама въ гамакъ запьетъ пѣсню, а я сидя у окна за статьей,—услышалъ)

Въ мышленіи моемъ всегда былъ какой-то столбнякъ.

Я никогда не догадывался, не искалъ, не подглядывалъ, не соображалъ. Эти обыкновеннѣйшія способности совершенно исключены изъ моего существа.

Но меня вдругъ поражало что-нибудь. Мысль или предметъ. Или «вотъ *такъ*-бы (*оттуда*-бы) бросить свѣтъ». «Пораженный», я выпучивалъ глаза: и смотрѣлъ на эту мысль, предметъ, или «*оттуда*-то»—иногда годы, да и большею частью годы.

Въ отношеніи къ предметамъ, мыслямъ и «*оттуда*-то» у меня была

зачарованность. И не будетъ ошибкой сказать, что я вообще прожилъ жизнь въ какомъ-то очарованіи.

Она была и очень счастлива и очень грустна.

Въ сущности, я ни въ чемъ не измѣнился съ Костромы (лѣтъ 13). То же равнодушіе къ «хорошо» и «дурно». Тѣ же поступки по мотиву «любопытно» и «хочется». Та же, пожалуй, холодность или скорѣй безучастіе къ окружающему. Та же почти постоянная грусть, откуда-то текущая печаль, которая только ищетъ «зацѣпки» или «повода», чтобы перейти въ страшную внутреннюю боль, до слезъ... Та же нѣжность, только ищущая зацѣпки.

Основное пожалуй мое отношеніе къ міру есть нѣжность и грусть.

Откуда она и въ чемъ собственно она состоитъ?

Мнѣ печально, что все несовершенно: но отнюдь не въ томъ смыслѣ, что вещи не исполняютъ какой-то заповѣди, какого-то отъ нихъ ожиданія (и на умъ не приходитъ), а что самимъ вещамъ какъ-то нехорошо, они не удовлетворены, имъ больно. Что вещамъ «больно», это есть постоянное мое страданіе за всю жизнь. Черезъ это «больно» проходитъ нѣжность. Вещи мнѣ кажутся какими-то обиженными, какими-то сиротами, кто-то ихъ мало любитъ, кто-то ихъ мало цѣнитъ. «Нѣженья»-же всѣ вещи въ высшей степени заслуживаютъ, и мнѣ рѣшительно ни одна вещь въ мірѣ не казалась дурною. Я-бы ко всѣмъ дотрагивался, всѣмъ проводилъ-бы «по шёрсткѣ» («противъ шёрстки» — ни за что). Поэтому черезъ нѣкоторое «воспитаніе» (приноровленіе, привыканіе) я могъ доходить до влюбленія въ прямо безобразныя или отвратительныя вещи, если только онѣ представятся мнѣ подъ «симпатичнымъ уголкомъ»,

съ такимъ-то «милымъ уклономъ». Мнѣ иногда кажется, что я вѣчно-бы съ людьми «воровалъ у Бога» ... не то̀ золотыя яблоки, не то̀ счастье, вотъ это убавленіе грусти, вотъ это убавленіе боли, вотъ эту ужасную смертность и «окончательность людей», что все «кончается» и все не «вѣчно». Это мое «вороване у Бога» какой-то другой истины вещей, чѣмъ какая открывается глазу, не было однако (отнюдь!) возстаніемъ противъ Бога... Тутъ туманы (души и міра) колеблются, и мнѣ все это «вороване съ людьми» представлялось чѣмъ-то находящимся подъ тайнымъ покровительствомъ Божіимъ, точно Богъ и самъ хотѣлъ-бы, чтобы «міръ былъ разворованъ», да только строгъ законъ (Рокъ, Ανάγκη). Вотъ эта борьба съ Рокомъ стояла постоянно въ душѣ: и собственно о чемъ я плакалъ и болѣлъ—это что есть Рокъ и Ανάγκη.

Разница между мамочкой и ея матерью («бабушка» А. А. Р.) была какъ между іонической и дорической колонной. Я замѣчалъ, что м. вся человѣчнѣе, мягче, теплѣе, страстнѣе. Разнообразнѣе и проницательнѣе. Но баб.—тверже, спокойнѣе, объемистѣе, общественнѣе. Для б. была «улица», «околица», «нашъ приходъ», гдѣ она *всьмъ* интересовалась и мысленно всѣмъ «правила возжи». Для м. «улицы» совершенно не существовало, былъ только «свой домъ»: дѣти, мужъ. Даже почти не было «друзей» и «знакомыхъ». Но этотъ «свой домъ» вспыхнулъ ярко и горячо. Б. могла всю жизнь прожить безъ личной любви, только въ заботѣ о дру-

гихъ: мама этого совершенно не могла, и уже въ 14 лѣтъ поставила «свою вѣру въ этого человѣка» какъ знамя, котораго ничто не сломило и никто (у 14-лѣтней!) не смогъ вырвать. Этого баб. не могла бы и не захотѣла. Для нея «улица» и авторитетъ улицы былъ значущъ (для мам. совершенно не значущъ).

Такъ и вышло: изъ «дорической колонны», простой, вѣчной—развилась волнующаяся и волнующая іоническая колонна. Вѣрнымъ глазомъ я узналъ обѣихъ (1890 г., подготовительно 1886—1890 гг.).

Въ рубашенкѣ, запахивая сѣрый (темно-сѣрый) халатъ, Таня быстрымъ, торопящимся шагомъ подходитъ къ письменному столу. Я еще не поднялъ головы отъ бумагъ, какъ обѣ ея руки уже обвиты кругомъ шеи, и она цѣлуетъ въ голову, прощаясь:

— Прощай, папушóкъ... Какъ я люблю слушать изъ-за стѣны, какъ ты тутъ копошься, точно мышка, въ бумагахъ...

И смѣется, и на глазахъ всегда блеститъ взволнованная слеза. Слеза всегда готова у ней показаться въ рѣсницахъ, какъ у нашей мамы.

И душа ея, и лицо, и фигура похожи на маму, только миньятюрнѣе.

Я подниму голову и поцѣлую въ смѣющуюся щечку. Она всегда въ улыбкѣ. Или, точнѣе, между улыбкой и слезой.

Вся чиста какъ Ангелъ небесный, и у нея вовсе нѣтъ мутной воды. Какъ и вовсе нѣтъ озорства. Озорства нѣтъ отъ того, что мы съ мамой знаемъ, что она много потихоньку плакала, ибо много себя ограничивала, много сдерживала, много работала надъ собою и себя воспитывала. Никому не говоря.

Года три назадъ (4? 5?) мы гуляли съ Коноплянцевымъ по высокому берегу моря. Въ уровень ногъ и чуть-чуть ниже темнѣлъ верхъ сосноваго бора, отдѣлявшаго обрывъ «равнины страны» отъ собственно морского берега. Это около Тюрсево, за Теріоками. И говорю я ему, что меня удивляетъ, что Бѣлинскій лишь незадолго до смерти оцѣнилъ какъ лучшее у Пушкина стихотвореніе—«Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день». Коноплянцевъ запамятовалъ его, и я.

порывисто и не умѣя, хотѣлъ сказать хотя 2-ую и 3-ью строки. Шедшая все время молча Таня сказала мнѣ тихо:

— Я, папа, помню.

— Ты??—обернулся я съ недоумѣніемъ.

— Да. Я тоже его люблю.

И тихо, чуть-чуть застѣнчиво, она проговорила на мои слова: «скажи! скажи!!»:

Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день
И на нѣмые стогны града
Полупрозрачная наляжетъ ночи тѣнь
И сонъ, дневныхъ трудовъ награда,
Въ то время для меня влачатся въ тишинѣ
Часы томительнаго бдѣнья:...

я чувствовалъ, что слова какъ «стóгна» и «бдѣнья»—смутны бѣдной дѣвочкѣ: и если, въ какой-то непонятной тревогѣ, она затвердила довольно трудныя по длинѣ строки, то — привлекаемая тайной мукой, сокрытой въ строкахъ, кого-то жалѣя въ этихъ строкахъ, съ

кѣмъ-то отвѣтно раздѣляясь въ этихъ строкахъ душой. Я весь взволновался, слушая. Коноплянцевъ молчалъ. Таня продолжала. И какъ будто она уже не о другомъ жалѣла, а сказывала о себѣ:

Въ бездѣйствіи ночномъ живѣй горятъ
во мнѣ
Змѣи сердечной угрызенья;
Мечты кипятъ...

Она остановилась, ниже наклонила голову и слова стали тише:

въ умѣ, подавленномъ
тоской,
Тѣснится тяжкихъ думъ
избытокъ;
Воспоминаніе безмолвно предо мной
Свой длинный развиваетъ
свитокъ:

Робко, по-дѣтски:

И съ отвращеніемъ читая жизнь мою,
Я трепещу и проклинаю,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строкъ печальныхъ
не смываю.

Остановилась.

Я вижу въ праздности, въ неистовыхъ
пирахъ,
Въ безумствѣ гибельной свободы
Въ неволѣ, въ бѣдности, въ чужихъ
степяхъ
Мои утраченные годы.
Я слышу вновь друзей предательскій
привѣтъ
На играхъ Вакха и Киприды

такъ и сказала «Киприды»... Я чувствовалъ, многихъ словъ она не понимала...

И сердцу вновь наноситъ хладный
свѣтъ
Неотразимыя обиды.
И нѣтъ отрады мнѣ...

Теперь она почти шептала. Я едва уловлялъ слова:

— и тихо предо
мной
Встаютъ два призрака младые,
Двѣ тѣни милыя—два данные судьбой
Мнѣ ангела во дни былые!

Металличнѣе и холоднѣе, какъ чужое:

Но оба съ крыльями и съ пламеннымъ
мечомъ
И стерегутъ.. и мстятъ мнѣ оба.

Опять съ сочувствіемъ:

И оба говорятъ мнѣ мертвымъ
языкомъ
О тайнахъ вѣчности и гроба.

За всю семейную жизнь свою (20 лѣтъ) я не пережилъ волненія, какъ слушая отъ Тани, «которая тутъ гдѣ-то около ногъ суетится», стихотвореніе, столь для меня (много лѣтъ) разительное. Да, но — для *меня*. А для *нея*??!! Съ ея «Катакомбами» Евгеніи Туръ, и — не далѣе? Почему-же не «далѣе»? Оказывается, она пробѣгла гораздо «далѣе», чѣмъ намъ съ мамой казалось. И не сказала ни слова. И только на случайный вопросъ, сказавъ стихъ почти какъ «урокъ» (къ «уроку» этого никогда не было), вдругъ открыла далеко не «урочную» тайну,—о, какъ далеко пересягающую всѣ ихъ уроки, классы, учителей.

— Хорошо, Таня. Какъ ты запомнила?

— Я очень люблю это стихотвореніе.

— Съ «Каприда»!?.

Прочелъ мамъ (въ корректурѣ).

— Какъ мнѣ не нравится, что ты все это записываешь. Это должны знать *ты* и *я*. А чтобы рынокъ это зналъ — не хорошо. Ты ужъ лучше опиши, какъ ты ее за ухо далъ.

Но это былъ другой случай, на Иматрѣ. Когда-нибудь разскажу въ другомъ мѣстѣ.

Неумолчный шумъ въ душѣ.

(моя психологія)

Днемъ, когда проснусь ночью,— и, странно, иногда продолжается и въ сонъ (раза 3 «разрѣшались» во снѣ недоумѣнія, занимавшія этотъ день и предъидущіе дни).

Не сторожитъ мужъ,—не устережитъ отецъ.

(*судьба дѣвушекъ*)

«*Поспѣшно*»

— прочелъ я надъ адресомъ, неся Надюшкино письмо на кухню (откуда беретъ ихъ почтальонъ). И куда это Пучекъ (прозвище) пишетъ свои письма все «поспѣшно». Раньше все кричала: «Папа! — мнѣ *заказное*» (т. е. послать «заказнымъ»). Я наконецъ разсердился на расходы, и говорю: «Да зачѣмъ тебѣ *заказнымъ?*» — «*Скорье* доходитъ!»—«Да, напротивъ, заказное идетъ *медленнье*, а только *вѣрнье* доходитъ».

Съ тѣхъ поръ не пишутъ «заказнымъ», а зато надписываютъ «поспѣшно». И куда онѣ всѣ торопятся,—11, 12, 13-ти лѣтъ.

Важничанье письмами—необыкновенное. Избави Богъ дотронуться до открытки. Глаза такъ и сверкаютъ, губы трясутся, и, брызгая слюной. Пучекъ кричитъ, отцу-ли, матери-ли:

— Это безсовѣстно *читать чужія письма!*

— Милая, да *открытки* на то и пишутся, чтобы ихъ всѣ читали.

— Вовсе нѣтъ!!! Это — письмо!!!! Вѣдь **не къ тебѣ** оно написано!!!!!

Трясется.

— Милая,—да вѣдь и глупости тамъ написаны. Что такое «Твоя Зоя», или еще: «Я узнала важный секретъ. Но скажу тебѣ осенью, когда соберемся въ школу». Правда, въ письмѣ есть еще: «Бабушка захворала воспаленіемъ легкихъ», но это — въ самомъ концѣ, сбоку по краю листа и съ кляксой, такъ что очевидно «секретъ» важнѣе.

Разъ намъ не пришло ни одного письма, а Надѣ двѣ открытки: то она, схвативъ ихъ, — выскочила въ садъ, пробѣжала огромную аллею,

и уже только тогда взглянула на адресъ и отъ кого, и даже—что съ картинками. Восторгъ и главное *важность* сорвали ее какъ вихрь и унесли какъ свѣженькій листокъ въ бурю...

У одной основныя подруги—это «Зоя» и еще какая-то «Гузарчикъ», у другой—вѣчная «Наташа Полевая».

(12 іюня 1912 г.)

Какъ вѣшній цвѣтъ проходитъ жизнь. Какъ ужасно это «проходитъ». Ужасна именно категорія *времени;* ужасна эта связь съ временемъ.

Человѣкъ—*временемъ.* Кто можетъ перенести эту мысль...

У, какъ я хочу *сбитаго.* «Рабъ времени», тысячелѣтія или минуты—*все равно.* У. какъ я не хочу этого «раба времени».

(11 іюля 1912 г.)

Только горе открываетъ намъ *великое* и *святое.*

До горя — прекрасное, доброе, даже большое. Но никогда именно *великаго*, именно *святого.*

(*1 іюля 1912 г.*)

Мы рождаемся для любви.

И насколько мы не исполнили любви, мы томимся на свѣтѣ.

И насколько мы не исполнили любви, мы будемъ наказаны на томъ свѣтѣ.

(1-го іюля 1912 г.)

Не спасъ я мамочку отъ страшной болѣзни. А могъ бы. Побольше бы вниманія къ ней, чѣмъ къ нумизматикѣ, къ деньгамъ, къ литературѣ.

Вотъ одна и *вся* моя боль. Не «Христосъ», нисколько. «Христосъ» и безъ меня обойдется. У него—много. А у мамочки—только я.

Я былъ поставленъ на стражѣ ея. И не устерегъ. Вотъ моя боль.

Жизнь требуетъ вѣрнаго глаза и твердой руки. Жизнь—не слезы, не вздохи, а борьба; и страшная борьба. Слезы—«дома». «внутри». Снаружи — желѣзо. И только тотъ домъ крѣпокъ, который окруженъ желѣзомъ.

Во мнѣ было мало желѣза: и вотъ отчего мамочкѣ было такъ трудно. Она везла возъ и задыхалась; и защищала его. И боролась за меня.

И возничій упалъ. А я только оплакиваю его.

(2 іюля 1912 г.)

Попы — мѣдное войско около Христа.

Его слезы и страданія—ни капли въ *нихъ*. Отъ-роду я не видалъ ни одного заплакавшаго попа. Даже «некогда»; все «должность» и «служба».

Какъ «воины» они и защищаютъ Христа, но въ какомъ-то отношеніи и погубляютъ его *тайну* и *главное*.

(можетъ быть только «наши попы»? притомъ очевидно— не весь). (черезъ 1/2 года послѣ «пришла мысль», т. е. послѣ записи)

Между прочимъ ни въ комъ я не видалъ такого равнодушнаго отношенія къ смерти, какъ у поповъ. «Эта метафизика намъ ни почёмъ».

(ну, это—не вся). (черезъ 1/2 года послѣ «пришла мысль»)

Но однако при всѣхъ порицаніяхъ какъ страшно остаться безъ поповъ. Они содержатъ вѣчную возможность слезъ: позитивизмъ не содержитъ самой *возможности, обѣщанія.*

Недостатокъ слезъ у попа и есть недостатокъ; у позитивистовъ—просто нѣтъ ихъ, и это не есть нисколько въ позитивизмѣ «недостатокъ». Вотъ въ чемъ колоссальная разница.

(все-таки попы мнѣ всего милѣе на свѣтѣ). (приписка черезъ 1/2 года)

Рѣжетъ Темное, рѣжетъ Черное.

Что́ такое?

Никто не знаетъ.

Всегда въ мірѣ былъ наблюдателемъ, а не участникомъ.

Отсюда такое томленіе.

Есть люди, которые какъ мостикъ существуютъ только для того, чтобы по нему перебѣгали другіе. И бѣгутъ, бѣгутъ: никто не оглянется, не взглянетъ подъ ноги. А мостикъ служитъ и этому, и другому, и третьему поколѣнію.

Такъ была наша «бабушка», Александра Адріяновна,—въ Ельцѣ.

Тайный пафосъ еврея – быть элегантнымъ. Они вѣчно моются и душатся. Еврей не выберетъ некрасивую въ танцы, а самую красивую, и будетъ танцовать съ ней до упаду. Вобще они все «до упаду». Но остановимся на элегантности: еврей силится отмыть какую-то міровую нечистоту съ себя, какой-то допотопный потъ. И все не можетъ. И все испуганъ, что сосѣдъ по-тихоньку отворачивается отъ этого пота.

(вспомнивъ вечеринку въ Брянскѣ, съ провизорами)

Талантъ у писателя невольно съѣдаетъ жизнь его.

Съѣдаетъ счастье, съѣдаетъ все.

Талантъ—рокъ. Какой-то опьяняющій рокъ.

(1-го августа 1912 г.)

Иногда и «на законномъ основаніи»—а трясутся ноги; а другой разъ «противъ всѣхъ законовъ»—а въ душѣ поютъ птички.

Съ дѣтьми и горькое — сладко. Безъ дѣтей—и счастья не нужно.

Завѣщаю всѣмъ моимъ дѣтямъ,—сынъ и 4 дочери,—всѣмъ имѣть дѣтей. Судьба дѣвушки безъ дѣтей—ужасна, дымна, прогоркла.

Дѣвушка безъ дѣтей—грѣшница. Это «канонъ Розанова» для всей Россіи.

(кромѣ «лунныхъ людей, съ «не хочу! не хочу!» природы)

Мы не по думанью любимъ, а по любви думаемъ.

Даже и въ мысли—сердце *первое*.

(*за занятіями*)

Осложнить вдохновеніе хитростью—вотъ Византія.

Такова она отъ перепутанностей дворцовой жизни до каноновъ и до заставокъ на рукописяхъ.

(въ лѣсу на прогулкѣ)

...откуда эта *безпредѣльная злоба?*

И ничего во всей природѣ
Благословить онъ не хотѣлъ.

(о Гоголѣ)

...демонъ, хватающійся боязливо за крестъ

(онъ-же передъ смертью)

Говорятъ, дорого назначаю цѣну книгамъ («Уед.»), но вѣдь сочиненія мои замѣшаны не на водѣ и даже не на крови человѣческой, а на *сѣмени человѣческомъ.*

Не полонъ ли міръ ужасовъ, которыхъ мы еще совершенно не знаемъ?

Не потому-ли нѣтъ полнаго вѣдѣнія, что его не вынесъ-бы умъ и особенно не вынесло-бы сердце человѣка?

Бѣдныя мы птички... отъ кустика до кустика и отъ дня до дня.

Все воображаютъ, что душа есть существо. Но почему она не есть музыка?

И ищутъ ея «свойства» («свойства *предмета*»). Но почему она не имѣетъ только *строй?*

(*за кофе утр.*)

22.

Я вовсе не «боролся» (Мер.), а схватилъ Побѣду.

Когда увидалъ смерть. И я разжалъ руку.

(на извозчикѣ)

— Дѣти, вамъ вредно читать Шерлока Холмса.

И, отобравъ пачку, потихоньку зачитываюсь самъ.

Въ каждой—48 страничекъ. Теперь «Сиверская—Петербургъ» пролетаютъ какъ во снѣ. Но я грѣшу и «на сонъ грядущій», иногда до 4-го часу утра. Ужасныя исторіи.

Боль міра побѣдила радость міра— вотъ христіанство.

И мечтается вернуться къ радости. Вотъ тревоги язычества.

Евреи *подлежатъ*, а не *надлежатъ*. Отъ того они и «подлежащее» исторіи.

Евреи—*сужубы* своего божества (средневѣковый терминъ).

(на Гороховой за покупками)

Пройдетъ все, пройдемъ мы, пройдутъ дѣла наши.

Л.?

Нѣтъ.

Хочется думать.

Зачѣмъ я такъ упираюсь тоже «пройти»?

И будетъ землица, по которой будутъ проходить люди. Боже: вся земля—великая могила.

Безъ вѣры въ себя нельзя быть сильнымъ. Но эта вѣра въ себя развиваетъ въ человѣкѣ—нескромность. Не отсюда-ли то противное въ томъ, что я иногда нахожу у себя (сочин.)?

(на Загородномъ)

Пѣсни — *оттуда*-же, откуда и цвѣты.

Умѣй искать уединенія, умѣй искать уединенія, умѣй искать уединенія.

Уединеніе—лучшій стражъ души. Я хочу сказать—ея Ангелъ Хранитель.

Изъ уединенія — все. Изъ уединенія — силы, изъ уединенія — чистота.

Уединеніе—«собранъ духъ», это —я опять «цѣленъ».

(за утреннимъ кофе.
31-го іюля 1912 г.)

Прочелъ въ «Русск. Вѣд.» просто захлебывающуюся отъ радости статью по поводу натолкнувшейся на камни возлѣ Гельсингфорса миноноски... Да что тамъ миноноски: развѣ не ликовало все общество и печать, когда насъ били при Цусимѣ, Шахэ, Мукденѣ? Слова Ксюнина, года три назадъ: «Японскій посланникъ, при какихъ-то враждебныхъ Японіи статьяхъ (переговоры, что-ли, были) лѣвыхъ русскихъ газетъ и журналовъ. сказалъ вслухъ: «Тонъ ихъ теперь меня удивляетъ: три года тому назадъ (во время войны) русская радикально-политическая печать говорила о моемъ отечествѣ съ очень теплымъ чувствомъ». — *«Понимае-*

те?» смѣясь прибавилъ Ксюнинъ: «радикалы говорили объ Японіи хорошо, пока Японія, нуждавшаяся въ нихъ (т. е. въ разодраніи *единства духа* въ воюющей съ нею странѣ), платила имъ деньги». И въ словахъ посла Японскаго былъ тонъ хозяина этого дѣла. Да, русская печать и общество, не стой у нихъ поперекъ горла «правительство», разорвали-бы на клоки Россію, и роздали бы эти клоки сосѣдямъ даже и не за деньги, а просто за «рюмочку» похвалы. И вотъ отчего безъ нерѣшимости и колебанія нужно прямо становиться на сторону «бездарнаго правительства», которое *все-таки* одно только все охраняетъ и оберегаетъ. Которое еще одно только не подло и не пропито въ Россіи.

Злая разлучница, злая разлучница. Вѣдьма. Вѣдьма. Вѣдьма. И ты смѣешь благословлять бракъ.

(о ц. англиканской; семейныя исторіи въ Шерлокъ Холмсъ: «Голубая татуировка» и «Въ подземной Вѣнѣ». «Повѣнчанная» должна была вернуться къ хулигану, который зарѣзалъ ея мужа, много лѣтъ ее кинувшаго и уѣхавшаго въ Америку, и обладалъ его **именными документами,** *а также и случайно разительно похожъ на него; этого хулигана насильно оттащили отъ виски, и аристократка должна была стать его женою, по закону церкви).*

Будь вѣренъ человѣку, и Богъ ничто́ тебѣ не поставитъ въ невѣрность.

Будь вѣренъ въ дружбѣ и вѣренъ въ любви: остальныхъ заповѣдей можешь и не исполнять.

(13 іюля)

Тамъ—башмачки, куклы, тамъ—Мадонна (гипсовая,—изъ Казани), трепаные листы остатковъ Андерсена, одинъ пустой корешокъ отъ «задачника» Евтушевскаго, больше всего картинъ—Васи: съ какой веселостью относишь это въ дѣтскую кучу.

(за уборкой книгъ и всего — къ переѣзду съ дачи)

Мамочка всегда воображала, что я безъ рукъ, безъ ногъ, а главное безъ головы. И вотъ она убираетъ и собираетъ мои листки, рукописи (никогда ничего не забудетъ), книги. Переѣхали:

— Варя, платокъ!

— Платокъ?

— Да. Скорѣе. Ты-же спрятала грязный, а гдѣ-же чистый?

Молчаніе.

— Ну?

— Подожди. Платокъ. Я ихъ уложила на дно сундука. *Потому что очень нужно.*

И всегда, что̀ «очень нужно», она—на дно сундука.

— Я сейчасъ! Сейчасъ! Подожди одну минуту (растерянно, виновно и испуганно).

И раскупориваетъ, бѣдная и безсильная, весь сундукъ. Эти исторіи каждую осень и весну.

«Платокъ» я взялъ на удачу. Именно съ платками не случалось. Но напр. ручка и перо. Или еще—фуфайка, когда холодно. Разъ, жалѣя ей «рыться», я въ жарчайшіе дни сентября («бабье лѣто») ходилъ въ ватномъ, потѣлъ, мучился, безсилѣлъ, «потому что все лѣтнее было уже убрано» и конечно «на дно сундука».

(убираясь съ лѣта
съ города)

Мама и Таня (стоитъ у колѣнъ) въ палисадничкѣ, на Павловской ул., въ Спб. (Петерб. сторона)
Рядомъ—мальчикъ Несвѣтевичъ, сосѣдъ по квартирѣ.
Домъ Ефимова, № 2.

Будемъ цѣловать другъ друга, пока текутъ дни. Слишкомъ быстротечны они—будемъ цѣловать другъ друга.

И не будемъ укорять: даже когда правъ укоръ—не будемъ укорять.

(28 іюля, † Наука; объявленіе въ «Н. Вр.»; мамочка заплакала о немъ)

... да, но вѣдь дѣло въ томъ, что *эсенихъ* или товарищъ-*другъ* — внимательнѣе къ нашимъ дѣтямъ, чѣмъ ихъ *родители*...

Что-же мы осуждаемъ дѣтей, что они «болѣе открыты» *другу*, нежели родителямъ». и, въ сущности, болѣе съ нимъ связаны.

Выростаніе — отхожденіе. И именно — отъ родителей. Дѣти — сучья на стволѣ: но развѣ сукъ съ каждымъ днемъ не отдаляется отъ ствола — своимъ «зелененькимъ», своимъ «кончикомъ», прикасаясь къ стволу только бездумнымъ основаніемъ. Въ этомъ «зеленомъ» и въ «кончикѣ»,

въ листочкахъ сука—его мысль, сердце, душа. Также и люди, дѣти, такъ — въ семьѣ. Судьба. Рокъ Плачь или не плачь—а не перемѣнишь.

Пусть объяснитъ духовенство,
для чего растутъ у дѣвушки груди?
— Чтобы кормить свое дитя.
— Ну, а... «*дальше*» для чего дано?
Сказать нѣчего кромѣ:
— Чтобы родить дитя.
И весь аскетизмъ зачеркнутъ.

Кто-же дерзаетъ его проповѣдовать? Да Суздальскій монастырь, вообще ни для кого не нужный,— еслибъ кому и понадобился, то единственно Храповицкому, Гермогену и Рачинскому.

Со времени «Уед.» окончательно утвердилась мысль въ печати, что я—Передоновъ, или — Смердяковъ. Mercì.

(*рядъ отзывовъ*)

Такъ мы съ мамочкой и останемся вдвоемъ, и никого намъ больше не нужно.

Она всегда придавала значеніе, *какъ* я написалъ (по своему чувству), но никогда я не видалъ ее взволнованною тѣмъ, что обо мнѣ написано. И не по равнодушію: а... прочла, и стала заваривать чай. Когда-же что-нибудь хорошо (по ея оцѣнкѣ) напишу — она радовалась день, и даже иногда утро завтра.

(16 іюля 1912)

Вся моя жизнь, въ особенности вся моя *личность*, б. гораздо грубѣе.

Я курю, она читаетъ свои ак., вотъ постоянное отношеніе.

(*не вставъ съ постели*) .

Достоевскій какъ пьяная нервная баба вцѣпился въ «сволочь» на Руси и сталъ пророкомъ ея.

Пророкомъ «завтрашняго» и пѣвцомъ «давнопрошедшаго».

«Сегодня»—не было вовсе у Достоевскаго.

Папироска послѣ купанья, малина съ молокомъ, малосольный огурецъ въ концѣ іюня, да чтобъ съ боку прилипла ниточка укропа (не надо снимать)—вотъ мое «17-ое октября». Въ этомъ смыслѣ я «октябристъ».

(въ купальнѣ)

...и вовсе не *я* былъ постоянно-то съ Б., а *она:* а я видя постоянно ее съ Б.—тоже угвоздился къ Богу.

Впрочемъ съ университета (1-й же курсъ) я постоянно любилъ Его. Съ университета я уже не оставлялъ Б., не забывалъ Его.

(я и мама; 21 іюля)

Не понимаю, почему меня такъ ненавидятъ въ литературѣ. Самъ себѣ я кажусь «очень милымъ человѣкомъ».

Люблю чай; люблю положить заплаточку на папиросу (гдѣ прорвано). Люблю жену свою, свой садъ (на дачѣ). Никогда не волнуюсь [1]) и никуда не спѣшу.

Такого «мирнаго жителя» дай Богъ всякому государству. Грѣхи? Такъ вѣдь кто-же безъ грѣховъ.

Не понимаю. Гнѣвъ, пыль, комья грязи, другой разъ булыжникъ. Про-

---

[1]) Кромѣ болѣзней въ дому.

сто цѣлый «водоворотъ» около дремлющей у затонувшаго бревна рыбки.

И рыбка—ясная. И вода, и воздухъ. Чего имъ нужно?

(пухъ рецензій)

Необыкновенная *сила* Церкви зависитъ (между прочимъ) отъ того, что прибѣгаютъ къ ней люди въ *самые лучшіе моменты* своей души и жизни: страдальческіе, горестные, страшные, патетическіе. «Кто-нибудь умеръ», «самъ умираю». Тутъ человѣкъ *совсѣмъ другой*, чѣмъ всю жизнь. И вотъ этотъ «совсѣмъ другой» и «лучшій» несетъ сюда свои крики, свои стоны,—слезы, мольбы. Какъ-же этому мѣсту, «куда все снесено», не сдѣлаться было наилучшимъ и наимогущественнѣйшимъ. Она захватила «острія всѣхъ сердецъ»: и нѣтъ иного мѣста съ такимъ-же могуществомъ, какъ здѣсь.

(за утреннимъ чаемъ,
23-го іюля)

... все-таки есть что-то такое Темное, что̀ одолѣваетъ и Б.

Иначе пришлось-бы признать «не благого Бога». Но этого вынести уже окончательно не можетъ душа человѣческая. Всякая душа человѣческая отъ этой мысли умретъ. Не человѣкъ умретъ, а душа его умретъ, задохнется, погибнетъ.

И на концѣ всего: бѣдные мы человѣки.

(глубокой ночью

Европейская цивилизація погибнетъ отъ сострадательности.

Какъ Грецiя — отъ софистовъ и Римъ—отъ «паразитовъ» (прихлѣбатели за столомъ оптиматовъ).

Механизмъ гибели европейской цивилизаціи будетъ заключаться въ параличѣ противъ всякаго зла, всякаго негодяйства, всякаго злодѣянія: и въ концѣ временъ злодѣи разорвутъ міръ.

Замѣтьте, что уже теперь тѣснится, осмѣивается, пренебрежительно оскорбляется все доброе, простое, спокойное, по-просту добро-

дѣтельное. Онъ зарѣзалъ 80-лѣтнюю бабку и ея 8-лѣтнюю внучку. Всѣ молчатъ. «Не интересно». Вдругъ рѣзчика «мѣщанинъ въ чуйкѣ» («Преступленіе и наказаніе») полоснулъ по мордѣ. Всѣ вскакиваютъ: «онъ оскорбилъ *лицо человѣческое*», онъ «совершилъ некультурный актъ».

Такъ-что собственно (погибнетъ) не отъ сострадательности, а отъ лже-сострадательности... Въ какомъ-то *изломѣ* этого... Цивилизаціи гибнутъ отъ извращенія основныхъ добродѣтелей, стержневыхъ, «на роду написанныхъ», на которыхъ «все тѣсто взошло»... Въ Греціи это былъ умъ, σωφία, въ Римѣ— volo, «господствую», и у христіанъ— любовь. «Гуманность» (общества и литературы) и есть ледяная любовь...

Смотрите: ледяная сосулька играетъ на зимнемъ солнцѣ и кажется алмазомъ.

Вотъ отъ этихъ «алмазовъ» и погибнетъ все...

Какъ съ головной болью каждый день по утру:—«Почему не позвалъ Карпинскаго?» «Почему не позвалъ Карпинскаго?» «Почему не позвалъ Карпинскаго?»

(все лѣто 1912 г.)

... а по-моему только и нужно писать «Уед.»: для чего-же писать «въ ротъ» читателю.

Души въ васъ нѣтъ, господа: и не выходитъ литературы.

(за ужиномъ: о печати)

... правъ старый мой вопросъ Соловьеву («О свободѣ и вѣрѣ»): «да зачѣмъ *вамъ* свобода?» Свобода нужна *содержанію* (чтобы ему *развиваться*), но какая-же и зачѣмъ свобода безсодержательному? А вѣдь русское *общество* безсодержательно.

Русскій человѣкъ не безсодержателенъ,—но русское общество безсодержательно.

Издали:

— Мама! Мама!

— Дура: да ты подойди къ больной матери, чѣмъ ее къ себѣ звать.

30 ящиковъ мужики выносятъ на лошадей.

— Ну, хорошо... Мама, зачѣмъ ты уложила мой пеналъ? Онъ мнѣ нуженъ.

15 лѣтъ. Ростъ—съ мать. Гимназистка «новой школы съ лучшими методами».

Пріѣхала съ экскурсіи. Видѣла Кіевъ, т. е. вагонъ поѣзда, который шелъ въ Кіевъ. Всѣ платки потеряла, и новая кофточка—никуда.

(переѣздъ на новую квартиру)

Глубокое недоумѣніе, какъ-же «меня» издавать? Если «всѣ сочиненія», то выйдетъ «Россіада» Хераскова, и кто-же будетъ читать?— (эти чуть не 30 томовъ?). Авторъ «въ 30 томахъ» всегда = 0. А если избранное и лучшее, тома на 3: то̀ неудобное въ томъ, что нѣкоторыя *острыя стрѣлы* (завершенія, пики) *всего моего міросозерцанія* выразились просто въ *примѣчаніи* къ чужой статьѣ, къ Дернову, Фози, Сикорскому...

Какъ-же издавать? Полное недоумѣніе.

Вотъ странный писатель non ad typ., non ad edit.

Во всякомъ случаѣ тотъ будетъ врагъ мнѣ, кто будетъ «въ 30 т.»: это значитъ все похоронить.

(за ужиномъ на дачѣ)

Толстой не былъ вовсе религіознымъ лицомъ, религіозною душою,— какъ и Гоголь. И обоихъ страхъ передъ религіей—страхъ передъ тѣмъ, невѣдомымъ, *чужимъ*.

(27 мая 1912 г.)

Самый смыслъ мой осмыслился черезъ «друга». Все вочеловѣчилось. Я получилъ рѣчь, полетъ, силу. Все наполнилось «земнымъ» и вмѣстѣ какимъ небеснымъ.

Собственно мы *хорошо знаемъ*— единственно *себя*. О всемъ прочемъ— догадываемся, спрашиваемъ. Но если единственная «открывшаяся дѣйствительность» есть «я», то́ очевидно и разсказывай объ «я» (если съумѣешь и сможешь). Очень просто произошло «Уед.».

Самое *существенное*—просто *дѣйствительность*.

(за уборкою книгъ и въ мысли, почему я издалъ. «*Ред.*»)

Несутъ газеты. Письма. Я, взглянувъ:

— Отъ Вари (изъ Царскаго, школа) письмо. Пишетъ...

— Нѣтъ, дай очки... Надя! (горничной), дайте очки! Я сама...

А и пишетъ-то всего:

«Дорогая мамочка! Цѣлую тебя крѣпко, крѣпко, какъ твое здоровье. Поклонъ всѣмъ. Я здорова, пріѣду въ эту субботу. Очень хочется домой, безъ Тани соскучилась. Прощай

твоя Варя Розанова».

Я не хочу истины, я хочу покоя.

(пост доктора)

Совсѣмъ подбираюсь къ могилѣ. Только одна мысль—о смерти.

Какъ могъ я еще годъ назадъ писать о «литерат. значительности». Какъ противно это. Какъ тупо.

(послѣ доктора; «процессъ въ корковомъ веществѣ идетъ»)

Ошибочный діагнозъ Бехтерева въ 1898 году все погубилъ (или невнимательный? или «успокоительный»?). Но какъ можно было предположить невнимательность послѣ моего длиннаго письма, на которое послѣдовало разрѣшеніе «аудіенціи у знаменитости».

Какъ могъ я и мама не повѣрить и не успокоиться? Академикъ. 1-й авторитетъ въ Россіи по нервнымъ и *мозговымъ болѣзнямъ*.

Онъ сказалъ (о діагнозѣ Анфимова, — профессора въ Харьковѣ, который я ему изложилъ въ письмѣ): «Увѣряюсь, что у нея этого нѣтъ!» (твердо, твердо! и — радостно). «Проф. Анфимовъ не примѣнилъ къ ней этого новѣйшаго пріема

изслѣдованія колѣнныхъ рефлексовъ, состоящаго въ томъ, чтобы далеко назадъ отвести локти и связать ихъ, и уже тогда стукать молоточкомъ по колѣну» (сухожильные рефлексы, опредѣляющіе *цѣлость* или *идущій процессъ разрушенія* въ нервной ткани).

Ничего не понимая въ этомъ, мы изъ чрезмѣрнаго, смертельнаго испуга, при которомъ у обоихъ «ноги подкосились» (t., cer. sp., по Анфимову) перешли къ неудержимой радости.

«Изъ смерти выскочишь» конечно какъ безумнымъ. *Имѣло* Анфимовой болѣзни и не было у нея, какъ разъяснилъ Карпинскій, и Анфимовъ ошибся въ діагнозѣ; болѣзнь была совершенно *лечимая* и *относительно излечимая* (но конечно безъ запаздыванія).

Восторгъ, что Бехтеревъ, 1-й авторитетъ, отвергъ, былъ неописуемъ. (Анфимовъ и сказалъ, въ 1898-мъ году, что, «вернувшись въ Петербургъ» — съ Кавказа — «пока-

жите свѣтиламъ тамошнимъ, прежде всего Бехтереву, и провѣрьте мой діагнозъ»).

И потомъ мы уже предупреждали другихъ врачей: «Бехтеревъ сказалъ, что — *ничего*», что «это *врожденная аномалія*, что зрачки въ глазахъ неравномѣрны».

И Наукъ 5 лѣтъ пичкалъ бромомъ и камфарой, все «успокаивалъ нервы» человѣку, у котораго шелъ разрушительный медленный процессъ въ ткани нервной системы. «Обратите вниманіе на головныя боли», говорилъ я. «Всегда ночью, всегда боль (давленіе) въ темени». Онъ пропускалъ молчаніемъ, выслушавъ. И то, что онъ слышалъ, и то, что молчалъ и не распрашивалъ (не вцѣпливался въ явленіе), успокоило меня, заставивъ все отнести (къ «*постоянной* причинѣ») къ малокровію (всего тѣла и слѣд. *головы*), о коемъ у нея давно сказали всѣ врачи (съ 1-го ребенка, когда не могла кормить, — не было молока).

Но теперь и «не было молока» разъяснилось.

И все повернулъ Карпинскій: — «Да позвольте! Бехтеревъ или не Бехтеревъ сказалъ, но если исчезли *эти* и *тѣ* рефлексы (зрачка и сухожилій), то значитъ разрушены мозговые центры, откуда выходятъ эти *движущіе* (заѣдующіе *сокращеніемъ*) нервы. Значитъ ихъ—*нѣтъ*! и болѣзнь—*есть*; и значитъ надо только искать: *отчего* это произошло?»

Какъ по желѣзной линейкѣ провелъ перомъ. И діагнозъ Бехтерева палъ и все открылось.

«Не было-бы ни ранняго склероза артерій, еслибы своевременно лечить, ни перерожденія сердечныхъ клапановъ, ни — въ зависимости отъ этого—удара» (Карпинскій).

Все было-бы спасено. Теперь все поздно.

«Провѣримъ леченіемъ», сказалъ Карпинскій. И едва было начато специфическое леченіе, какъ *по всѣмъ частямъ* началось улучшеніе: давленіе въ груди (аорта) исчезло, голов-

ныя боли пропали, выдѣленія кр. стали въ норму, чего не могли добиться всѣ гинекологи (тоже мастера,—не посмотрѣли въ зрачки).

Но это ужъ «кое-что», что́ мы стали поспѣшно хватать. Испорчено сердце, испорчены жилы.

Зрачки-же, по ясности и неколеблемости какъ симптома, есть то́же самое въ медицинѣ, что въ наукѣ географіи есть «Лондонъ въ Англіи»: и этого «Лондона въ Англіи» не знали Мержеевскій (въ Аренсбургѣ), Наукъ, Розенблюмъ (въ Лугѣ) и еще другіе.

Когда я говорилъ о болѣзни А. А. Столыпину, онъ спросилъ:

— Кто у васъ докторъ (постоянный)?

— Наукъ.

— И держитесь *его*.

Дѣйствительно, онъ имѣлъ массу практики въ Петербургѣ. Эти твердые слова Столыпина такъ на меня повліяли.

Мой совѣтъ читателямъ: *провѣрять врача по книгамъ*. Потому-что

они «не знают» часто «Лондона». Эта дикая ошибка Анфимова, Бехтерева и Наука погубила на 15 лѣтъ нашу жизнь, отнявъ мать у дѣтей и «столпъ дома»—у дома.

. . . . . .

— Ну, что-же, придетъ и вамъ старость, и также будете одиноки.

Неинтересны и одиноки.

И издадите стонъ и никто не услышитъ.

И постучите клюкой въ чужую дверь, и дверь вамъ не откроется.

(колесо судебъ; поколѣнія)

Да, они славные. Но все лежать.

(вообще русскіе)

Государство ломаетъ кости тому, кто передъ нимъ не сгибается или не встрѣчаетъ его съ любовью какъ невѣста жениха.

Государство есть *сила*. Это—его главное.

Поэтому единственная порочность государства — это его слабость. «Слабое государство»—contradictio in adjecto. Поэтому «слабое государство» не есть уже государство, а просто—*нѣтъ*.

(*прислонясь къ стѣнѣ дома на Надеждинской*)

До 17-ти лѣтъ она проходила Крестовые походы, потомъ у нихъ разбирали въ классѣ «Чайльдъ Гарольда» Байрона.

Съ 17-ти лѣтъ она поступила въ 11-ое почтовое отдѣленіе и записываетъ заказную корреспонденцію. Кладетъ печати и выдаетъ квитанціи.

(къ исторіи русской революціи)

Въ энтузіазмѣ:

— Если бросить бомбу въ русскій климатъ, то **конечно** онъ станетъ какъ на южномъ берегу Крыма!

Городовой:

— Полноте, барышня: климатъ не перемѣнится, пока не прикажетъ начальство.

(*наша революція*)

Человѣкъ живетъ какъ соръ и умретъ какъ соръ.

Литературу я чувствую какъ штаны. Также близко и вообще «какъ свое». Ихъ бережешь, цѣнишь, «всегда въ нихъ» (постоянно пишу). Но что́-же съ ними церемониться???!!!

Всѣ мои «выходки» и всѣ подробности: что я не могу представить литературу «внѣ себя», напр. внѣ «своей комнаты».

(рано утромъ, вставъ)

«Знаю» мое о ней—только физическое, касательное, и оно болѣе поверхностно, чѣмъ глубина моего «не знаю». И отъ этихъ качаній, гдѣ чаша (небытія) перевѣшиваетъ—и происходитъ все.

Конечно я знаю (вижу), что *есть* журналы, газеты и «какъ все устроено». Подписка и почта. Но «какъ въ сновидѣніи» и почти «не вѣрю». Сюда я не прошусь и «имени своего здѣсь не рѣку». Вообще «тутъ»—мнѣ все равно.

Дорогое (въ литературѣ)—именно штаны. Вѣчное. теплое. Безцеремонное.

Очень около меня много пуху и перьевъ летитъ. И отъ этого «вся литература моя» какъ-то некрасива.

Я боюсь, среди сраженій
Ты утратишь навсегда
Нѣжность ласковыхъ движеній,
Краску нѣги и стыда.

Мой идеалъ—Передольскій и Буслаевъ. Буслаевъ въ спокойной разумности и высокой человѣчности.

(на клочкѣ бумаги, гдѣ это было записано, Вѣрунька—VII кл. Стюниной, вся въ пафосѣ и романтизмѣ, приписала:)

«Невѣрно, неправда, ибо ты былъ первый, что смогъ такъ ярко и полно выразить то, что хотѣлъ. Твоя литература

есть *ты*, весь *ты* съ твоей душой мятежной, страстной и усталой. Никто этого не смогъ сдѣлать въ такой яркой (формѣ?) и такъ полно отразить каждое свое движеніе».

Интересно, что думаютъ ребятишки о своемъ «папѣ». Первое «Уедин.», когда лежала пачка корректуръ (уже «прошли»), я вдругъ увидѣлъ ихъ усѣянными карандашными замѣтками,—и часто возраженіями. Я не зналъ, кто. Съ Вѣрой не разговаривалъ уже мѣсяцъ (сердился): и былъ пораженъ, узнавъ, что это — *она*. Написано было съ большой любовью. Вообще она бурная, непослушливая, но способна къ любви. Въ дому съ ней никто не можетъ справиться и «отступились» (съ 14-ти лѣтъ). Но она славная и дай Богъ ей «пути»!

Тайна писательства въ кончикахъ пальцевъ, а тайна оратора въ кончикѣ его языка.

Два эти таланта, ораторства и писательства, никогда не совмѣщаются. Въ обоихъ случаяхъ умъ играетъ очень мало роли; это—справочная библіотека, контора, бюро и проч. Но не паѳосъ и не талантъ, который исключительно *тѣлесенъ*.

(21 ноября, въ праздникъ Введенія. Любимый мой праздникъ,—по памяти милой Введенской церкви въ Ельцѣ)

Только оканчивая жизнь видишь, что вся твоя жизнь была поученіемъ, въ которомъ ты былъ невнимательнымъ ученикомъ.

Такъ я стою передъ своимъ невыученнымъ урокомъ. Учитель вышелъ. «Собирай книги и уходи». И радъ былъ-бы, чтобы кто-нибудь «наказалъ», «оставилъ безъ обѣда». Но никто не накажетъ. Ты—вообще никому не нуженъ. Завтра будетъ «урокъ». Но для другого. И другіе будутъ заниматься. Тобой никогда болѣе не займутся.

...а все-таки «мелочной лавочки» изъ души не вытрешь: все какіе-то досады, гнѣвы, самолюбіе;—и грошъ имъ цѣна, и минута времени; а есть, сидятъ, и не умѣешь не допустить въ душу.

(на уединенной прогулкѣ)

Протоіерей Ш. хоронилъ мать. И онъ былъ старый, а она совсѣмъ древняя. Столѣтняя.

Провожалъ и староста соборный, онъ-же и городской голова.

Они шли и говорили въ полъголоса. Разговоръ былъ заботливый, дѣловой. И говорили до самаго кладбища.

Отворили ворота. Внесли. Пропѣли. Онъ проговорилъ заупокойное.

Опустили въ землю и поѣхали домой.

(*воспоминаніе*)

Мамаша томилась.

— Сбѣгай, Вася, къ отцу Александру. Причаститься и исповѣдоваться хочу.

Я побѣжалъ. Это было на Нижней Дебрѣ (Кострома).

Прихожу. Говорю. Съ неудовольствіемъ:

— Да вѣдь я-жъ ее двѣ недѣли тому исповѣдовалъ и причащалъ.

Стою. Перебираю ноги въ дверяхъ.

— Очень проситъ. Сказала, что скоро умретъ.

— Такъ вѣдь двѣ недѣли!—повторилъ онъ громче и съ неудовольствіемъ. Чего ей еще?

Я надѣлъ картузъ и побѣжалъ. Сказалъ. Мама ничего не сказала и скоро умерла.

(въ 1869 или 1870 году)

«Буду въ гробу лежать и все-таки буду работать».

Какъ отчеканено.

И, едва стоя на ногахъ, налила вѣрно,—ни жидко, ни крѣпко,—мнѣ чаю.

(за завтракомъ)

Но это—«и въ гробу работаю»—вся ея личность.

(8 ноября)

— «Душа еще жива. Тѣло умерло».

(черезъ 2 часа, когда брела къ Тань въ комнату, на слова мои: «куда ты, легла-бы». 8 ноября)

Въ одинъ день консиліумъ изъ 4-хъ докторовъ: Карпинскій, Куковѣновъ, Шервалль, Гринбергъ. И—судъ надъ «Уединеннымъ». Нужно возиться съ цензурнымъ глубокомысліемъ. Надо подать на Высочайшее имя—чтобы отбросить всю эту чепуху. «У насъ есть свое Habeas corpus—право всякаго русскаго просить защиты лично у Государя» (замѣчательныя слова Рцы).

(10 ноября, суббота)

Иногда чувствую что-то чудовищное въ себѣ. И это чудовищное—моя задумчивость. Тогда въ кругъ ея очерченности ничто́ не входитъ.

Я каменный.

А камень—чудовище.

Ибо нужно любить и пламенѣть.

Отъ нея мои несчастія въ жизни (былая служба), ошибка всего пути (былъ только «выходя изъ себя» внимателенъ къ «другу» и ея болямъ) и «грѣхи».

Въ задумчивости я ничего не могъ дѣлать.

И съ другой стороны все могъ дѣлать («грѣхъ»).

Потомъ грустилъ: но уже было поздно. Она съѣла меня и все вокругъ меня.

(7 декабря 1912 г.)

Грубость и насиліе приноситъ 2% «успѣха», а ласковость и услуга 20% «успѣха».

Евреи раньше всѣхъ другихъ, еще до Р. Х., поняли это. И съ тѣхъ поръ всегда «въ успѣхѣ», а противники ихъ всегда въ «не-успѣхѣ».

Вотъ и вся исторія, простая и сложная.

Еврея ругающагося, еврея, который бы колотилъ другого, даже еврея грубящаго — я никогда не видалъ. Но ихъ иголки глубоко колются. Въ торговлѣ, въ богатствѣ, въ чести—вотъ когда они начинаютъ все это отнимать у другихъ.

Чиновничество оттого ничего и не задумываетъ, ничего не предпринимаетъ, ничего новаго не начинаетъ, и даже все «запрещаетъ», что оно «разсчитано на маленькихъ».

«Не разсчитывайте въ человѣкѣ на большое. Разсчитывайте въ немъ на самое маленькое».—Система съ разсчетомъ «на маленькое» и есть *чиновничество.*

(на повѣсткѣ на «Вечеръ Полонскаго»)

Заранѣе рѣшено, что человѣкъ не геній. Кромѣ того онъ естественный мерзавецъ. Въ итогѣ этихъ двухъ «увѣренностей» получился чиновникъ и рѣшеніе вездѣ завести чиновничество.

Если государство «все разваливается», если Церковь «не свята», если человѣку «вѣрить нельзя», то тутъ, здѣсь и тамъ невольно поставишь чиновника.

(на повѣткѣ на «Вечерѣ Полонскаго)

Все «казенное» только формально существуетъ. Не бѣда, что Россія въ «фасадахъ»: а что фасады-то эти—пустые.

И Россія—рядъ пустóтъ.

«Пусто» правительство — отъ мысли, отъ убѣжденія. Но не утѣшайтесь—пусты и университеты.

Пусто общество. Пустынно, воздушно.

Какъ старый дубъ: корка, сучья—но внутри—пустóты и пустóты.

И вотъ въ эти пустоты забираются инородцы; даже иностранцы забираются. Не въ силѣ ихъ натиска—дѣло, а въ томъ, что нѣтъ сопротивленія имъ.

Эгоизмъ партій—выросшій надъ нуждою и страданіемъ Россіи;—вотъ Дума и журнальная политика.

Конечно, я умру *все-таки съ Церковью*, конечно Церковь мнѣ *неизмѣримо больше нужна чѣмъ литература* (совсѣмъ не нужна) и *духовенство все-таки всѣхъ* (сословій) *милѣе*. Но среди ихъ умирая я все-таки умру съ какой-то *мукой о нихъ*.

Иванъ Павловичъ погладитъ по щекѣ, улыбнется, скажетъ: «Ну, ничего...». Фл. посмотритъ долгимъ взглядомъ и ничего не скажетъ. Дроздовъ скажетъ: «давайте, я васъ исповѣдую». Все-таки это не «лекція потомъ» Кусковой, не рефератъ обо мнѣ Философова и не «вѣнокъ отъ редакціи».

(вставъ рано по-утру, 9 декабря)

То, что̀ *есть*, мнѣ кажется невѣроятнымъ, а чего «нѣтъ», кажется дѣйствительнымъ.

Отсюда свобода, мука и ненужность (своя).

(рано утромъ вставъ)

Когда человѣкъ спитъ, то онъ конечно «не совершаетъ грѣха». Но какой-же отъ этого толкъ?

Этотъ «путь бытія» утомителенъ у русскихъ.

(*на извозчикѣ*)

Грѣху и преступнику заготовлена такая казнь, какой люди не придумаютъ.

(на извощикъ; 14 мая—о тоскѣ молодежи)

27

Еврей всегда начинаетъ съ услугъ и услужливости и кончаетъ властью и господствомъ.

Отъ того въ первой фазѣ онъ неуловимъ и неустранимъ. Что вы сдѣлаете, когда вамъ просто «оказываютъ услугу»? А во второй фазѣ никто уже не можетъ съ нимъ справиться. «Вода затопила все».

И гибнутъ страны, народы.

(за набивкой табаку)

Умеръ Суворинъ: но кругомъ его—дѣла его, духъ его, «все» его. Также шумитъ типографія, и шумитъ газета, и вотъ-вотъ кажется «сходить-бы съ корректурой на верхъ» (въ кабинетъ, «къ самому»).

А нѣтъ его. «Нѣтъ», — и какъ будто «есть». Это между «нѣтъ» и «есть» колебаніе — какое-то страшное. Что-то страшное тутъ.

Даже еще увеличиваетъ ужасъ смерти и отвратительное въ ней. «Человѣкъ какъ будто съ нами»: это еще гораздо ужаснѣе, чѣмъ «его болѣе нѣтъ». — Въ «его болѣе нѣтъ» — грусть, тоска, слезы; тутъ — работа продолжается, и это отъемлетъ у смерти ея грусть, ея тоску, ея смыслъ, ея «все».

«Человѣкъ какъ будто не умиралъ»: и это до того страшно и чудовищно для того, кто *вѣдь дѣйствительно умеръ* и ему только то одно и важно, что *его болѣе нѣтъ* и онъ *перешелъ въ какую-то новую дѣйствительность*, въ которой «газетъ ужъ во всякомъ случаѣ нѣтъ».

И оставленъ *нами*, суетящимися, «совсѣмъ одинъ» въ этой страшной новой дѣйствительности.

(за нумизматикой)

«Споръ выяснить истину», напр. споръ Юркевича съ Чернышевскимъ. Споръ Пуришкевича и Милюкова доводилъ даже до оплеухъ: это уже небесная истина.

(объ аксіомѣ 60-хъ годовъ)

Это во 2-ой разъ въ моей жизни: корабль тонетъ — а пушки стрѣляютъ.

1-й разъ было въ 1896—7—8 году: контроль, чванливо - ненавидяще-надутый Т. И. Ф., редакціи «своихъ изданій» (консервативныхъ), не платящія за статьи и кладущія «подписку» на текущій счетъ, дѣти и жена и весь «юдридическій непорядокъ» около нихъ, въ душѣ—какая-то темная мгла, прорѣзаемая блёсками гнѣва: и я, «заворотивъ пушки», началъ пальбу «по своему лагерю» -- всѣхъ этихъ скупыхъ (не денежно) душъ, всѣхъ этихъ лѣнивыхъ душъ, всѣхъ этихъ бездарныхъ душъ.

Пальбу вообще по «хроменькимъ, убогенькимъ и копящимъ деньжонку», по вяленькимъ, холодненькимъ и равнодушнымъ.

. . . . . .

Кромѣ «друга» и ея вѣчной молитвы (главное), поворотъ «вправо» много былъ вызванъ Н. Р. Щ., Фл. и Цв.—«Эти сами все отдали». И я съ хр — вомъ нравственно примирился. *Нравственное*-то расхожденіе, за которымъ уже *потомъ* я нашелъ и метафизическое расхожденіе, и было главное.

(за занятіями)

М. б. я всю жизнь прожилъ «безъ Руси» («идейныя скитанія»), но хочу умереть съ Русью и быть погребеннымъ съ русскими.

Кромѣ русскихъ, единственно и исключительно русскихъ, мнѣ вообще никто не нуженъ, не милъ и не интересенъ.

(прочтя въ «Колоколѣ» объ ужасномъ погребеніи Шуваловскаго— на еврейскомъ кладбищѣ по еврейскому обряду; онъ всю жизнь считался православнымъ)
(2 ноября 1912, въ ват...)

Линяетъ, линяетъ человѣкъ. Да и весь міръ въ вѣчномъ полиняніи. Съ каждымъ кусочкомъ хлѣба въ насъ входитъ новый кусочекъ тѣла: и мы не только ѣдимъ, но и съѣдаемъ самихъ себя, сами себя перевариваемъ и «извергаемъ вонъ»... Какъ-же намъ оставаться «все тѣмъ-же».

Самыя планеты движутся *все уклоняясь отъ прямой*, все *отступая* отъ вчерашняго пути. «По планетѣ—и человѣкъ».

Клонимся, жмемся... пока — умремъ!

И вотъ тогда уже станемъ «не сгибаемы» и «безъ перемѣнъ»...

(13 декабря 1912 г.)

Да, если сѣмя —грязь, то конечно «онъ запачкалъ ее».

Грязь-ли?

Сѣмя яблока есть яблоко, сѣмя пшеницы есть пшеница: а сѣмя человѣка *повидимому* человѣкъ?

Такъ онъ далъ ей человѣка? Конечно—это ребенокъ отъ него. Такъ почему-же говорятъ — «это грязь» и «онъ запачкалъ ее»?

Не понимаю.

(13 декабря 1912 г.)

Цивилизація не на улицахъ, цивилизація въ сердцѣ.

Т. е. ея корень.

«Услуги» еврейскія какъ гвозди въ руки мои, *ласковостъ* еврейская какъ пламя обжигаетъ меня.

Ибо пользуясь этими услугами погибнетъ народъ мой, ибо обвѣянный этой ласковостью задохнется и сгніетъ мой народъ.

(на письмѣ Г—а объ евреяхъ, 28 декабря)

Ибо народъ нашъ неотесанъ и грубъ. Жёстокъ.

Всѣ побѣгутъ къ евреямъ. И черезъ сто лѣтъ «все будетъ *у евреевъ*».

Къ 57 годамъ я достигъ свободы книгопечатанія. Свобода печати состоитъ въ томъ, если книги окупаютъ стоимость своего изданія. До «Итал. впечатл.» все было въ убытокъ, и издавать значило разоряться. Конечно я не имѣлъ «свободы пера» и «свободы духа» и вообще никакой свободы.

Но теперь я свободно показываю кулакъ. Книжки мои, — не знаю, черезъ *кого*, *какъ* — быстро раскупаются сейчасъ по выходѣ въ нѣсколькихъ сотняхъ экземплярахъ, и въ теченіе 2-хъ лѣтъ (срокъ типографскихъ счетовъ, по условію) окупаютъ сполна все.

И теперь мнѣ «читателя» не нужно и «мнѣнія» не нужно. Я печатаю что́ хочу—душа моя свободна.

(*за табакомъ*)

Богъ мой, Вѣчность моя: отчего
Ты далъ столько печали мнѣ?

Отчего нумизматика пробуждаетъ столько мыслей?

Своей бездумностью. И «думки» летятъ какъ птицы, когда глазъ разсматриваетъ и вообще около монетъ «копаешься». Душа тогда свободна, высвобождается. «Механизмъ занятій» (въ нумизматикѣ) отстранилъ душевную боль (всегда), душа отдыхаетъ, не страдаетъ. И вылетѣвъ изъ подъ боли, *которая подавляетъ самую мысль*, душа расправляется въ крыльяхъ и летитъ-летитъ.

Вотъ отчего я люблю нумизматику. И отдаю ей поэтичнѣйшіе ночные часы.

(за нумизматикой)

Нашъ вьюнъ все около кого-то вьется, что-то вынюхиваетъ и гдѣ-то даже подслушиваетъ (удивившее сообщеніе Вл. Мих. Дорошевича). «Душа на распашку», тонъ «подъ мужичка» или «подъ мастерового»,— грубитъ, шутитъ, балагуритъ, «распахнайтесь, господа». Но подъ всѣмъ этимъ куда-то втирается и съ кѣмъ-то вяжывается «въ дружбу». А методъ вязываться въ дружбу одинъ: вставить комплементикъ въ яко-бы иронію и подшучиваніе. Такъ что съ виду демократъ всѣхъ ругаетъ, но демократа всѣ приглашаютъ къ завтраку. Сытно и побылъ въ хорошемъ обществѣ. Ахъ, это «хорошее общество» и меня съ ума сводитъ. Дома закута и свои сидятъ

въ закутѣ, но хлопотливый публицистъ ходитъ по хорошимъ паркетамъ, сидитъ на шелковой мебели и завтракаетъ съ банкиромъ и банкиршей или съ инженеромъ и инженершей. У нихъ шляпы «во́-какія», а жена ходитъ въ русскомъ платочкѣ.

(замусоренный демократъ)

Безъ тѣлесной пріятности нѣтъ и духовной дружбы. Тѣло есть начало духа. Корень духа. А духъ есть запахъ тѣла.

У Рцы въ желудкѣ — аріи изъ «Фигаро», а въ головѣ — велико, постная «Алилуія». И эти двѣ музыки сплетаютъ его жизнь.

Единственный, кого я встрѣтилъ, кто совмѣстилъ въ себѣ (*безъ мертваго эклектизма*) совершенно несовмѣстимые контрасты житія, звуковъ, рисунковъ, штриховъ, тѣней; идеаловъ, «памятокъ», грезъ. По «амплитудѣ размаха» маятника это самый *обширный* человѣкъ изъ мною встрѣченныхъ въ жизни.

А не выходитъ не только на улицу, но даже въ палисадникъ при домѣ.

(*на оборотѣ транспаранта*)

Язычество есть младенчество человѣчества, а дѣтство въ жизни каждаго изъ насъ — это есть его естественное язычество.

Такъ что мы всѣ проходимъ «черезъ древнихъ боговъ» и знаемъ ихъ по инстинкту.

Собственно нравственно (не въ книжно-теоретическомъ значеніи, а въ житейскомъ и практическомъ) есть такая вещь, о которой также не говорятъ, какъ о воздухѣ или кровообращеніи, «нужны-ли они»? Можно ее отрицать, но пока дѣло не коснулось *насъ* и *жизни*. Вотъ напр. всѣ писатели были *не добры* къ К. Леонтьеву, и не хотѣли ни писать о немъ, ни упоминать: то *какъ* онъ это чувствовалъ?! Эту *не-доброту* онъ проклиналъ, ненавидѣлъ, сплетничалъ о ней («дурные *личные* мотивы»), отталкивалъ ее, звалъ замѣнить ее *добротою*, чтобы «были *отзывы о немъ*». Это—*фактъ*, и о немъ говоритъ вся біографія Леонтьева, плачутъ и кри-

чать объ этой «*недоброть людей*» всѣ его письма и ко всѣмъ лицамъ. Какъ-же осуждать людей еще въ ужаснѣйшихъ страданіяхъ *голода*, *бѣдности*, *угнетенія личнаго* и *народнаго*, когда они тоже зовутъ *доброту* и недоброту проклинаютъ. Теоретически можно противъ этого спорить, и Леонтьевъ спорилъ, но это и показываетъ, до чего онъ былъ теоретикомъ и Донъ-Кихотомъ «эгоистическаго Я», а не былъ вовсе жизненнымъ человѣкомъ, со всей суммой реальныхъ отношеній. Также онъ допускалъ «лукавство»: но представимъ, что изъ его домашнихъ слугъ, которыхъ онъ такъ любилъ и ихъ вѣрностью былъ счастливъ, во-первыхъ обои-бы обманывали его на провизіи, на деньгахъ, а во-вторыхъ (слуги были мужъ и жена, и бракъ ихъ устроилъ Л—въ) мужъ обманывалъ-бы жену, и «великолѣпно какъ Алкивіадъ» имѣлъ-бы любовницъ на сторонѣ? Явно, Л—въ-бы взбунтовался, проклиналъ и былъ несчастенъ. По этимъ мо-

тивамъ «весь Леонтьевъ» въ сущности есть—«все одни разговоры», ну, согласимся — Великіе Разговоры. Но — и только. А «хорошій разговоръ» не стоитъ пасхальнаго кулича. **Жилъ**-же Леонтьевъ и **практически желалъ** всего того, что «средній европеецъ» и «буржуа въ пиджакѣ».

(на визитной карточкѣ Родановича)

По обстоятельствамъ климата и исторіи у насъ есть одинъ «гражданскій мотивъ»:

— Служи.

Не до цвѣточковъ.

Голодъ. Холодъ. Стужа. Куда-же тутъ республики устраивать? Родится картофель да морковка. Нѣтъ, я за самодержавіе. Изъ теплаго дворца управлять «окраинами» можно. А на морозѣ и со своей избой не управишься.

И республики затѣваютъ только люди «въ своемъ теплѣ» (декабристы, Герценъ, Огаревъ).

(за набивкой табаку)

Спрашивалъ Г. о «Пути» и Морозовой...

Удивительная по уму и вкусу женщина. Оказывается не просто «бросаетъ деньги», а одушевлена и во всемъ сама принимаетъ участіе. Это важнѣе, чѣмъ больницы, пріюты, школы.

Загаженность литературы, ея оголтѣло-радикальный характеръ, ея кабакъ отрицанія и проклятія— это въ Россіи такой ужасъ, не побѣдивъ который нѣчего думать о школахъ, ни даже о леченіи больныхъ и кормленіи голодныхъ.

Душа погибаетъ: что-же тутъ тѣло.

И она взялась за душу.

Конечно, ее понесли бы на рукахъ, покорми она изъ своего милліона разныхъ радикалистовъ.

Она это не сдѣлала.

Теперь ее клянутъ. Но благословятъ въ будущемъ.

Изданные уже теперь «Путемъ» книги гораздо превосходятъ содержательностью, интересомъ, цѣнностью «Сочиненія Соловьева» (вышла дѣятельность изъ «Кружка Соловьева»). Между тѣмъ книги эти всѣ и не появились-бы, не будь издательницы. Так. обр. простое богатство, «нищая вещь передъ Богомъ», въ умныхъ рукахъ сотворила какъ-бы «второго философа и писателя въ Россіи, Соловьева».

Удивительно.

Нельзя не вспомнить параллельную дѣятельность тихаго, скромнаго и умнаго священ. Антонова («Религіозные философы на Руси»).

Тамъ поднимаются Цвѣтковъ и Андреевъ.

Со всѣхъ сторонъ поднимаются *положительныя зори*.

Уроди намъ, Боже,—хлѣбъ
мое богатство!

Несомнѣнно однако, что западники лучше славянофиловъ *шьютъ сапоги.* Токарничаютъ. Плотничаютъ.

«Сапоговъ»-же никакимъ Пушкинымъ нельзя опровергнуть. Сапоги носилъ самъ Александръ Сергѣевичъ, и притомъ любилъ хорошія. Западникъ ихъ и сошьетъ ему. И возьметъ, *за небольшой и честный процентъ*, имѣніе въ залогъ, и вызволитъ «изъ нужды» сего «гуляку-празднаго», любившаго и картишки и все.

Какъ *духъ*—западничество ничто. Оно не имѣетъ содержанія.

Но нельзя забывать практики, практическаго веденія дѣлъ, всего этого «жидовства» и «американизма»

въ жизни, которыя почти цѣликомъ нужно предоставить западникамъ, ибо они это *одни улыютъ въ Россіи*. И конституція, и сапогъ. Не славянофилы-же будутъ основывать «Ссудо-сберегательную кассу» и первый «Русскій банкъ». А онъ *тоже нуженъ*.

(13 декабря)

Во мнѣ ужасно есть много *гниды*, копошащейся около корней волосъ.

Невидимое и отвратительное.

Отчасти отсюда и глубина моя (вижу корни вещей, гуманенъ, не осуждаю, сострадателенъ).

Но какъ тяжело такимъ жить.

Т. е. что *такой*.

Смыслъ Христа не заключается-ли въ Геѳсиманіи и крестѣ? Т. е. что Онъ—Собою далъ образъ человѣческаго страданія, какъ-бы сказавъ или указавъ или промолчавъ:

— Чадца Мои,—избавить я васъ не могу (всетаки *не могу!* о, какъ это ужасно): но вотъ, взглядывая на Меня, вспоминая Меня *здѣсь*, вы нѣсколько будете утѣшаться, облегчаться, вамъ будетъ легче—что и *Я страдалъ*.

Если такъ: и онъ пришелъ *утѣшить* въ страданіи, котораго обойти невозможно, побѣдить невоэможно, и прежде всего въ этомъ ужасномъ страданіи смерти и ея приближеніяхъ...

Тогда все объясняется. Тогда Осанна...

Но *такъ* ли это? Не знаю.

Но во всякомъ случаѣ понятно тогда умолчаніе о бракѣ, о плоти, «не нужно обрѣзанія».

Когда тяжелый больной въ комнатѣ, скажемъ-ли: «обнажи удъ и отодвинь («обрѣжь») крайнюю плоть».

Въ голову не придетъ. Вкусъ отвращается.

И все «ветхозавѣтное прошло» и «насталъ Новый Завѣтъ».

Но такъ ли это? Не знаю. Впервые забрежжило въ умѣ.

(7 ноября 1912)

Если Онъ — Утѣшитель: то какъ хочу я утѣшенія; и тогда Онъ — Богъ мой.

Неужели?

Какая-то радость. Но еще не смѣю. Неужели мнѣ не бояться того, чего я съ такимъ смертельнымъ

ужасомъ боюсь; неужели думать—«встрѣтимся! воскреснемъ! и вотъ Онъ — Богъ нашъ! И все—объяснится».

Угрюмая душа моя впервые становится на эту точку зрѣнія. О, какъ она угрюма была, моя душа—еще съ Костромы: — вѣдь я ни въ воскресенье, ни въ душу, ни особенно въ Него—не вѣрилъ.

— Ужасно странно.

Т. е. ужасное было, а странное наступаетъ.

Неужели сказать: умремъ и ничего.

Неужели Ты велишь не бояться смерти?

Господи: неужели это Ты. Приходишь въ ночи, когда душа такъ ужасно скорбѣла.

Вовсе не университеты вырастили *настоящаго* русскаго человѣка, а добрыя безграмотныя няни.

Церковь есть не только *корень* русской культуры,—это-то очевидно даже для хрестоматіи Галахова,—но она есть и *вершина* культуры. Объ этомъ догадался Хомяковъ (и Кирѣевскіе), теперь говорятъ объ этомъ Фл. и Цв.

Рцы—тоже.

Между тѣмъ что̀ такое въ хрестоматіи Галахова Хомяковъ, Кирѣевскіе, князь Одоевскій? Даже не названы. Имена ихъ гораздо меньше, чѣмъ Ѳеофана Прокоповича и Мелетія Смотрицкаго, и ужъ куда въ сравненіи съ княземъ Антіохомъ Кантемиромъ и Ломоносовымъ.

«Оттого-что не писали стихотвореній и сатиръ».

По-истинѣ, точно «Хрестоматію Галахова» сочинялъ тотъ пижо́нъ, что выведенъ въ «Бригадирѣ» Фонъ-Визина. И все наше министерство просвѣщенія «отъ какого-то Вральмана».

Какъ понятенъ таинственный инстинктъ, заставлявшій Государей нашихъ сторониться отъ всего этого гимназическаго и университетскаго просвѣщенія, обходить его, не входить, или только рѣдко входить, въ гимназіи и университеты.

Это, дѣйствительно, все нигилизмъ, отрицаніе и насмѣшка надъ Россіей.

Какъ хорошо, что я проспалъ университетъ. На лекціяхъ ковырялъ въ носу, а на экзаменѣ отвѣчалъ «по шпаргалкамъ». Чортъ съ нимъ.

Святыя имена Буслаева и Тихонравова я чту. Но это не шаблонъ профессора, а «свое я».

Уважаю Герье и Стороженка, Ѳ. Е. Корша. Больше и вспомнить

нѣкого. Какіе-то обшмыганные мундиры. Забавенъ былъ «П. Г. Виноградовъ», ходившій въ черномъ фракѣ и въ цилиндрѣ, точно на балъ, гдѣ центральной люстрой былъ онъ самъ. «Потому что его уже приглашали въ Оксфордъ».

Бѣдная московская барышня, ангажированная иностранцемъ.

Выписалъ (черезъ Эрмитажъ) статуэтку Аписа изъ Египта. Подлинная. Бронза. Сей есть «телецъ изъ золота», коему поклонились евреи при Синаѣ, и которыхъ воздвигъ въ Веѳилѣ Іеровоамъ. Одна идея. Одно чувство. Именно *израильтянки* страстно приносили «золотыя украшенія» съ пальцевъ и изъ ушей, чтобы сдѣлали имъ это изображеніе.

Аписъ — здоровье. Сила. Огонь (мужескій).

А здоровье «друга» проглядѣлъ.

Отчего у меня всегда такъ глупо? Отчего вся моя жизнь «безъ разума» и «безъ закона».

Вся помертвѣвшая (безсиліе, сердце), съ оловянными тусклыми глазами (ужасно!!):

— Отъ кого письмо?

— Отъ Вѣры Ивановны (—съ недоумѣніемъ). На что-то пишетъ согласіе...

— Это я ей писала. Музыка Танѣ. Отвѣть, что «хорошо» и поблагодари.

Устроила «музыку» (уроки) Танѣ.

Таня съ ранцемъ бѣжитъ въ классы. Кофе не пила. Торопится. Опоздала. Поворачиваясь ей вслѣдъ:

«— Таня, вотъ тебѣ музыка. Слава Богу!»

Таня спѣшитъ и не оглянулась.

Кто-то васъ, дѣтки, будетъ устраивать безъ матери. Сами ничего не умѣете.

(7 ноября)

Шатается. Изъ рукъ моихъ выпадаетъ.

— У Тани печь топится?

— Нѣтъ.

— Отчего дымъ?

— Вѣчно дымъ. Домъ такъ устроенъ, что не топятъ, а дымно въ комнатѣ откуда-то.

Совсѣмъ падаетъ. Плетется до комнаты. Открыто окно и вѣтеръ хлеснулъ.

— Да пойдемъ назадъ! Пойдемъ-же, вѣтеръ!!

Не отвѣчая тащитъ меня къ печкѣ. Заслонка закрыта.

— Ну, видишь, не топится.

Дотащила меня до печи. Потрогала заслонку. Печь потрогала: горяча. Топили утромъ.

И, повернувъ назадъ, повалилась на кушетку.

Ждемъ Карпинскаго: день особенной слабости, полнаго изнеможенія. На ногахъ не стоитъ. Глаза потухающіе.

Таня вернулась изъ классовъ.

— Вѣру видѣла?

Вѣрѣ нездоровится и осталась дома.

— Какъ «видѣла»? Какъ-же я ее увижу, когда ты знаешь, что она дома.

Мнѣ:

— Она Вѣру не видѣла и пришла безъ Нади.

— Ну, что-же. У Нади позднѣе кончается и она придетъ потомъ.

— Отчего безъ Нади пришла? Не зашла за ней. Обѣ-бы и пришли вмѣстѣ, старшая и маленькая.

Надя бѣжитъ тутъ, — умывать руки (передъ обѣдомъ).

— Да вотъ Надя. Она дома. И значитъ вмѣстѣ пришли. (Надѣ:) Вмѣстѣ-ли?

— Вмѣстѣ.

Успокоилась. И горитъ. И нѣтъ силъ. Душа горитъ, а тѣло сохнетъ.

(7 ноября)

Отъ Вильборга (портретъ Суворина):

— Пришлю дополнительную смѣту.

Изъ Казани (письмо читается):

— У Николая...

— Какого «Николая»?

— Сынъ ея, т. е. матери моей, но отъ другого мужа. У Николая есть пріемная дочь. И вотъ плату за ученіе ея трудно ему взносить, и можетъ быть вы поможете?

Да я и «Николая» никогда не видалъ. Матери его не видалъ. Пріемной-же дочери невиданнаго сына никогда не видѣнной мною женщины уже совсѣмъ не видѣлъ, и не знаю, и совсѣмъ не понимаю сцѣпленія ихъ именъ съ моимъ...

Студентъ—длинное письмо: пишетъ, что тяжело обременять отца,

«а уроки — Вы знаете, что̀ такое уроки» (не знаю). «Прочелъ въ *Уедин.*,, что у васъ 35.000: поэтому не дадите ли мнѣ 2¹/₂ тысячи на окончаніе курса».

Почему «отцу тяжело», а «чужому человѣку не тяжело»? И почему не прочелъ тамъ-же, въ *Уед.*, что у меня «11 человѣкъ кормятся около моего труда». Но студенту вообще ни до чего другого, кромѣ себя, нѣтъ дѣла.

Фамилія не русская, къ счастью. 2¹/₂ т. не на взносъ платы за ученіе, а чтобы «не обременять отца» ѣдой, комнатой и прочее. Навѣрное — и удовольствіями.

«Честная молодежь» вообще далеко идетъ.

(7 ноября)

Мы проходимъ не зоологическую фазу существованія, а каменную фазу существованія.

АНКЕТА.

. . . . . .

— Кто самый благородный писатель въ современной русской литературѣ?

Выставился Оль-д-Оръ «откуда-то» и сказалъ:

— Я.

Русскій болтунъ вездѣ болтается. «Русскій болтунъ» еще не учитанная политиками сила. Между тѣмъ она главная въ родной исторіи.

Съ ней ничего не могутъ подѣлать,—и никто не можетъ. Онъ начинаетъ революціи и замышляетъ реакцію. Онъ созываетъ рабочихъ, послалъ въ первую Думу кадетовъ. Вдругъ Россія оказалась не церковной, не царской, не крестьянской,—и не выпивочной, не ухарской: а въ бѣлыхъ перчаткахъ и съ книжкой «Вѣстника Европы» подъ мышкой. Это необыкновенное и почти вселенское чудо совершилъ просто русскій болтунъ.

Русь молчалива и застѣнчива, и говорить почти-что не умѣетъ: на этомъ просторѣ и разгулялся русскій болтунъ.

Въ либерализмѣ есть нѣкоторыя *удобства*, безъ которыхъ третъ плечо. Школъ будетъ много и мнѣ *будетъ куда отдать сына*. И въ либеральной школѣ моего сына *не выпорютъ*, а научатъ легко и хорошо. Самъ захвораю: позову *просвѣщеннаго доктора*, который болѣзнь сердца не смѣшаетъ съ заворотомъ кишекъ. какъ Звягинцевъ у Петропавловскаго (†). Такимъ образ. «прогрессъ» и «либерализмъ» есть англійскій чемоданъ, въ которомъ «все положено» и «все удобно», и который предпочтительно возьметъ въ дорогу и не либералъ.

Либералъ красивѣе издастъ «Войну и Миръ».

Но либералъ никогда *не напишетъ «Войны и Мира»*: и здѣсь его граница. Либералъ «къ услугамъ». но не душа. Душа—именно не либералъ, а энтузіазмъ, вѣра. Душа—безуміе, огонь.

Душа — воинъ: а ходитъ пусть онъ «въ сапогахъ», сшитыхъ либераломъ. На либерализмъ мы должны оглядываться, и придерживать его надо рукою какъ носовой платокъ. Платокъ конечно нуженъ: но кто-же на него «Богу молится». «Не любуемая» вещь—онъ и лежитъ въ заднемъ карманѣ, и обладатель не смотритъ на него. Такъ и на либерализмъ не надо никогда смотрѣть (сосредоточиваться), но столь же ошибочно («третъ плечо») было бы не допускать его.

Я бы напр. закрылъ всѣ газеты, но далъ автономію высшимъ учебнымъ заведеніямъ, и даже студенчеству — самостоятельность запорожской сѣчи. Пусть даже республики устраиваютъ. Русскому Царству вообще слѣдовало бы допу-

стить внутри себя 2—3 республики. напр. Вычегодская республика (по рѣкѣ Вычегдѣ). Ріонская республика (по рѣкѣ Ріону, на Кавказѣ). И Новгородъ и Псковъ, «Великіе Господа Города» — съ вѣчемъ. Что́ за красота «вездѣ губернаторы». Ну ихъ въ дыру. Князей бы возстановилъ: Тверскихъ, Нижегородскихъ, съ маленькими полупорфирами и полу-вѣнцами. «Русь—раздолье, всего — есть». Конечно надъ всѣмъ Царь съ «секимъ башка». И пустыни. И степи. Ледовитый океанъ и (дотянулись бы) Индійскій океанъ (Персидскій заливъ). И прекрасный княжій Совѣтъ—съ ½-вѣнцами и посадниками; и внизу — голытьба Максима Горькаго. И все прекрасно и полно какъ въ «Подводномъ Царствѣ» у Садко.

Но эта воля и свобода—«пожалуйста, безъ газетъ»: ибо сведется къ управству редакторишекъ и писателишекъ. И все даже можно-бы либерально: «каждый редакторъ да

возитъ на своей спинѣ *Вѣстникъ Европы* подписчикамъ». А по *государственной* почтѣ «заплатите какъ за частное письмо, 7 коп. съ лота». Я-бы сказалъ демократически: «почему же солдатъ, отъ матери получая письмо, платитъ 7 коп., а подписчикъ Вѣстн. Европы, богатый человѣкъ, получаетъ ему ненужную повѣстушку объ арестѣ студента по $^1/_{200}$ коп. за лотъ?» Такъ что у меня закрытіе періодической печати было бы либерально и филантропично. «Во имя равенства и братства» — это съ одной стороны, и «Самъ Господь благословилъ» — это съ другой.

Если бы предложили въ Тамбовѣ или Пензѣ «выбрать излюбленнаго человѣка въ законодатели», но поставили условіемъ—выбирать только *на жаргонѣ*» (еврейско-нѣмецкій говоръ въ Литвѣ), то Пенза и выбрала-бы еврея. Какъ? Да очень просто. Русскіе не смогли-бы и не сумѣли, а наконецъ даже и не захотѣли-бы «правильно *по закону т. е. на жаргонѣ* подать голоса». А сумѣли-бы исполнить это законное требованіе только 10—15 пензенскихъ башмачниковъ евреевъ. Они и выставили-бы «народнаго трибуна въ Думу».

Механизмъ выборовъ въ Думу для русскаго тоже что *жаргонъ;* и «не родясь въ Винавера»—не приступишь къ нему. Вотъ отчего вы-

бираютъ вездѣ «приблизительно Винавера» и «Винаверъ есть представитель Россіи».

«Коренной ея представитель».

Но Россія даже и не знаетъ «Винавера».

И Россія, въ сущности, знать-не-знаетъ своего «представительства».

Что дѣлать. Ея методъ не «бюллетени», «избирательные ящики» и «предвыборная агитація». А другой:

Жребій—«какъ Богъ укажетъ».

И—потасовка: «чья сила возьметъ».

Такъ и выбирали «на Волховомъ мосту». Пока Иванъ III не сказалъ:

— Будетъ драться.

И послалъ Вѣчевой Колоколъ куда-то въ Тверь и вообще въ «мѣста не столь отдаленныя».

Не спорю, что это печально. Но вѣдь вся Русь печальна. «Все русское печально», и тутъ только разведешь руками,—тóже по-русски.

(выборы въ 4-ую Думу; отъ имѣющихъ право выбирать явилось не болѣе 30%)

Грубы люди, ужасающе грубы,— и даже по *этому* одному, или главнымъ образомъ по *этому* — и *боль* въ жизни, *столько* боли...

(на билетъ въ Славянское Общество; «побѣды»)

Болитъ душа о себѣ, болитъ о мірѣ, болитъ о прошломъ, будущее... «и не взглянулъ-бы на него».

(*тамъ-же*)

У Мережковскаго есть замѣчательный афоризмъ: «пошло́ то, что по́шло»... Нельзя было никогда предполагать, чтобы онъ одѣлся въ этотъ афоризмъ. Но судьба сломила его. Что́-же такое писатель безъ читателей? Что́ такое десятки лѣтъ глумленія такихъ господъ какъ Михайловскій, Скабичевскій, какъ Горнфельдъ (Краинфельдъ?), Ивановъ-Разумниковъ, и вообще литературныхъ лаптей, сапоговъ и туфель. И онъ добровольно и сознательно сталъ «по́шлъ», чтобы «пойти»...

И «пошо́лъ»... Смотрите, онъ уже сюсюкаетъ и инсинуируетъ, что Александръ I имѣлъ «*вторую семью*»... Такой ужасъ для декадента, ницшеанца и пѣвца «бѣлой дьяволицы».

Да,—«намъ позволено» имѣть любовницъ, актрисъ; но, по Мережковскому, народу «съ высотъ власти» долженъ быть подаваемъ примѣръ семейныхъ добродѣтелей. Мережковскій, я думаю, и самъ не понимаетъ, выражаетъ-ли онъ въ своихъ инсинуаціяхъ злость парижскихъ эмигрантовъ, или онъ только жалуется, что вообще Александръ I допускалъ въ своей жизни отступленья отъ «Устава духовныхъ консисторій».

И это «пóшлое» его — «пошлó». Теперь онъ видный либеральный писатель Щедринской Руси, «обличающій» даже недобродѣтель императоровъ.

Но Мережковскій, при кроткихъ и милыхъ его чертахъ, никогда не былъ уменъ; не былъ практически, «подъ ногами», уменъ.

Все-же почему-то, издали и въ раздѣленіи, я жму ему руку. Мало

отъ кого я видѣлъ долгіе годы непонятную (для меня) дружбу, которая казалось даже имѣла характеръ любви. Да проститъ Богъ ему грѣхи; да проститъ Онъ мнѣ мои (простивъ него) грѣхи. А они есть. Онъ—изъ немногихъ людей, которыхъ я небъяснимо почему не могъ любить. Въ немъ есть много грусти; но поразительно, что самая *грусть его—холодная*. Грусть вообще тепла *по природѣ своей*: но у Мер—аго она измѣнила *своей природѣ*.

Я думаю, изъ писателей, писавшихъ въ Россіи (нельзя сказать «изъ *русскихъ писателей*»), было мало принявшихъ въ душу столько печали.

Христіанство также выразило собою и открыло міру внутреннее содержаніе безсѣменности, какъ юдаизмъ и Ветхій Завѣтъ раскрыли сѣменность.

Тамъ—все сѣмя, отъ сѣмени начато, къ сѣмени ведетъ, сѣмя собою благословляетъ.

Здѣсь все отвращаетъ отъ сѣмени, какъ само лишено его. «Нѣтъ болѣе *мужескъ* и *женскъ* полъ», но—«человѣкъ». И нѣсть «эллинъ и іудей», нѣтъ племенъ, націй.

Все это было-бы хорошо, если-бы не пришелъ Винаверъ:

— Я-же и говорилъ, что Моисей и Христосъ въ сущности трудились

для адвоката, который «похлопалъ по плечу» эти старинки, отодвинулъ ихъ въ сторону, и началъ говорить объ «общечеловѣческихъ культурныхъ цѣнностяхъ».

(на оборотѣ транспаранта)

7.000.000 желудковъ и 7.000.000 трезвыхъ головъ и рукъ одолѣютъ 70.000.000 желудковъ, на которыхъ работаетъ всего только тоже 7.000 000 рукъ и головъ, а 63.000.000 перевариваютъ пищу и еще просятъ «на удовольствіе».

Вѣдь у насъ рѣшительно на 5 лодарничающихъ приходится только 1 труженикъ.

Вотъ еврейско-русскій вопросъ подъ угломъ одного изъ тысячи освѣщеній.

«— *Молитесь!*» говорилъ К. Леонтьевъ всею своею религіею, своимъ христіанствомъ, своимъ пóстригомъ въ монашество и связью съ аѳонскими и оптинскими старцами.

Хорошо. Понимаемъ. Ясно.

Но слыхалъ ли онъ однако когда-нибудь, чтобы вóзерясь на иконы православныя, на Спаса-*Милостиваго* и Богородицу-*Заступницу*, вѣрующій началъ молить ихъ о какомъ-нибудь «алкивіадствѣ», объ удачѣ любовной интрижки, объ *обманѣ* врага, о благополучной *измѣнѣ* женѣ своей, и прочихъ §§-ахъ Леонтьево-Ницшеанской философіи?

Нѣтъ.

Молятся всегда о *добрѣ*, «объ Ангелѣ мирнѣ душамъ и тѣлесамъ нашимъ», о тихой кончинѣ, о незлобствованіи на враговъ своихъ; о «временахъ *мирныхъ* и *благорастворенiи* воздуховъ». Увы, молятся всегда «среднею буржуазною молитвою»,— молитвой «европейца *въ пиджакѣ*».

Что́-же такое *весь* Леонтьевъ?

Въ 35-ть лѣтъ онъ кажется старцемъ и геніемъ, потрясшимъ Европу. Въ 57 лѣтъ онъ кажется мальчикомъ, охватившимъ ручонками того «кита», на которомъ земля держится.

Этотъ «китъ» — просто хорошій воздухъ и «всѣ здоровы». Да чтобы немножко деньжонокъ въ мошнѣ.

Китъ нисколько не худой и ни мало не «воръ». Леонтьевъ захотѣлъ отростить у него клыки и «чтобы глаза сверкали». Но китъ отвѣчаетъ ему: «мясного я не ѣмъ», а глаза—«какія далъ Богъ».

Еще: когда онъ молился Богородицѣ въ холерѣ, вдругъ-бы Она

ему отвѣтила не исцѣленіемъ, какъ отвѣтила: а разсыпалась смѣхомъ русалки и наслала на него чуму. «По-Алкивіадовски». Очень интересно, что̀ сказалъ-бы Леонтьевъ на возможность такого отношенія.

Другъ мой (Л—ву): «буржуа»—небесная истина, «буржуа» предопредѣленъ Небомъ. Не непремѣнно буржуа XIX-го вѣка, довольно паршивый, но это—*не его̀ сущность*. А «буржуа» Халдеи, Назарета, «французскихъ коммунъ», описанныхъ Авг. Тьери. Они любили музыку и конечно они могли-бы драться на турнирахъ, сохраняя лавочку и продолжая торговать.

Что́-же такое Леонтьевъ?

Ничего.

Онъ былъ рѣдко прекрасный русскій человѣкъ, съ чистою, искренею душою, языкъ коего никогда не зналъ лукавства: и по этому качеству былъ почти unicum въ русской словесности, довольно таки фальшивой, дѣланной и притворной. Въ лицѣ его *добрый* русскій Богъ далъ *доброй* русской литературѣ *добраго* писателя. И—только.

Но *мысли* его?

Онѣ зачеркиваются однѣ другими. И всѣ opera omnia его—рядъ «перекрещенныхъ» синимъ карандашомъ томовъ. Это прекрасное *чтеніе*. Но въ нихъ нѣчего *вдумываться*.

Въ нихъ нѣтъ *совѣта* и *мудрости*.

Спорятъ (свящ. Аггеевъ), былъ-ли онъ христіанинъ или язычникъ. Изъ двухъ «взаимно зачеркивающихъ половинъ» его истиннымъ и главнымъ остается конечно его «натура», его «врожденное». Есть слухъ (и будто-бы самъ Л—въ подсказалъ его), что онъ былъ рожденъ отъ высокой и героической его матери, вышедшей замужъ за безпримѣрно тупого и плоскаго помѣщика (Л—въ *такъ* и отзывается объ отцѣ своемъ) черезъ страстный романъ ея... *на сторонѣ*. Сынъ всегда—*въ мать*. Этотъ-то горячій и пылкій романъ, гдѣ говорила страсть и головокруженіе, мечты и грёзы, и вылилъ его *языческую природу* въ такой искренности и правдѣ, въ такой красотѣ и силѣ, какъ пожалуй не рождалось ни у кого изъ европейцевъ. А «церковность» его прилѣпилась къ этому язы-

честву, какъ прилѣпился не любимый «каноническій» мужъ его матери. Въ *насильственномъ* «надъ собою» христіанствѣ Л—ва есть что-то противное и непереносное...

Старый мужъ,
Грозный мужъ,
Ненавижу тебя.

Съ этой стороны, языческой и истинной, Леонтьевъ интересенъ какъ рѣдчайшій въ исторіи фактъ рожденія человѣка, съ которымъ христіанство ничего не могло подѣлать, и внутренно онъ не только «Апастола Павла не принималъ во вниманіе», но и не слушался самого Христа.

И не пугался.

Религіозно Л—въ былъ совершенно спокойный человѣкъ, зовя битвы, мятежи и укрощенія и несчастія на народы.

Гоголь всетаки пугался своего демонизма. Гоголь *между язычествомъ и христіанствомъ*, не попавъ ни въ одно. Л—въ родился внѣ всякаго даже *предчувствія христіан-*

ства. Его боги совершенно ясны: «ломай спину врагу, завоевывай Индію»; «и ты, Камбизъ,—пронзай Аписа».

Разнообразіе формъ и *сила* каждаго изъ расходящихся процессовъ (основа его теоріи исторіи и политики) конечно суть выраженіе *природы какъ она есть*. Но есть два міра, и въ этомъ и заключалось «пришествіе Христа»: міръ *природный* и міръ *благодатный*. А «побѣда Евангелія», по крайней мѣрѣ *теоретическая* и *словесная*, «возглашенная»,—заключалась въ томъ, что люди, безмѣрно страдавшіе «въ порядкѣ естественной природы», условились, во всѣхъ случаяхъ противорѣчія, *отдавать преимущество міру благодатному*. «Христіанство» въ этомъ и заключается, что ищетъ «мира» среди условій войны, и «прощаетъ», когда можно-бы и слѣдовало даже наказать. Леонтьевъ пылко потребовалъ возвращенія къ «порядку природы», онъ захатѣлъ Кон-

стантина-язычника и противопоставилъ его крещеному-Константину. Но уже куда дѣвать «битву съ Лициніемъ» и **«симъ побѣдиши»**, на Небѣ и въ лабарумѣ (государственная хоругвь Константина съ монограммой Христа).

Но... *природа непобѣдима*, а *Церковь* вѣчно *усиливается ее побѣдить*: вотъ условіе борьбы и новаго въ христіанствѣ, богатства формъ. «Героизмъ» не исчезъ и «великое» не исчезло въ христіанствѣ, но такъ переродилось и получило настолько новый видъ, что дѣйствительно стало неузнаваемо. «Камбизъ идущій на Египетъ» и «Александръ завоевывающій Персію» дѣйствительно отрицаются глубочайше христіанствомъ, и если бы появились въ немъ, или когда подобное появлялось,—то было «съ боку припёкою» въ христіанской исторіи, безъ всякой связи съ зерномъ ея и сущностью. Но, позвольте: жизнь Амвросія Оптинскаго развѣ не красочнѣе, чѣмъ біографія стараго ве-

терана цезаревыхъ войскъ, и жизнь папъ Льва I, Григорія Великаго, Григорія VII и Иннокентія III—несравненно еще полнѣе движеніемъ, перемѣнами, борьбою и усиліями, чѣмъ довольно безтрудные и ни мало неинтересныя побѣды Александра надъ Даріемъ и Поромъ. Вообще исторія *не потеряла интересъ*, а только перемѣнила *тонъ* и *темы*. Тонъ, дѣйствительно, другой. «Царство благодатное» правда не допускаетъ повториться Киру Великому, Александру Великому, Цезарю; Наполеонъ былъ явно исключеніемъ и инстинктивно правильно нарекался «Антихристомъ» (вотъ *его* и зоветъ вторично Л—въ, съ комическимъ результатомъ и комическимъ впечатлѣніемъ отъ зо́ва); но «царство благодатное» зоветъ къ *великимъ* же *подвигамъ* въ области борьбы съ «демонами *собственнаго* духа» и съ тою «бѣсовщиной», которой совершенно достаточно остается и *навсегда останется* въ соціальномъ строѣ и вообще *внѣ стѣнъ* «благодатнаго царства».

Но какая же, однако, causa efficiens лежала для историческаго появленія Л—ва? Та, что «средній европеецъ» и «буржуа» именно въ XIX вѣкѣ, во весь *послѣ-революціонный* фазисъ европейской исторіи, выродился во что́-то *противное*. Не «буржуа» гадокъ: но по-истинѣ гадокъ буржуа XIX вѣка, самодовольный въ «прогрессѣ» своемъ, вонючій завистникъ всѣхъ историческихъ величій и отъ этого единственно стремящійся къ *уравнительному состоянію* всѣхъ людей,—въ одной одинаковой грязи и одномъ безнадежномъ болотѣ. «Ничего *глубже* и ничего *выше*», сказалъ мерзопакостный приказчикъ, стукающій въ чахоточную грудь кулакомъ величиной съ грецкій орѣхъ. «Ни—*святыхъ*, ни—*героевъ*, ни *демоновъ* и *боговъ*». Онъ не являетъ и идиліи никакой; жену онъ убѣдилъ произвести кастрацію, чтобы не обременяться дѣтьми, и занимается съ нею въ кровати онаниз-

момъ. «Вѣчно пассивная» женщина подалась въ сторону совѣтовъ этого мошенника, son mari. Такъ вдвоемъ они немножко торгуютъ, имѣютъ «текущій счетъ» въ еврейской конторѣ, ѣздятъ повеселиться въ Монако, отдохнуть на Ривьерѣ, покупаютъ картинки «подъ Рафаэля»; и къ нимъ присосѣдивается «другъ семьи», такъ какъ онанизмъ втроемъ обѣщаетъ бо́льшія перспективы, чѣмъ вдвоемъ.

Практически противъ такихъ господъ поднялась Германія, какъ сильный буйволъ противъ выродившихся до собаки волченятъ; а теоретически «Богъ послалъ Леонтьева».

«— А! а! а!!... Смести всѣхъ этихъ пакостниковъ съ лица земли! — съ ихъ братствомъ, равенствомъ и свободой и прочими фразами. И призвана къ такому сметанію Россія или вѣрнѣе весь *Востокъ*, хоть съ персами, монголами, съ китайцами или кѣмъ-нибудь». Вотъ формула Л—ва и паѳосъ всей его жизни. Повѣсть Вл. Соловьева о «монголь-

скомъ завоеваніи Европы» передъ Антихристомъ параллельна и пожалуй имитируетъ политическія зо́вы Л—ва. То́ и другое знаменуетъ вообще великую тоску по *идеалѣ*. По идеальномъ *существованіи*, по идеальномъ *лицѣ*.

Въ византизмѣ, церковности, въ христіанствѣ его не манило то́ *положительное* и *доброе*, *святое* и *благое*, что́ обратило «Савла» въ «Павла», чему мученики принесли свою жертву...Вообще самой «жемчужины евангельской» онъ вовсе не замѣтилъ, а еще правильнѣе—взглянулъ и равнодушно отворотился отъ нея, именно «какъ Киръ *ничего не предчувствующій*». **Любить** въ христіанствѣ ему было нѣчего. Почему же $^{1}/_{2}$ его страницъ «славятъ церковь, Аѳонъ и русскую православную политику»? Его *не тянуло* (нисколько!) къ себѣ христіанство, но онъ увидѣлъ здѣсь неистощимый арсеналъ стрѣлъ «противъ подлаго буржуа XIX-го вѣка»,

онъ увидѣлъ здѣсь складъ бичей, которыми всего больнѣе можетъ хлестать самодовольную мѣщанскую науку, дубовый безмысленный позитивизмъ, и вообще всѣхъ «фетишей» ненавидимаго, и *основательно* имъ ненавидимаго, вѣка. Въ сущности онъ былъ «Байронъ больше самого Байрона»: но какой же «Байронъ», еслибъ ему еще вырости, былъ однако христіанинъ?!!

Въ его *греческихъ* повѣстяхъ («Изъ жизни христіанъ въ Турціи»), гдѣ онъ описываетъ довольно *красочную жизнь*, его отношеніе къ Церкви и христіанству — гораздо менѣе пылко, чѣмъ въ теоріи («Востокъ, Россія и славянство»). Тамъ, о-бокъ съ турками и гаремами, разсказывая о разбойникахъ и повстанцахъ, «на которыхъ такія красивыя фустанеллы», онъ забываетъ о «старомъ мужѣ» своихъ теорій, похваливаетъ мусульманство, даетъ теплыя слова о древне-языческой жизни, и даже

раза два съ пера его соскальзываетъ выраженіе: «христіанство немножко ужъ устарѣло», и, особенно, это томительное его «одноженство». Буржуа, французъ, европеецъ—далеко. Леонтьевъ отдыхаетъ. Онъ закуриваетъ кальянъ, становится въ высшей степени добродушенъ, языкъ его не раздражителенъ, мысли успокоены. Синія фустанеллы и красныя фески дали бальзамъ на его нервы, и поталкиваясь локтями между пашой, старымъ епископомъ и разбойникомъ Сотири, который переодѣтымъ пришелъ на праздникъ въ деревушку, онъ шепчетъ съ равнымъ благодушіемъ имъ всѣмъ о танцующихъ крестьянскихъ дѣвушкахъ, болгаркахъ и гречанкахъ:

— Пашá! зачѣмъ ты прячешь своихъ дочерей и женъ? Это — единственный законъ у васъ, который мнѣ не по душѣ. Я — широкій русскій человѣкъ, и мнѣ — чтобы все было на скатерти. Если бы турчанки тóже присоединились къ гречанкамъ и болгаркамъ, намъ было

бы такъ-же хорошо, какъ счастли-
вымъ эллинскимъ мужамъ VI-го вѣка
до Р. Хр., гдѣ-нибудь на о. Хіосѣ,
когда они слѣдили пляски дѣвъ
и юношей подъ Вѣчнымъ Небомъ
Эллады...

«Марксисты», «экономическая борьба», «положеніе рабочихъ»: но садясь въ карты почему-то предпочитаетъ vis-à-vis съ генераломъ. И при «недохваткѣ» все одолжается «до среды» у генерала. А въ среду по разсѣянности забываетъ.

(видѣнное и слышанное)

Растопыривъ ноги и смотря нахально на учительницу, Васька (3-й классъ Тенишевскаго) повторяетъ:

— Ну... ну... ну «блаженные нищіе духомъ». Ну... ну... ну... (забылъ, а глаза безсовѣстные).

Что́ ему, тайно пикирующемуся съ учительницей, эти «блаженны нищіе духомъ»...

И подумалъ я:

— Въ Тайну, въ Тайну это слово... замуровать въ стѣны, въ погребъ, никому ее не показывать до 40 лѣтъ, когда начнутся вотъ страданія, вотъ униженія, вотъ неудача жизни: и тогда подводить «жаждущаго и

алчущаго» къ погребу и оттуда показывать, на золотомъ листкѣ, вдали:

Блаженны нищіе духомъ!..

Боже мой: да вѣдь это и сказано «нищимъ духомъ», еще—никому, и никому—не понятно, для всѣхъ это «смѣхъ и глупость», и сила слова этого только и открывается въ 40 лѣтъ, когда жизнь прожита. Зачѣмъ же это Васькѣ съ растопыренными ногами, это «метаніе бисера передъ свиньями».

Величественный шарлатанъ.

Шарлатаны вообще бываютъ величественны... Это я только подъ старость узналъ.

И пользуются въ обществѣ непререкаемымъ авторитетомъ.

Нѣтъ, ужъ лучше положиться на «чинушу» 20-го числа. Помусолится и всетаки что-нибудь сдѣлаетъ. Обругаетъ, сгрубитъ, за шиворотъ возьметъ, а не оберетъ.

Какъ нѣсколькихъ литераторовъ безжалостно и безстыдно обобралъ издатель «Декабристовъ» и «Жизни Іисуса», съ такимъ портретомъ Ренана, который стоилъ чуть не 1.000 руб.

Величественный шарлатанъ, съ такой германской походкой, погубилъ и мамочку, объявляя себя (въ «указателѣ») врачомъ по нервнымъ болѣзнямъ, 5 лѣтъ ѣздя къ страдающей «чѣмъ-то нервнымъ», и не понимая, что́ означаютъ *неравномѣрно расширенные зрачки*. *Видѣлъ* ихъ 5 лѣтъ, и не понималъ—*что̀* это? *почему?*

Да и сколько врачей видѣли эти зрачки, Мержеевскій (въ Аренсбургѣ), Розенблюмъ (въ Лугѣ), Наукъ, княжна Гедройцъ, Райвидъ; и никто не сказалъ: «вы *видите* это, это—*глубокое страданіе, надо лечить*».

И мамочка была бы спасена.

Карпинскій 1-й сказалъ, и упёрся, отвергъ нелѣпый діагнозъ Бехтерева («увѣряю васъ, что ничего нѣтъ») и схватился лечить 14 лѣтъ запущенную болѣзнь. Дай Богъ ему

всего добраго. Карпинскій—доброе, прекрасное имя въ моей біографіи, благодѣтель нашей семьи. Какъ Бехтеревъ—погубитель.

Удивительный разсказъ Варвары Андреевны: у княгини NN были 2 дочери и сынъ, лицеистъ или кадетъ, не упомню. Но — *не* высшаго учебнаго заведенія. У него бывали товарищи, и одному изъ этихъ кадетиковъ нравилась старшая дочь, пышная, большеростая. Но при всемъ ростѣ она была спокойнаго характера, тогда-какъ меньшая ея сестра, худенькая и небольшая, такъ и пылала.—Разсказчица не понимала,—моё-же наблюденіе, что вообще пылъ пола или развертывается въ ростъ, и, потратя силы свои «на произведеніе своего-же тѣла», успокаивается; или-же онъ въ ростъ не развертывается, и тогда весь сосредоточивается въ стрѣлу пола,—

и эта стрѣла сильно заострена и рвется съ тетивы. — Мать, замѣтивъ чувство юноши, почти отрока, въ концѣ зимы отозвала его въ сторону и спросила: «Вамъ нравится моя старшая дочь?» Тотъ вспыхнулъ и замялся... «— Да...» — «Ну, я вижу, что если и нравится, то не безотвязно. Вотъ что: женитесь на младшей. Она и по годамъ больше вамъ подходитъ». Тотъ выразилъ согласіе. «И—теперь. Гражданскаго брака я не хочу. Законный бракъ кадетамъ не дозволенъ. Но я—княгиня, у меня есть связи, и я все устрою». Дѣйствительно, жениться ему было все равно какъ-бы гимназисту — нельзя. Она поѣхала, упросила. Можетъ быть и сказала лишнее, напр. что дочь «въ положеніи», и ей дали согласіе на *негласную женитьбу юноши, съ правомъ продолжать ему ученіе*. И вотъ, мать сейчасъ ихъ обвѣнчала, и, затѣмъ, молодой мужъ—опять сейчасъ въ школу, но долженъ былъ пріѣзжать къ тещѣ и женѣ по воскре-

сеньямъ и (почему-то) четвергамъ. Квартирка у нихъ была маленькая,— имѣнье распродалъ отецъ, — и она, отдѣливъ молодымъ комнату, сама со старшей дочерью помѣщалась въ другой. Сыну-же кадету сказала, что онъ можетъ являться днемъ въ домъ, а ночевалъ-бы въ школѣ. «Нѣтъ комнаты, взята подъ молодыхъ». Такъ и было. — «А старшая?» — спросилъ я. — «Черезъ два года тоже вышла замужъ». Но слушайте дальше. Эта маленькая и худенькая удивительно расцвѣла въ замужествѣ, пополнѣла, подобрѣла. И черезъ годъ у нея былъ ребенокъ, а черезъ два — двое дѣтей. Первый—красота мальчикъ, и родился огромный. Княгиня вынесла изъ ихъ спальни къ гостямъ и, подкидывая на ладони, воскликнула.—«Вотъ какой! Видите! А все—*мой* умъ. Отецъ его—не истасканный, свѣженькій. Дочь моя — вся чистая, еще съ неиспорченнымъ воображеніемъ. И принесли мнѣ такого внука!»

Вотъ до этой *государственной* мудрости старой княгини не додумаются ни министерства наши, ни старые митрополиты, засѣдающіе въ Сѵнодѣ и устрояющіе бракъ въ странѣ.

Вѣдь-же анкета показала, что приблизительно съ VI-го класса гимназіи *всѣ* учащіеся вступаютъ въ полосу перемежающагося съ проституціей онанизма. Одно,—или другое. Не одно,—*такъ* другое. Не *оба*-ли однако ужасны? Если-бы въ государственныхъ учрежденіяхъ была $^1/_{10}$ доля ума этой княгини, то конечно не только *разрѣшенъ*-бы былъ бракъ гимназистамъ и гимназисткамъ, но онъ былъ-бы вообще сдѣланъ *обязательнымъ* для 16-ти (юношамъ) и $14^1/_2$ (чтобы не испортилось именно *воображеніе*) лѣтъ дѣвушкамъ: и чтобы соблюденіе этого было предоставлено согласованнымъ усиліямъ родителей и начальствъ учебныхъ заведеній, но обѣими сторонами—*непремѣнно* исполнено, безъ чего не дается «свидѣтельство объ

окончаніи курса». Въ самомъ дѣлѣ, «мечта» и «романъ» могутъ помѣститься и внутрь брака, настать «потомъ», въ супружествѣ. Вѣдь женится-же *обязательно* все сплошь духовенство передъ посвященіемъ. И—ничего. Не стонутъ. И даже «плодовитое духовенство» одно поддерживаетъ честь русской рождаемости. Вообще «романъ» конечно важенъ и его не отрицаю: но только мнѣ хочется, чтобы онъ не былъ воздушнымъ, а хлѣбнымъ. Поразительная исторія «изнасилованій» и «соблазненій» почти въ одно слово говоритъ примѣрами, что къ первому «посягнувшему» дѣвушка чувствуетъ на всю жизнь необыкновенную привязанность, которую не погашаютъ всѣ послѣдующіе невольныя связи, «перехожденія изъ рукъ въ руки», и вся вообще ужасная судьба. И «первый» собственно остается мужемъ, а послѣдующіе—безвпечатлительны. Этотъ законъ до такой степени всеобщъ, что именно на немъ нужно установить

норму супружества *въ страну*: пробудится любовь непремѣнно къ первому, и сохранится на всю жизнь, если «да» было произнесено безъ отвращенія, искренно, хотя-бы и безъ пыла и «романа».

Въ Ельцѣ М. А. Ж — ковъ (нѣсколько дочерей красавицъ):

— Надо выдавать дочь, пока *она еще не стала выбирать*.

И выходили. И жили.—Положимъ, здѣсь возможна и трегедія, будутъ трагедіи,—въ $^1/_2$%. Какъ въ $^1/_2$% они есть и теперь, при долголѣтнихъ «выборахъ» и полной любви. Собственно «романъ» есть паръ, занимающій пустое мѣсто при не наступившемъ *во-время* супружествѣ. Розовый паръ. И его вовсе не нужно при нормальномъ супружествѣ. Супружество— заповѣдь Божія, съ молитвами. А безъ «Птички Божіей» можно и обойтись.

Такъ-то, дѣвушки, — подумайте объ этомъ. Подумайте, когда станете матерями.

Спасибо Варварѣ Андреевнѣ за

разсказъ. Онъ поучителенъ. Особенно для министровъ и архіереевъ. Сама она—замужняя и добродѣтельная, урожденная—Г.

Глупа-ли моя жизнь?
Во всякомъ случаѣ не очень умна.

Хочу-ли я играть роль?
Ни—малѣйшаго (жел.)

Человѣкъ безъ роли?
— Самое симпатичное существо-
ванie.

У меня есть какой-то фетишизмъ мелочей. Мелочи суть мои «боги».

Все «величественное» мнѣ было постоянно чуждо.

Я не любилъ и не уважалъ его.

Я весь въ корняхъ, между корнями. «Верхушка дерева»—мнѣ совершенно непонятно (не понятна эта ситуація).

Дуетъ вѣтеръ. Можно упасть. Если «много видно», то я все равно не посмотрю.

Это Николай Семенычъ (Мусинъ, учитель русскаго языка въ Костромѣ,—благороднѣйшій челов.) говорилъ:

— Хе,—ты дуракъ. Не видалъ, есть-ли сѣно на базарѣ. А проходилъ (къ нему въ домъ) базаромъ.

Я дѣйствительно не видалъ, проходя по Сѣнной (Павловская площадь).

У Ник. Семен. подбородокъ былъ бритъ, какъ и верхняя губа,—и волосы, полу-сѣдые, вершка въ $1\frac{1}{2}$, шли только около горла съ лица книзу. Это было некрасиво, но какой онъ былъ весь добрый, «благой».

У него была дочь Катя, 7 лѣтъ, и мамаша посылала «погостить къ нимъ». Тщетно онъ показывалъ мнѣ какой-то атласъ съ гербами, коронами и воинами. По-нѣмецки. Я держался за стулъ и плакалъ.

Мнѣ были непереносимы ихъ крашеные полы и порядокъ вездѣ. Красота. У насъ было холодно, не метено. И мнѣ хотѣлось домой.

Такъ какъ ревъ мой не прекращался, меня отправляли домой.

Дома былъ соръ, ссоры, курево, квасъ, угрюмость мамаши и вѣчная опасность быть высѣченнымъ.

Вообще литература конечно дрянь (мнѣніе и Фл.), — но и здѣсь «не презирай никакого *состоянія въ мірѣ*», и ты иногда усмотришь нѣчто прекрасное.

Прихожу въ «Бюро газ. вырѣзокъ», вношу 10 р. И очень милый молодой завѣдующій разговорился со мною:

— Мое дѣло—ужасно хлопотливое. Вы говорите, чтобы я присылалъ «дожидаясь пачекъ» и разомъ, сокращая марки. А сколько непріятностей по телефону: «Обо мнѣ была утромъ статья — почему *не присылаете?*» Оправдываюсь: «Получите — *утромъ* завтра». — «Нѣтъ. Сегодня. Вы должны *два раза въ день*».

Еще. Я выходя говорю:

«А ядовитое это дѣло «Бюро вырѣзокъ». Собственно оно безконечно *портитъ литературу*, отнимая у авторовъ талантъ и достоинство. Онъ прочитаетъ о себѣ гадость, разстроится и бѣдный весь день не можетъ писать. Тутъ не одна слава, а хлѣбъ. Я объ этомъ *думаю написать*. Т. е. чтобы не выписывали».

Испугался:

— Ради Бога—не пишите. Въ нашемъ Бюро 40 студентовъ «вырѣзываютъ вырѣзки», и оно учреждено по мысли и подъ покровительствомъ Государыни Императрицы...

Я обѣщалъ (т. е. не писать).

— Ужасно нервный народъ (т. е. писатели). Съ утра — звонки. Входитъ писатель, весь разстроенный: и говоритъ, что онъ «не говорилъ *этого*», въ чемъ его упрекаетъ рецензентъ, а говорилъ «вотъ *то-то*», и ошибиться въ смыслѣ могло только злое намѣреніе. И даетъ—*читать*: «Посудите! Взгляните!».

Онъ улыбнулся... «Мы-же вѣдь *не читаемъ* всего этого: куда! 100 газетъ!! А только студентъ-труженикъ бѣжитъ не читая по строкамъ — до *большой буквы* и *фамиліи*, и увидя ее — отхватываетъ статью ножницами...»

И моментально мнѣ представились эти «взволнованные писатели», и что они—вовсе не то, что «обычный журналистъ», который въ великой силѣ своей уже «ни на что не обращаетъ вниманія», и разговариваетъ въ печати не иначе, какъ съ министрами, да и тѣмъ «чихаетъ въ носъ», или «хватаетъ его за фалды», какъ собачонка медвѣдя...

И я думаю, что какъ полное ремесло, сапожное ремесло — литература имѣетъ въ себѣ качества и достоинство, и вообще человѣческое въ ней не утратилось. Я припоминаю пріемную какой-то редакціи, лѣтъ 20 назадъ, когда и я начиналъ. Редакторъ долго не принималъ, всѣ мы были (должно быть) съ рукописями, я прохаживался, а

въ стулѣ сидѣлъ довольно «благообразный» литераторъ, «кудри» и «этакъ». Спокойно и съ важностью.

Я ходилъ по одной діагонали комнаты, а по другой діагонали ходилъ съ длиннѣйшими волосами и въ плохонькихъ очкахъ «нѣкто»...

Онъ былъ малъ ростомъ. Весь заношенъ. Бѣденъ. И очевидно—«съ выпивкой». Время было радикальное (очень давно). И очевидно его оскорбляло спокойное сидѣнье того благообразнаго литератора.

Онъ непремѣнно хотѣлъ ему «сказать что́-то».

Онъ ходилъ нервно, наконецъ вынулъ папиросу—и...

Александръ Македонскій такъ не двигался на индійскаго царя Пора, какъ онъ, весь негодуя, трясясь (смущеніе, страхъ и обида на свой страхъ), подошелъ и съ мукой—и оскорбляя, игнорируя, а въ то же время и боясь невѣжливаго отказа,—сказалъ:

— Вы мнѣ позволите закурить.

Тотъ курилъ. И подалъ папиросу. Вообще я согласенъ, что «тотъ» царь Поръ былъ отвратительное существо: но этотъ нашъ бѣдный русскій пѣтухъ...

Я совершенно увѣренъ, что онъ никогда не солгалъ въ своей дѣйствительно «честной литературѣ», что онъ мнилъ «нести службу отечеству» и *дѣйствительно ее несъ*. Обличалъ, укорялъ, требовалъ правды. Что-же, господа, если мы уважаемъ полицейскаго, который мокнетъ на углу улицъ для «упорядоченія ѣзды», какъ мы пройдемъ мимо «такого страдальца за русскую землю», который всю жизнь пишетъ, получаетъ гроши, бьется съ женой и ребятишками... И мучится, мучится, пылаетъ, дѣйствительно пылаетъ. Хвораетъ, и «нѣтъ денегъ», и теперь онъ только скорбно смотритъ «на портретъ Бѣлинскаго».

Вотъ, господа. Такъ оставимъ высокоуміе, и протянемъ руку другу нашему, доброму хранителю провинціи, смѣлому хвататателю воровъ

(казенныхъ) etc. etc. *Настоящаго литератора* закрыла отъ насъ дѣйствительно хлестаковская мантія столичнаго фельетониста или самоупоеннаго передовика, онъ-же приватъ-доцентъ мѣстнаго университета. Но «не ими свѣтъ кончается». Есть доброе и сильное и честное въ литературѣ; есть (нужда) безконечно въ ней страдающее. Такой литераторъ—народный учитель, т.е. тоже, что труженикъ сельской или городской школы.

И поклонимся ему... Не все цинично на Руси. И не все цинично въ литературѣ.

Толстой искалъ «мученичества» и просился въ Шлиссельбургъ посидѣть рядомъ съ Морозовымъ.

— Но какой-же, ваше сіятельство, вы Морозовъ? отвѣтило правительство, и велѣло его напротивъ охранять.

А между тѣмъ мученичество просилось ему въ сумку: это—тряхнуть «популярностью», отказаться отъ быстрой раскупки книгъ и отъ «отзывовъ печати». Но что̀ дѣлать, Добчинскій залѣзаетъ иногда даже въ Сократа, а 50 коп. попъ кладетъ въ карманъ послѣ того, какъ передъ нимъ рыдала мученица, разсказывая долгую жизнь. И Т. положилъ свои 50 коп. (популярность) въ карманъ.

Одна лошадь, да еще старая и неумная, везетъ телѣгу: а дюжина молодцовъ и молодухъ сидятъ въ телѣгѣ и орутъ пѣсни.

И пѣсни то́ похабныя, то́ заунывныя. Что «весело на Руси», и что «Русь пропадаетъ». И что всѣ русскихъ «обижаютъ».

Когда замедляется, кричатъ на лошадь:

— Ну, вези, старуха.

И старуха опять вытягиваетъ шею и напрягаются жилы въ пахахъ.

(мое отечество)

Теперь всѣ дѣла русскія, всѣ отношенія русскія осложнились «евреемъ». Нѣтъ вопроса *русской жизни*, гдѣ «запятой» не стоялъ-бы вопросъ: «какъ *справиться* съ евреемъ», «*куда* его дѣвать», «какъ-бы онъ не *обидѣлся*».

При Николаѣ Павловичѣ этого всего въ поминѣ не было. Русь можетъ быть не растетъ, но еврей во всякомъ случаѣ растетъ.

Дешевыя книги—это некультурность. Книги и должны быть дороги. Это не водка.

Книга должна отвертываться отъ всякаго, кто при видѣ на цѣну ея сморщивается. «Проходи мимо»—должна сказать ему она, и, кивнувъ въ сторону «газетчика на углу»,—прибавить: «бери ихъ».

Книга вообще должна быть горда, самостоятельна и независима. Для этого она прежде всего д. быть дорога.

(за газетами утромъ)

Валятъ хлопья снѣга на моего друга, заваливаютъ, до плечъ, головы...

И замерзаетъ онъ и гибнетъ.

А я стою возлѣ и ничего не могу сдѣлать.

(*«надо показать 3-му спеціалисту: мы не понимаемъ этихъ явленій. Это — не наша, а* **другая какая-то болѣзнь**». *Крѣпилась. Пока не говорила, какъ замерзла. И за обѣдомъ молчала. А послѣ обѣда она легла на кушетку и заплакала. «Все болѣзни», «болѣзни». «Съ* **этой стороны** *все было хорошо послѣ леченья; и вдругъ—опять худо». 16 октября 1912 г.*)

Болитъ-ли Б. о насъ? Есть-ли у Б. боль по человѣкѣ? Есть-ли у Б. вообще *боль*: какъ по «свойствамъ бытія б-жія» (по схоластикѣ).

(ѣду за деньгами)

Все глуше голоса земли...
И—не надо.

Только одинъ слабый надтреснутый голосокъ всегда будетъ смѣшиваться съ моими слезами.

И когда и онъ умолкнетъ для меня, я хочу быть слѣпымъ и глухимъ въ себѣ самомъ, an und für sich.

(поздно ночью на дачѣ и всегда)

ПОПРАВКИ.

Страница:	*Напечатано:*	*Надо читать:*
266	*дышитъ*	*дымитъ.*
344	Л	Любовь.
361	ак	акаѳистъ Скорбящей Божіей Матери.

P. S. Къ стр. 1-й: по поводу мысли о *печатной* литературѣ за три послѣдніе года,—объ измѣненіи *тона* и отчасти *темъ* ея.

P. P. S. Мѣсто и обстановка «пришедшей мысли» вездѣ указаны (абсолютно точно) ради опроверженія фундаментальной идеи сенсуализма: «*nihil* est in intellectu, quod *non fuerat* in sensu». Всю жизнь я наоборотъ наблюдалъ, что in intellectu происходящее находится въ полномъ разрывѣ съ quod fuerat in sensu. Что вообще *жизнь души* и *теченіе ощущеній* конечно со-

прикасаются, отталкиваются, противодѣйствуютъ другъ другу, совпадаютъ, текутъ параллельно: но лишь въ *нѣкоторой* части. На самомъ же дѣлѣ *жизнь души* и имѣетъ другое русло, *свое самостоятельное*, а, самое главное,—имѣетъ другой *истокъ*, другой себѣ *толчокъ*.

Откуда же?

Отъ Бога и рожденія.

Несовпаденіе внутренней и внѣшней жизни конечно знаетъ каждый въ себѣ: но въ концѣ концовъ *съ очень раннихъ лѣтъ* (13-ти, 14-ти) у меня это несовпаденіе было до того разительно (и тягостно часто, а «служебно» и «работно»—глубоко вредно и разрушительно), что я бывалъ въ постоянномъ удивленіи этому явленію (*степени* этого явленія); и пиша здѣсь «вообще все что̀ поражало и удивляло меня», какъ и что̀ «нравится» или очень «*не* нравится», записалъ и это. Гдѣ противъ «природы вещей» (время и обстановка записей) нѣтъ измѣненія ни іоты.

Это *умственно*. Есть для этихъ записей обстановки и времени и моральный мотивъ; о которомъ когда-нибудь потомъ.

Отпечатано въ типографіи Т-ва А. С. Суворина—
„Новое Время“. Спб. Эртелевъ, 18.
3 апрѣля 1918 г.

БУЛГАКОВЪ, С. Н. Два града. Изслѣдованіе о природѣ общественныхъ идеаловъ. Книгоиздательство „Путь“. Москва. Цѣна за оба тома 3 р.

ВОЛЖСКІЙ. Изъ міра литературныхъ исканій. Спб. Цѣна 1 р. 50 к.

ГИЛЯРОВЪ-ПЛАТОНОВЪ, Н. П. Сборникъ сочиненій. Изданіе К. П. Побѣдоносцева. Москва. Синодальная типографія. 1899 г. Съ портретомъ автора и вступительною статьею (LX стр.) князя Н. Шаховского: «Никита Петровичъ Гиляровъ-Платоновъ». 2 т. Цѣна 4 р.

Его-же. Университетскій вопросъ. Изданіе К. П. Побѣдоносцева. Спб. 1903 г. Цѣна 2 р.

КИРѢЕВСКІЙ, И. В. Полное собраніе сочиненій. Подъ редакціей М. Гершензона. Въ 2-хъ томахъ. Книгоиздательство «Путь». Москва. 1911 г. Цѣна 4 р.

КОЖЕВНИКОВЪ, ВЛ. А. Николай Ѳедоровичъ Ѳедоровъ. Опытъ изложенія его ученія по изданнымъ и неизданнымъ произведеніямъ, перепискѣ и личнымъ бесѣдамъ. Москва. 1908 г.

КУСКОВЪ. П. Наша жизнь. Стихотворенія.— Природа. Міръ. Сердце. Люди. Между прочимъ. Женщины. Жизнь. Легенды. Respublicae. Онъ. Шутки полишинеля. Сонеты Шекспира. Цѣна 1 р. 50 к.

Его-же (анонимно). Наше мѣсто въ вѣчности. Кіевъ. 1900 г.

Его-же, переводъ. Ромео и Юлія. Трагедія Вильяма Шекспира.

Его-же, переводъ. Отелло. Трагедія Шекспира. Цѣна 1 р.

ОДОЕВСКІЙ, В. Ѳ., князь. Русскія ночи. Редактировалъ С. А. Цвѣтковъ. Книгоиздательство «Путь». Москва. 1913 г. Съ портретомъ автора. Цѣна 2 р.

ПЕРЦОВЪ. П. Венеція и венеціанская живопись. Очерки. Изданіе 2-е. Съ 12 иллюстраціями. Москва. 1912 г. Цѣна 75 коп.

Его-же. Панрусизмъ или панславизмъ? Москва. 1913 г. Цѣна 50 к.

РАЧИНСКІЙ, С. А. Сельская школа. Сборникъ статей. Съ предисловіемъ Н. Горбова. Изданіе 2-е. Москва. 1892 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Его-же. Татевскій сборникъ. Съ приложеніемъ портрета А. С. Хомякова. Спб. 1899 г. Цѣна 1 р. 50 к.

РОЖДЕСТВИНЪ. А. Просвѣтительная дѣятельность императрицы Екатерины II. Казань. 1897 г.

Его-же. Семь словъ Христа Спасителя со креста. Съ приложеніемъ статей: 1) Святая ночь. 2) День побѣды. 3) Ради свѣтлаго дня. Казань. 1903 г.

Его-же. Личность и творчество Гоголя. Съ портретомъ Гоголя и библіографическимъ указателемъ важнѣйшихъ сочиненій о его жизни и творчествѣ. Казань. 1909 г.

РОЖДЕСТВИНЪ, А. Ѳедоръ Ивановичъ Тютчевъ. Жизнь и поэзія. Казань. Оттискъ изъ „Педагогическаго сборника".

Его-же. Поэзія Тургенева. Къ 25-лѣтію смерти писателя-поэта († 22 августа 1883 года). Казань. 1908 г.

Его-же. Семья и школа въ сочиненіяхъ Л. Н. Толстого. Казань. (Оттиски изъ „Педагогическаго сборника").

Его-же. Поэзія Некрасова. (Оттискъ изъ „Педагогическаго сборника").

Его-же. Вл. С. Соловьевъ, какъ поэтъ. Казань. 1901 г.

Его-же. Въ виду реформы средней школы. Казань. 1900 г.

Его-же. Книги по обученію русскому языку въ инородческой школѣ. Историко-критическій обзоръ. Казань. 1905 г.

Получать можно отъ *автора — Казань, Ново-Горшечная ул., д. Башарина. А. С. Рождествину.*

РОЗАНОВЪ, В. В. Уединенное. Почти на правахъ рукописи. Спб. 1912 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Его-же. Опавшіе листья. Спб., 1913 г. Цѣна 2 р. 50 к.

Его-же. О подразумѣваемомъ смыслѣ нашей монархіи. Спб. 1912 г. Цѣна 80 к.

Его-же. Библейская поэзія. Спб. 1912 г. Цѣна 50 коп.

Его-же. Л. Н. Толстой и русская Церковь. Спб. 1912 г. Цѣна 80 к.

Его-же. Темный ликъ. Метафизика христіанства. 1911 г. Цѣна 2 р. 50 к.

Его-же. Люди луннаго свѣта. Метафизика христіанства. Изданіе 2-е (увеличенное на 95 страницъ). Спб. 1912 г. Цѣна 2 руб. 50 коп.

РОЗАНОВЪ, В. В. Русская Церковь. Духъ. Судьба. Ничтожество и очарованіе. Главный вопросъ. Спб. 1909 г. Цѣна 40 к. (По отпечатаніи подверглась аресту и была освобождена отъ него по приговору С.-Петербургской судебной палаты въ 1911 г.).

Тоже. Перев. на нѣмецкій языкъ. (Въ сборникѣ Russen ueber Russland"). Франкфуртъ на/М.

Тоже. Переводъ на итальянскій языкъ. Миланъ.

Vassili Rozanov. L' Eglise Russe. Traduit acec l'autorisation de l'auteur par **N. Limont-Saint-Jean & Denis Roche.** Paris. 1912.

Его-же. Около церковныхъ стѣнъ. Два тома. Спб. 1906 г. Цѣна каждаго тома 2 р.

Его-же. Въ мірѣ неяснаго и не рѣшеннаго. Изд. 2-е. Спб. 1904 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Его-же. Семейный вопросъ въ Россіи. Два тома. Спб. 1903 г. Цѣна 4 р. 50 к.

Его-же. Ослабнувшій фетишъ. Психологическія основы русской революціи. Спб. 1906 г. Цѣна 20 коп.

Его-же. Когда начальство ушло. Очеркъ русскихъ событій 1905—1906 гг. Цѣна 2 р.

Его-же. Итальянскія впечатлѣнія. Римъ.—Неаполитанскій заливъ.— Флоренція.— Венеція.— Съ рисунками Л. С. Бакста и тремя видами Пестума. Спб. 1909 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Его-же. Легенда о Великомъ Инквизиторѣ. Ѳ. М. Достоевскаго. Опытъ критическаго коментарія. Съ приложеніемъ двухъ этюдовъ о Гоголѣ. Изд. 3-е. Спб. 1906 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Его-же. Сумерки просвѣщенія. Сборникъ статей по вопросамъ образованія. Изданіе П. П. Перцова. Спб. 1899 г. Цѣна 1 р. (распродано).

Его-же. Природа и Исторія. Сборникъ статей. Изд. 2-е П. П. Перцова. Спб. 1902 г. Цѣна 1 р. (распродано).

Его-же. Религія и Культура. Сборникъ статей. Изд. 2-е П. П. Перцова. Спб. 1902 г. Цѣна 1 р. 20 к. (распродано).

РОЗАНОВЪ, В. В. Литературные очерки. Изданіе П. П. Перцова. Спб. 1899 г. Цѣна 1 р. (распродано).

Его-же. О пониманіи. Опытъ изслѣдованія природы, границъ и внутренняго строенія наукъ какъ цѣльнаго знанія. Москва. 1886 г. Цѣна 5 р. (распродано).

Его-же. Мѣсто христіанства въ исторіи. Изд. 2-ое. Спб. 1903 г. Цѣна 20 к. (распродано).

Его-же. Мѣстото на хрістіанството въ историята. Отъ В. В. Розановъ. Прѣводъ на болгарскій языкъ отъ Русски подъ редакцията на Д. Божковъ. Библіотека „Духовна Пробуда". Пловдинъ. 1906 г.

Письма А. С. Суворина къ В. В. Розанову.

Складъ изданій въ книжномъ магазинѣ И. И. Митюрникова (Спб., Литейный пр., д. 31, телеф. 90-12). Иногороднымъ, выписывающимъ наложеннымъ платежомъ, складъ высылаетъ книги В. В. Розанова съ первою почтою.

РОМАНОВЪ, ИВ. Ѳ. (РЦЫ). Червоточина исторіи. Сборникъ статей. Спб. 1906. Цѣна 1 р. 20 коп.

Его-же. Севильскій цирюльникъ. Опера Россини. (Опытъ коментарія нѣсколькихъ тактовъ музыки). Спб. 1912.

Его-же. Листопадъ. Сборникъ статей. Кіевъ—1892 года.

Его-же. Тексты перепуталъ (противъ «Крейцеровой сонаты» гр. Л. Н. Толстого).

Его-же. Лѣтописецъ. Періодическій Сборникъ. За 1 годъ.

Складъ изданія у автора: (С.-Петербургъ. Бол. Зеленина улица, домъ 7, кв. 2).

СТРАХОВЪ, Н. О методѣ естественныхъ наукъ и значеніи ихъ въ общемъ образованіи. Спб. Цѣна 1 р.

Его-же. Міръ, какъ цѣлое. Изданіе 2-е. Спб. 1892 г. Цѣна 2 р.

СТРАХОВЪ, Н. Изъ исторіи литературнаго нигилизма. 1861—1865. Спб. 1890 г. Цѣна 2 рубля.

Его-же. Замѣтки о Пушкинѣ и другихъ поэтахъ. Спб. 1888 г. Цѣна 1 р.

Его-же. О вѣчныхъ истинахъ. (Мой споръ о спиритизмѣ). Спб. 1887 г. Цѣна 1 р.

Его-же. Объ основныхъ понятіяхъ психологіи и физіологіи. Спб. 1886 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Его-же. Критическія статьи объ И. С. Тургеневѣ и Л. Н. Толстомъ. Изданіе 2-е. Спб 1887 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Его-же. Борьба съ Западомъ въ нашей литературѣ. Книга 1. Изданіе 2-е. — Герценъ. Милль. Парижская коммуна. Ренанъ. Исторіи безъ принциповъ. Штраусъ. Поминки по И. С. Аксаковѣ. Спб. Цѣна 1 р. 50 к.

Его-же. Тоже. Книжка вторая. Изданіе 2-е. Ходъ нашей литературы, начиная отъ Ломоносова. Роковой вопросъ. Наша культура и всемірное единство. Дарвинъ. Полное опроверженіе дарвинизма. Спб. 1890 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Его-же. Философскіе очерки. Спб. 1894 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Его-же. Воспоминанія и отрывки. Цѣна 1 р.

ФЛОРЕНСКІЙ, ПАВЕЛЪ, священникъ. Въ вѣчной лазури. Сборникъ стиховъ. Сергіевъ Посадъ. 1907 г.

Его-же. Столпъ и утверженіе истины. Письма къ Другу.

Его-же. Дружба. Изъ писемъ къ Другу.

Его-же. Софія. Изъ писемъ къ Другу.

Его-же. Соль земли то есть сказаанье о жизни старца Гефсиманскаго скита Іеромонаха Аввы Исидора, собранное и по порядку изложное недостойнымъ сыномъ его духовнымъ. Сергіевъ Посадъ. 1909.

Его-же. Общечеловѣческіе корни идеализма. Сергіевъ Посадъ. 1909 г.

ФЛОРЕНСКІЙ, ПАВЕЛЪ, священникъ. **Служба Софіи Премудрости Божіей.** Свято-Троицкая Сергіева Лавра.

Его-же. Собраніе частушекъ Костромской губерніи Нерехтскаго уѣзда. Изданіе костромской Архивной комисіи. Кострома. 1910 г.

Сборникъ, посвященный памяти Сергѣя Семеновича Троицкаго († 2 ноября 1910 г.). Тифлисъ. 1912.

Складъ изданія у автора: Троице-Сергіевъ Посадъ, Московск. губ., Штатная Сергіева улица, домъ Озерова. П. А. Флоренскій.

ШЕСТАКОВЪ, ДМ. Стихотворенія. Изданіе П. П. Перцова. Спб. 1900. Цѣна 1 руб.

Его-же. Изслѣдованье въ области греческихъ народныхъ сказаній о святыхъ. Варшава. 1910 г. Цѣна 2 р.

Его-же. Изъ Гомеровскихъ гимновъ. Переводъ съ греческаго. Казань. 1899 г.

Его-же. „Персы" Тимоѳея. Вновь открытый памятникъ древне-греческой поэзіи. Казань. 1904 г.

Его-же. Новѣйшія изученія древне-греческой литературы и жизни. Казань. 1904 г.

Его-же. Героини Овидія. Переводъ съ латинскаго. Казань. 1905 г.

Его-же. Три поэта византійскаго ренессанса. Казань. 1906.

Его-же. Памяти Т. Г. Шевченка, къ 40-лѣтію кончины—поэта. Казань. 1902.

Выписывать можно у автора—Казань. Односторонка 3-ей горы, свой домъ (Дим. Петр. Шестаковъ, профессоръ Университета).

ШПЕРКЪ, ѲЕДОРЪ. Философія индивидуальности. Varia. Спб. 1895 г.

Его-же. О страхѣ смерти и принципѣ жизни. Спб. 1895.

Его-же. Мысль и рефлексія. Афоризмы. Спб.

ШПЕРКЪ, ѲЕДОРЪ. Книга о духѣ моемъ. Спб. 1896 г.

Его-же. Діалектика бытія. Аргументы и выводы моей философіи. Спб. 1897 г.

ЭРНЪ, БЛ. Русскіе мыслители. Г. С. Сковорода. Книгоиздательство „Путь". Москва. 1912 г. Цѣна 2 р.

ѲЕДОРОВЪ, Н. Ѳ. Философія общаго дѣла. Статьи, мысли и письма, изданныя подъ редакціей В. А. Кожевникова и Н. П. Петерсона. Томъ I. Семипалатинскъ. Томъ II. Москва. 1913 г. Цѣна 2 р. 50 к.

2007041719